

Цена 37 коп.

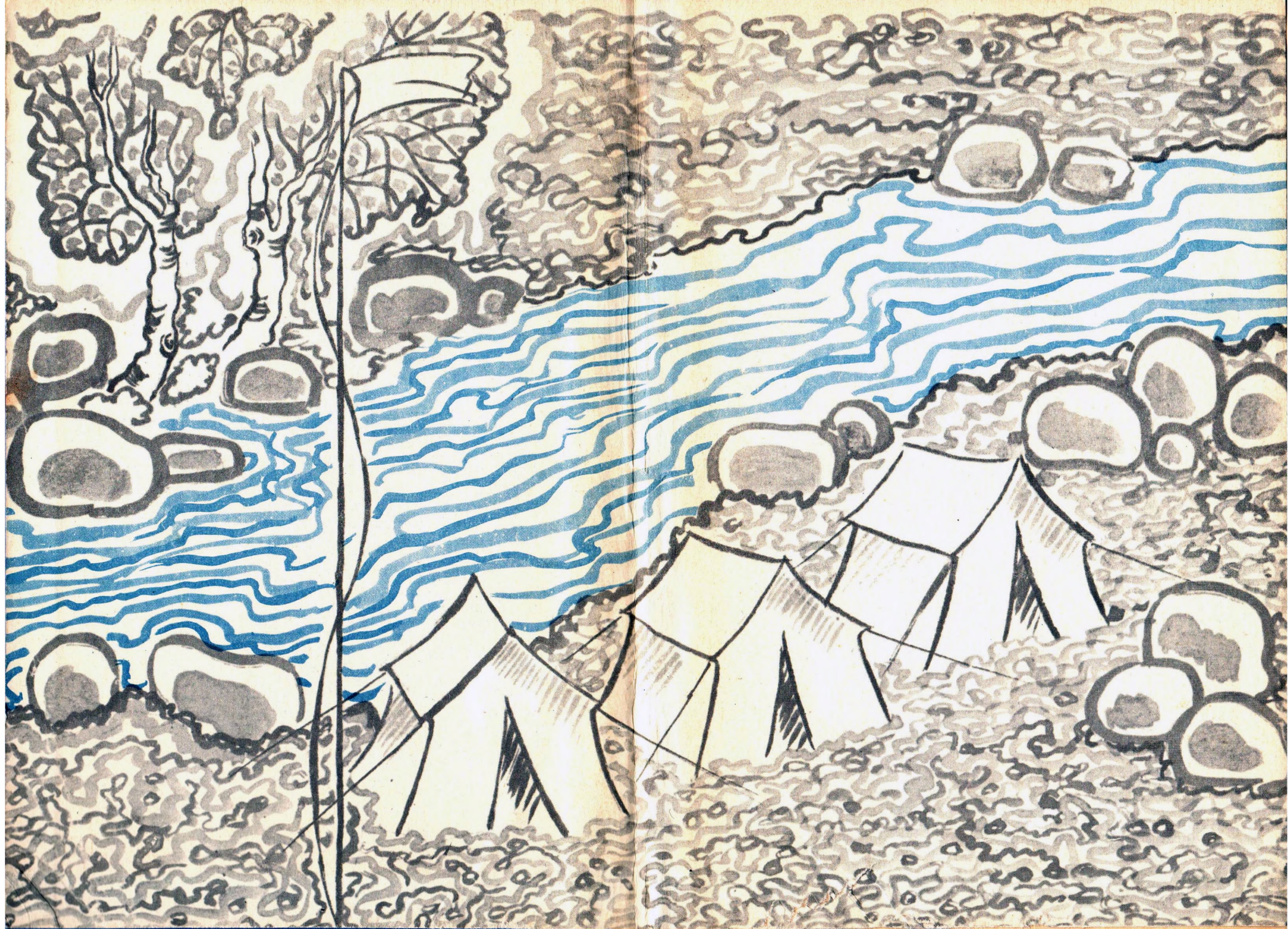
КОММУНА

ФРУНЗЕНСКАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

“ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА”

ФРУНЗЕНСКАЯ КОММУНА

Книга
О НЕОБЫЧНОЙ ЖИЗНИ
ОБЫКНОВЕННЫХ
РЕБЯТ,
НАПИСАННАЯ
ИМИ САМИМИ,

С РИСУНКАМИ,
КОТОРЫЕ СДЕЛАЛА
Талина Скотина,
ТОЖЕ КОММУНАРКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА • 1972

Впервые изданная три года назад, эта книга получила многочисленные отклики в печати, вызвала большой интерес у ребят, пионерских вожатых и педагогов. Ребята находят здесь увлекательный рассказ о том, какой захватывающей может быть жизнь отряда и дружины, какое счастье приносит совместная работа для людей, забота о друзьях, постоянное стремление к осмысленной жизни. Вожатые и педагоги находят в книге глубокие педагогические идеи, историю развития детского коллектива, во многом похожего на макаренковские, но созданного в наши дни. Краткий научный анализ деятельности Фрунзенской коммуны дает в послесловии к книге известный советский психолог М. С. Неймарк. «Книга о Фрунзенской коммуне,— пишет она,— оригинальное описание истории детской организации, уникальной со всех точек зрения и главным образом — по ее воспитательному эффекту».

Книга эта, по существу, не окончена: коммуна продолжает работать, воспитывать новых ребят, и они, надо надеяться, допишут когда-нибудь новые главы в эту веселую, а порой и драматичную летопись.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

Книгу составил и подготовил к печати
С. СОЛОВЕЙЧИК

Организовала литературную работу коммунаров
С. ГУРЕВИЧ

КТО АВТОР ЭТОЙ КНИГИ И КАК ЕЕ ПИСАЛИ

В Ленинграде при Фрунзенском Доме пионеров и школьников больше десяти лет существует Фрунзенская коммуна.

Как она появилась на свет и как она живет — это вы узнаете из книжки.

А сейчас только про книжку.

Ее писали ребята, члены коммуны: от новичков, шестиклассников и семиклассников, до «старичков» — теперь уже студентов.

Плана книги не было. План стали придумывать потом, когда на столе лежали кипы тетрадок и листков. Каждый писал о чем хотел, о самом значительном для себя.

Понятно, что связного рассказа не складывалось. Провалы и «дыры» были неминуемы. Непосвященный в дела коммуны не понял бы, что к чему. Пришлось вновь сесть за работу и написать куски-связки. Их писали коллективно, с помощью журналистов — друзей коммуны. Обсуждали, спорили, чуть все не перессорились.

Потом все это сложили вместе — листки-воспоминания и общие куски.

В результате на страницах книжки мелькают то «я», то «мы».

Кто это «мы» — понятно. Мы — это коммуна.

А кто «я»?

«Я» — в каждой главке другой.

В одном случае «я» принадлежит Володе Магуну, в другом — Володе Лосенкову, в третьем — Коле Крыщуку, и так далее.

Получилось как в жизни: «мы» — общее, а «я» — разные. И если все эти «я» перебивают друг друга, торопятся и потому не могут рассказать все, как было, по порядку — это не страшно. Главное — чтобы вы почувствовали нашу коммуну.

Глава первая,

САМАЯ НЕЯСНАЯ

ВАРЕЖКИ СИНИЕ И КРАСНЫЕ

Я была очень заводилистой девчонкой — так говорили в школе. Поэтому старшая пионервожатая послала меня в Дом пионеров на какое-то интересное дело.

Интересное дело начиналось в 9 утра, а это было воскресенье. Обычно в такие дни режим у меня был следующий. Подъем в 12, с 12 до часу — завтрак, с часу до 4-х — прогулка, с 4 до 5 — обед, с 5 до 9 — прогулка. Потом ужин, 30 минут на разговор с мамой по поводу моего режима, и в 11 — отбой. А в это воскресенье пришлось встать в восемь, и к девяти я была в Доме пионеров. Настроение — сами понимаете: могла бы еще три часа спокойно спать. А тут...

На первом этаже было уже много ребят. Все стояли кучками и пели. Подойти самой как-то неудобно, встала в стороне, наблюдаю. Минут пять так постояла. Песни всё какие-то

незнакомые, да еще все чего-то забегали, говорят — строиться надо. А я не знаю — куда и с кем.

Тут подходит какая-то девочка, года на два старше, и очень запросто так:

— Тебя Наташа звать и ты из триста двадцатой, да?

— Да.

— Ну, пойдём к нам.

Подошли к ребятам. Я хотела опять в сторону, а она держит за руку и говорит:

— Вот это Наташа Перфильева из триста двадцатой, очень любит смеяться.

Я хотела что-то спросить, но раздался горн, и я очутилась в строю.

Я не успевала удивляться, до чего все быстро происходит.

Что шли с песнями, меня, пожалуй, не удивляло. У нас в школе тоже пели. Но они еще и кричали! И, как мне казалось, кричали такие глупости, что идти с ними рядом было стыдно.

По аллее так шагай —
ставь тверже ногу!
Петь отряду помогай!
Не прячь глаза в дорогу!

Куда мы шли, я еще не знала, да это и к лучшему — а то бы удрала.

Дошли до места, где только что начинали строить новый ТЮЗ. Все остановились. Потом какой-то мальчик, по прозвищу Магун, стал уводить из колонны ребят. Наконец очередь дошла и до нас.

— «Волга»?

— Да!

«Да» сказали хором, так дружно, что про себя я подумала: «Что у них — все хором принято говорить?»

— Сколько человек? Двадцать один? Отлично. Ну пошли.

Раза три он нас провел по одному и тому же месту, потом сказал что-то той девочке, которая меня поставила в строй, и пошел. Отойдя на четыре шага, он обернулся:

— Что, вы все еще стоите, ребята? Это даже неприлично. Ну, с новым годом! — и побежал.

Почему «с новым годом»? Что это с ним?

Дальше вспомнить страшно. Всё было так быстро. А может, это сейчас так кажется? Только отлично помню, что мне и еще какой-то девочке дали носилки и сказали:

— Вперед!

Я стояла позади, и поэтому мне пришлось идти, куда поведут. Носили мы всякую грязь — стружки, куски камня и еще что-то.

Через час я была вроде того комара, о котором сказано: «Он лежит и еле дышит». Потом кто-то громко провозгласил:

— Через пять минут заканчиваем!

Про себя я решила, что моя пионервожатая самая что ни на есть противная и, еще хуже того, просто врунья. Как можно вот это считать «интересным» делом?

«Наташка, вот вспомнишь меня и еще поблагодаришь!» — сказала мне вожатая. Да, уж нечего сказать, поблагодарю!

Хорошо, что моя напарница опустила свою сторону носилок, а то бы я все равно бросила. Но только я решила смыться, как подходит ко мне та, что и в первый раз (теперь я уже знала, что звать ее Татьяна, а фамилия не то Теплиц, не то Треплиц), — подходит и говорит:

— Ты куда?

— Домой.

— Подожди.

— Чего?

— Как — чего? Надо договориться, когда соберемся, и еще кое о чем.

Как же, нашли дурочку — «еще соберемся»!

Домой шла усталая и думала, что вот все воскресенье испорчено. Вхожу в комнату. Мама:

— Ну как? Интересное дело?

Ну, тут меня совсем взорвало:

— Да, да, интересное. Ну что тебе — все знать хочется?

Мама остается мамой, и хоть я и нагрубила, она все-таки продолжала свои расспросы и к концу обеда уже знала и о Тане, и о работе у ТЮЗа, и о Магуне.

В полтретьего оделась потеплей и пошла на Загородный в садик кататься с горки. Когда уходила из дому, мама мне дала только что купленные варежки, ярко-синие и с белой звездочкой. Я оторвала бирку, поцеловала маму и совсем счастливая пошла гулять. Подхожу к садику и вижу Инну — это моя старшая вожатая, — а она мне навстречу и так удивленно:

— Ты почему не в Доме пионеров?

Я ей все честно рассказала.

Она говорит:

— Ладно, я сама пойду. Ты не проводишь меня?

Вот пристала! Провожу.

Пошли. Было десять минут четвертого. Я уже хотела возвращаться, а Инна — зайдём да зайдём, ну, я и опять зашла. Стала раздеваться и с ужасом обнаружила, что потеряла варежки. Вот тебе и новость! Уж как начнется день с неудач, так и весь день какие-нибудь несчастья.

Инне ничего не сказала и совсем расстроенная пошла наверх. По коридору по обе стороны таблички: «Урал», «Днепр», «Сибирь», «Кавказ», и разукрашены. Вдруг вижу — «Волга» и внизу волны и рыбка с улыбкой. Инна открывает дверь и говорит:

— Извините, мы чуть-чуть опоздали.

— Ничего, проходите.

Таня очень хорошо улыбнулась.

Говорили всё о каких-то непонятных вещах. Но все смея-

лись. То, что мы делали, называлось сюрпризом. Потом Таня взвизгнула и сказала:

— Всё, придумала, пусть будет Наташка.

Через две минуты меня завернули в скатерть, которую сняли со стола, и свели в зал. «Сюрприз» прошел хорошо. Я изображала какую-то статую, и говорить ничего не надо было: говорила другая девочка. Но все равно было хорошо, и всем понравилось. Меня потащили за занавес и стали разматывать.

И тут Таня заметила, что у меня что-то не так. Она десять раз спросила, не болит ли у меня голова, а может, дома что-нибудь, или мне скучно, или еще что? Я долго сопротивлялась и все отвергала, а потом сдалась и рассказала про варежки.

В девять вечера мы пошли одеваться. Мне было совсем тошно — сейчас приду домой и мама обязательно спросит про варежки. Что будет? «Неряха! Тебе нельзя ничего дать! Совсем новые варежки, дня не проносила...» — и еще очень долго.

Тут подходит Таня и дает мне сверток. «Что это?» — спрашиваю я. «Варежки». Развернула, а там действительно варежки, только не мои, синие, а красного цвета, но такая же звездочка в центре. Я ей говорю: «Это не мои». А она: «Все равно, бери, у тебя ведь точно такие были, только что синие. Это ребята».

Потом взяла за руку, и мы пошли к выходу. Тут была вся «Волга». Это мой отряд. Отряд «Волга». А Таня — это наш командир.

Договорились, когда встретимся. Пришла домой и все рассказала маме: что ребята варежки купили, и что выступала, и всем понравилось. А ночью лежала и думала: «Как это утром я о них нехорошо... И Магун (вечером я узнала, что его зовут Володя, и Магун — фамилия, а не прозвище) совсем неплохой парень. Очень веселый, а «с новым годом» — это он просто так.

МОЖНО ЛИ ЖИТЬ ОДНОМУ?

Кроме нескольких ребят, которые работают в коммуне с самого первого ее дня, почти все испытали при встрече с коммуной то же, что и Наташа Перфильева. Сначала вроде бы неприязнь, потом — удивление, потом — радость, потом — счастье.

Отчего неприязнь и удивление?

Мы все так любим быть самостоятельными, сами по себе!

Мы спорим с мамами и папами — отстаиваем свою «свободу».

Мы смотрим иногда на общественную работу, будто это наказание: «Почему я должен делать, а не он или не она?»

Мы сердимся: «Опять лом собирать!»

И вот мы видим ребят, которые всё делают дружно и с охотой и все вместе, как один. Сначала кажется, что они, эти ребята, не такие, как все. Чудаки какие-то. В воскресенье таскают тяжелые носилки, строятся на линейки, как будто маленькие. Хором скандируют свои «речевки». И все время смеются и поют...

«Нет, я с ними не пойду ни за что! — такой бывает первая мысль. — Очень нужно: вставать в воскресенье чуть свет и тащиться в какой-то Дом пионеров, строиться, слушать команды... Я — сам по себе!»

А позже, когда человек узнает коммуну поближе, в душе его что-то происходит. Как будто таилось в сердце желание встречаться вместе, и вместе петь, и вместе делать что-то серьезное. Желание это скрывалось, о нем никто не подозревал, но оно, оказывается, было! Оно у каждого есть, кому 14, 15, 16 лет. И вдруг при встрече с коммуной оно просыпается и становится самым главным желанием, и с этого дня человек уже не может жить в одиночку. Оказывается, самостоятельность вовсе не в том, что я — один, вечно один. Само-

стоятельность — это когда нас много и каждый может сам придумывать, как бы всем жилось получше, и сам делать эту хорошую жизнь. От моей самостоятельности кому-то должно быть хорошо, и тогда и мне будет хорошо.

Сколько ребят вздыхают: «У нас недружный класс...»

Сколько ребят мечтают: «Было бы у меня много-много друзей, таких, которым все можно рассказать, которые для тебя что угодно сделают, и ты для них». Но где их взять, этих друзей? И что они должны делать, чтобы им всем было интересно? Как жить?

Коммунары не сами придумали свою коммуну. И никто ее не придумывал. Она образовалась постепенно.

ОЛЕГ ИВАНОВИЧ

Каждое дело можно понять, только если поймешь людей, которые его организовали.

Поэтому мы расскажем о трех создателях нашей коммуны. Сделать это не просто. Оказывается, о самых любимых людях труднее всего писать. И еще есть одна причина. Мы живем вместе десять лет. За это время столько случилось всякого, столько раз мы ссорились, столько раз мирились! Ведь даже двое друзей, бывает, ссорятся между собой. А нас больше ста человек...

Признаемся: когда надо было писать об Олеге Ивановиче, то один за другим все ребята отказались: «Не могу!» Мы совсем уже собрались писать вместе, но тут одна коммунарка принесла и молча положила на стол свое домашнее сочинение на тему: «Самый лучший человек, которого я знаю». Сочинение было написано шесть лет назад. Обычная школьная тетрадка. На полях и в тексте поправки учительницы. В конце отметка — 4/5. «Четыре» — за грамотность, «пять» — за содержание. Сочинение — об Олеге Ивановиче. Это он — «лучший человек, которого я знаю».

Мы было уже обрадовались: как раз то, что надо, но девочка эта, автор сочинения, сказала:

— Только, чур, фамилию мою не указывать.

— Почему?

— Потому что это я писала шесть лет назад, а сейчас я думаю о нем по-другому...

Разгорелись споры. Многие поддержали девочку. Решили: сочинение в книжку не включать, а рассказать об Олеге Ивановиче коротко.

...Олегу Ивановичу, кандидату педагогических наук, к моменту создания коммуны было 35 лет, и он уже многое в жизни и передумал, и понял. Он знает педагогику, как никто другой. О Макаренко рассказывает так, что нам кажется, будто мы жили с ним рядом. Олег Иванович человек такой: вокруг него все начинают думать, придумывать, анализировать, разбирать. Если он рассказывает — он всегда горячится, потому что вкладывает в рассказ все сердце. Если берется за дело, он с головой уходит в него, забывает обо всем: и про сон, и про еду, и про все на свете, и ни о чем другом не хочет говорить — только о деле, и все вокруг него кипит, всем радостно работать, и все, как под гипнозом, вот так же, как он, забывают о себе.

Олег Иванович очень обаятелен: он заразительно смеется, просто заливается, и все видят его доброту. Это человек-праздник. Когда он в комнате, то кажется, что в комнате все красиво и все значительно. Если он назначит встречу — никто не опаздывает, все дорожат каждой минутой общения с ним. Если он уезжает куда-нибудь — все бегут провожать, и тащат цветы, и несут его вещи до вагона, потому что любят его. Его общительность заражает всех, его самоотверженность передается всем. Кажется, Олег Иванович прямо создан был для того, чтобы вокруг него образовалось что-то вроде нашей коммуны.

Еще до коммуны он придумал СЭН — Союз энтузиастов. В него входили несколько старших пионерских вожатых.

Олег Иванович учил их, как сделать, чтобы у ребят была хорошая, дружная жизнь.

Но отчего-то ни у кого не получалось... Энтузиасты были, а ребята к ним не шли. Ведь то, что задумал Олег Иванович, — это не просто веселая компания вроде тех, что сами собой собираются во дворах. Олег Иванович хотел совсем другого... Ему нужны были настоящие помощники. Такие, как Лариса Павловна и Фаина Яковлевна.

ЛАРИСА ПАВЛОВНА

Лариса Павловна была в ту пору старшей вожатой. Редко встретишь такого веселого человека. Она всегда была в счастливом настроении, всегда чувствовался в ней какой-то подъем.

Лариса Павловна замечательно умеет обращаться с ребятами. Кажется, она видит всех насквозь, в одну минуту может дать точную и смешную характеристику и влюбляет в себя каждого, кто ей встречается.

Пионерская комната в ее школе была полна мальчишек явно не пионерского возраста: девятиклассников и десятиклассников. Они болтали с Ларисой Павловной обо всем на свете. С нею очень интересно: она первой узнает новую песню, которую завтра будут петь все, и первой достает книжку, за которой завтра будут охотиться все, и первой может показать танец, который завтра будут танцевать все. Завтра. А она все знает сегодня. Мальчишки сидели в пионерской часами и готовы были идти за вожатой на край света. Может быть, оттого ей легко было организовать любое дело в школе. Спокойно и с улыбкой объяснит, что надо делать, и человек летит.

В ней все необычно. В квартире — мы часто бывали у нее дома — шведская стенка, гантели. Если Лариса Павловна за столом, то стол будет накрыт каким-то необыкновен-

ным способом (в одну минуту все переставит!), да еще заранее будут приготовлены шуточные тосты и сюрпризы. В ее доме был «весь Ленинград»: самые известные люди были рады прийти в гости к Ларисе Павловне.

Мы перечитали эти страницы и сами удивились: полный набор совершенств!

Но что поделаешь... Такой мы знали Ларису Павловну, не ухудшать же нам ее нарочно. Жаль, конечно, что нам приходится писать в прошедшем времени: «знали». Но и с этим ничего не поделаешь.

ФАИНА ЯКОВЛЕВНА

А третьей была Фаина Яковлевна. Скажем сразу: это имя в нашей книжке будет встречаться чаще других, особенно к концу; поэтому, чтобы было короче, мы будем называть ее так, как называем в жизни, когда говорим между собой: «Ф. Я.», «Фэ — Я». Почти фея. Да она и есть наша фея, на первый взгляд довольно сердитая, а на самом деле очень добрая фея. Во всяком случае, к миру волшебников она, несомненно, имеет отношение, потому что никто, кроме нее, не умеет добыть палатки, договориться о месте для лагеря, утихомирить недовольное чем-нибудь начальство, зазвать в коммуну нужных людей.

Ф. Я. в то время, в 1959 году, была методистом Фрунзенского Дома пионеров и школьников. Она и сейчас в этой должности. До работы в Доме пионеров она одиннадцать лет была старшей вожатой, а еще раньше... но что было раньше с Ф. Я., мы рассказывать не будем, потому что мы тоже не сразу узнали о жизни Ф. Я. и очень удивились, когда узнали о ней... Мы были уверены, что она всегда с пионерами, и только с пионерами, командует на линейках, принимает и сдает рапорты, устраивает сборы, учит актив, ругает вожатых за плохую «наглядную агитацию»...

В нашей Ф. Я. много противоречивого. Она старше всех в коммуне (кроме Олега Ивановича), но никто не умеет в такой степени быть учеником — учиться, советоваться, слушать. Она распоряжается безапелляционно, она приказывает и распоряжается — и никто не демократичен в такой степени, как она. Нет человека, с которым так легко спорить. Она часто жалуется на усталость и болезни — но мало таких выносливых людей в коммуне, как она. Она не поражает незаурядностью, не вызывает мгновенной, с первого взгляда, любви, про нее даже не скажешь «авторитетная», и все-таки... Чем больше ее узнаешь, тем больше любишь, тем больше она удивляет вас, и в конце концов именно она-то и представляется вам человеком незаурядным, необычным.

ВСЕ ТРОЕ

Познакомились они так. Кто-то сказал Олегу Ивановичу, что для осуществления его идей есть незаменимый человек — добрый, умный и покладистый. Олег Иванович и Лариса Павловна пришли в Дом пионеров Фрунзенского района.

— Что у вас самое трудное сейчас, Фаина Яковлевна?

— Актив... Школа актива... Ребята собираются, учим их, а на следующее занятие надо вновь вызывать их телефонограммами — сами не идут.

Здесь можно было бы написать: «Олег Иванович задумался и вдруг предложил: «А давайте мы... организуем...»

На самом деле было не так. На самом деле все трое долго спорили, искали выход, придумывали, вспоминали своих ребят — тех, с кем работали: как бы устроить им жизнь поинтереснее? Чтоб не звать их приходилось в Дом пионеров — чтоб сами бежали сюда!

Первым произнес слово «коммуна» Олег Иванович. Он уже обдумывал эту идею: создать детскую коммуну вроде

той, какая была у Шацкого или у Макаренко, но только в новых условиях.

Что конкретно означает «ребячья коммуна»?

Что она будет делать?

Как жить?

Честно говоря, в ту пору даже Олег Иванович не очень представлял себе это.

В Дом пионеров вызвали ребят из тридцати школ района и предложили им...

Ц В Е Т О Ч К И

В пионерскую пришла очередная телефонограмма. Только текст у нее был какой-то необычный:

«Сегодня в 16.00 прислать в Дом пионеров самого активного, инициативного, сообразительного пионера с цветочком».

Цветочек окончательно добил Аринушку. Так в моей школе звали старшую вожатую.

Мы тосковали над телефонограммой вдвоем—Арина и я, семиклассник, председатель совета дружины. Мы уже немало ребят по таким бумажкам отправляли в разные школы актива. Но тут — «с цветочком», да к тому же телефонограмма почему-то целый день пролежала в канцелярии, сейчас три часа, никого не предупредить. Все ясно — идти мне.

Вторым делегатом был единогласно избран фикус, стоявший в уголке пионерской, видимо, со дня основания школы.

С фикусом в руках я еле вылез из пионерской, обогнув длинный, буквой «Т» стол, накрытый суконной зеленой скатертью.

В Доме пионеров цветочек сдал в биокружок, и больше ничего неожиданного не предполагалось, все будет как обычно: войдет женщина (вошла женщина), поздоровается

(поздоровалась), начнет говорить, что мы должны, что мы будем учиться...

— Как вы думаете, почему у нас в школах такие плохие вожатые?

Здрате! Опять «цветочки»! До сих пор я знал, что вожатый может или быть, или не быть, но его наличие уже само по себе исключает прилагательное «плохой». Что бы это значило и что будет дальше?

А дальше нам предложили собираться, вместе ходить на экскурсии, говорить с интересными людьми, спорить, но, в сущности, все уже было решено самой первой фразой, первыми словами Ларисы Павловны.

НА ТЕ, ПОЖАЛУЙСТА!

Утром, в первый день каникул, я побежал в Дом пионеров. После общего сбора нас вывели в фойе, раздали ведра и тряпки. Думаете, мне хотелось мыть пол? Только пришли и сразу — нате, пожалуйста, работайте! Но тут заиграл духовой оркестр, и мне почему-то захотелось и мыть пол, и петь, и сделать больше всех. Каждые полчаса по этажам пробегали дежурные с донесениями. Все было здорово. И взрослые вместе с нами, на равных мыли и убирали наш Дом. Из-за этого субботника мы его и полюбили. Так с первых дней стало проясняться, как мы будем жить: все делать весело и с выдумкой и всё — вместе со взрослыми (или, если хотите, наоборот: взрослые вместе с нами). Словом, *вместе*.

И Д Е И

Теперь спорили не только трое старших — Олег Иванович, Лариса Павловна и Ф. Я. Теперь нас было много. Решили: коммуна будет искать новые, современные формы рабо-

ты и потом распространять эти формы в пионерских дружинах и комсомольских организациях. Это ее цель. Кто говорит, что в отряде скучно? Мы докажем, что нет ничего интереснее, чем работа в отряде.

Коммуну можно назвать «школой актива». Только это не совсем обычный актив и не совсем обычная школа. Это такой «актив», в который принимают всех, кто хочет, независимо от того, выбрали человека в председатели совета отряда, в комсорги или нет.

Это такая школа, где никто никого не учит, а просто живут и работают так, как может жить дружный отряд, дружная комсомольская организация.

Что попусту мечтать о красивой жизни? Давайте устроим ее сами!

Но ведь в коммуну приходят обыкновенные ребята из обыкновенных школ. Много таких, кто больше всего на свете боится перетрудиться, кто с подозрением относится ко всяким активистам («выскочки!»)... Перевоспитывать?

Скучное, длинное слово — «пе-ре-вос-пи-та-ние».

Да и кто кого будет перевоспитывать?

Позже мы сформулировали:

Правда — но без громких фраз,
Красота — но без прикрас,
И добро не напоказ —
Вот что дорого для нас.

В нашей коммуне должна быть такая чистота отношений, что каждый, кто входит к нам, сразу становится другим.

Коммуна должна волновать... вызывать мечты... Но пока что она сама — мечта, не больше. Еще не было наших сборов, наших субботников, наших «Огоньков», еще не умеем мы заметить грусть в глазах товарища и так к нему «пристать», чтобы он не мог не поделиться, отчего ему грустно, и не умеем помочь, чтобы грусть ушла, испарилась...

Всему надо учиться!

Вот только это у нас и было на первых порах: несколько мыслей насчет организации коммуны.

Тот, кто приходит в коммуну, должен сразу, с первой минуты почувствовать в ней необычное. Что может предложить коммуна?

Во-первых, необычных взрослых. Взрослых, которые во всем советуются с ребятами, всегда веселые, жизнерадостные, всегда шутят. Работают с ребятами наравне, не жалеют себя, увлечены идеей коммуны.

Во-вторых, радость сделанного дела.

С первого же сбора один отряд пошел на завод с концертом, второй — в детский сад чинить игрушки, третий — в библиотеку, разбирать и приводить в порядок книги.

На заводе сказали: «Молодцы!», в библиотеке: «Молодцы!» и в садике: «Молодцы!» А когда вернулись, то Олег Иванович в восхищении потирает руки, приговаривает: «Вот это да!..»

Словом, всюду молодцы, и оттого хорошее настроение.

В-третьих, коммуна может предложить такую организацию, чтобы каждый коммунары действительно чувствовал себя ответственным за всю коммуну. Полное самоуправление...

Но как его добиться?

Пока что было неясно.

«ОГОНЕК»

Ребята подобрались разные. У всех — тьма нагрузок-перегрузок. Диапазон — от скрипки и спортсекции до шефства в детсады. Поэтому встречались довольно редко.

Как-то в конце зимы, когда возвращались от коллекционера Николая Спиридоновича Тагрина, Лариса Павловна проговорила: лагерный сбор человек на восемьдесят...

Мы бешено затопали по площадке трамвая.

На первом летнем сборе у нас получилось шесть отрядов. Олег Иванович предложил:

— Знаете что? Давайте назовем отряды так: выберем любые географические названия, а там видно будет...

Общий сбор с географией справился быстро:

— Волга!

— Днепр!

— Чур, Алтай!

— Кавказ!

— Ура! Мы — Урал!

— Сибирь!

— Прекрасно! Как же будем работать — с запада на восток или с востока на запад?

— Обсудим на «Огоньке».

К первому летнему сбору у Олега Ивановича родилась потрясающая идея. Быть может, она, эта идея, в основном и сделала коммуны коммуной. Идея эта выражалась в одном слове: «Огонек»!

Не путайте его, пожалуйста, с телевизионным «Голубым огоньком». Наш «Огонек» загорелся раньше и ничего общего с телевидением не имеет.

Наш «Огонек» — это вот что такое.

Каждый вечер вся коммуна собирается у костра. Садимся кругом, чтобы видеть лица товарищей. Костер маленький, два-три полешка. Уютно. Сначала поют, потихоньку, для настроения. А потом начинают обсуждать, как прошел день.

Три вопроса задают на «Огоньке»:

— Что сегодня было хорошо?

— Что плохо?

— Что надо сделать еще?

Ну, думай, шевели мозгами, вспоминай, оценивай, говори!

Ох, как трудно было на первых «Огоньках»! Все молчат, ждут чего-то. Да и как при всех говорить о товарищах? Вро-

де бы не принято... И что тебе, больше всех надо? Нет уж, лучше промолчать...

Но Олег Иванович так хитро ставит вопросы, что поневоле начинаешь отвечать. Он к «Огонькам» часами готовился. И Лариса Павловна так весело смотрит, так шутит, так управляет общим настроением, что сидеть в кругу — одно удовольствие.

На другой день после первого же «Огонька» мы все стали чуть-чуть внимательнее к делам в коммуне. Что хорошо? Что плохо? Вечером надо будет говорить. А полениться днем или будешь нерасторопен — «выдадут» на «Огоньке»...

Очень простая и очень хитрая штука этот «Огонек». Теперь мы привыкли: каждое дело надо разобрать — обсудить на «Огоньке». И если мы отправились в «трудовой десант» — поработать на колхозном поле, а вечером не обсудили вместе, как прошел десант, то остается какая-то неудовлетворенность, будто не закончили работу.

Ведь все мы привыкли работать, что-то делать — этим никого не удивишь. Но многие ли умеют думать над тем, что сделано, как сделано, как надо делать? «Огонек» — начало осмысленной жизни. Разве каждый человек не должен по вечерам проводить свой «Огонек», обсуждать свой день и свою жизнь?

Сделать — мало. Кто придумал, что сделать? Мы. Кто делал? Мы. Кто оценил сделанное? Мы. Каждое дело сами *придумываем*, сами *выполняем* и сами *оцениваем*. Так сложилось настоящее самоуправление.

Уберите одно звено — и от самоуправления ничего не останется.

ПОБЕГ?

Я сильно стерла ноги и вдобавок слишком усердно залила их йодом. А тут девчонки побежали на почту, и я попросила Тамару Королеву позвонить домой. Не прошло и часа,

как за мной уже примчались на такси папа и бабушка. Залезать в машину на глазах у ребят было неловко, но потом я пришла в себя и всю дорогу до Ленинграда пела бабушке коммунарские песни.

Через три дня, заживив свои раны, возвращаюсь на сбор, в Вырицу. Ребята сидят на нарах, пологи подняты.

Первой меня встретила Майя Дворкина. Майку я не любила. Она была помощником командира, и то и дело раздавался ее счастливый голос:

— Олег Иванович, а мы уже все сделали! Посмотрите, как у нас хорошо получилось! Правда, здорово?

На этот раз, округлив глаза, Майя громким шепотом спросила:

— Я все-таки не могу понять, как же это у тебя вышло? Вроде человек как человек, и вдруг — такое!

Мне стало ужасно стыдно, хотя я не просила приезжать за мной на такси и срочно увозить в Ленинград. А тут еще Олег Иванович говорит ледяным голосом:

— Сегодня на «Огоньке» будешь отчитываться.

Но все как-то обошлось. На «Огоньке» страшно не бывает. Это совсем не похоже на обычную проработку. Когда тебя «обсуждают» в школе, то все почему-то вдруг превращаются в твоих врагов, и еще долго тебе трудно смотреть в глаза товарищам. А здесь так: каждый сказал, что думает о тебе, и кончено. Через минуту ты сам вместе со всеми обсуждаешь очередное дело.

«АЛТАЙ» + «СИБИРЬ»

Дождь льет уже вторые сутки подряд. Капли стучат о брезент и рассыпаются облачками брызг. Над палатками стоит серебряное море. Брезент не промокает, пока не прикоснешься к нему чем угодно: рукой, рюкзаком, книжкой. А тогда это место чуть-чуть темнеет, и начинают мерно капать тяжелые, холодные капли — они падают то ча-

ще, то реже, но не остановятся раньше, чем прекратится дождь.

Два вечера не было «Огоньков». Отрядный запас стихов и песен постепенно начинал истощаться, и все почувствовали, как холоден ветер с реки и как отсырел воздух. Песня кончилась.

Я почувствовал: если после этой паузы не случится что-нибудь сверхъестественное, ребята начнут мерзнуть, стучать зубами, и поднять настроение будет почти невозможно. В соседней палатке тоже, наверно, последнюю песню допевал отряд «Сибирь».

Тогда я вскочил, не обувая кедров, промчался по лужам к сибирякам, и через минуту в нашей палатке было около сорока человек.

И тут все забыли про дождь и холод — сразу вспомнились еще не спетые песни, не прочитанные стихи, и книгу читали вслух уже для двух отрядов, а потом затеяли какую-то игру, и снова в палатке смех и шум. Это было неожиданно для всех: из соседних палаток одна за другой начали высываться недоуменные физиономии, лагерь прислушивался к нашим песням.

Ливень стал послабее. Мы выскочили из шатра и заорали что-то победное и непонятное и провозгласили, что отряды «Алтай» и «Сибирь» теперь вместе. На ходу появилось название «Федерация Азия».

Дождь шел еще сутки, но за эти сутки появились федерации «Европа» и «Евразия», и лагерь не пищал.

ТИМУРОВСКИЙ ДЕСАНТ

Свою жизнь «Азия» по-настоящему начала с тимуровского десанта.

Разведчики вернулись к вечеру. Через три минуты собрался весь отряд.

Рапорт: в деревне для нас есть три дела. В детском саду нужно напилить и наколоть дрова. В конце деревни — помочь старикам полить огород: поливают сами и воду носят за полкилометра. Во дворе школы — грязно. Нужно убрать.

Ясно? Вопросы есть?

— А как распилить дрова тихо?

Марик Раскин на песке чертит план. У детсадика — небольшой лесок. Вот так. И если работать аккуратно в лесу, никто не услышит. Козлы — у детсада, пилу берем из лагеря.

Где взять песок для школьного двора? Рядом ремонтировали дорогу, осталось много песка. Носилки свалены в углу у школы...

Чем носить воду? Два ведра взять из лагеря, два — стоят у забора в огороде. Вот теперь, кажется, всё. Нет, еще одно — когда выходим?

В этот день вечерняя линейка и «Огонек» шли как всегда. Только после «Огонька»...

— «Азия» и «Кавказ» к выходу с территории лагеря готовы. Разрешите выход?

— Разрешаю, — говорит ДКК. — Возвращение к 5.00. Сейчас 23.30. Дежурные командиры, сверьте часы.

Трудно идти тихо, когда в цепочке три десятка ребят. У развилки бригады расходятся.

Вот и детский садик. В обе стороны вдоль дороги выслано охранение. У забора — еще один наблюдатель. Их задача — вовремя предупредить нас, если появятся чужие.

Организация работы продумана еще в лагере. Первая смена пильщиков передает через забор козлы, берет пилы и топоры и уходит в лес. Остальные осторожно несут длинные сучковатые бревна. Работа началась. Шума почти не слышно — разведка рассчитала точно.

Двигутся две цепочки — одна подает бревна, другая уносит наколотые дрова. Через пятнадцать минут пильщикам смена.

Стоп! На левом фланге — подозрительный шум. Пере-

мигнулись фонари, и работа мгновенно прекратилась. Ребята замерли. Через минуту связь доложила: все в порядке. И тут снова тревога — в домике на территории детсада кашляют. В окне зажигается керосиновая лампочка.

Уже три часа. Если сейчас же не продолжим работу, можем опоздать в лагерь. Наконец лампа гаснет, и сразу все приходит в движение. Снова передают дрова к садику. Поленица растет. И вот — четыре часа утра. Работа кончена. Козлы — на место; на дровах оставляем маленькую бумажку с контуром значка коммуны, нашего «кюфика». На нем буквы «КЮФ» — «Коммуна юных фрунзенцев».

Дело сделано, но если сейчас кто-нибудь нас заметит — пропадет вся секретность операции. Поэтому уходим еще тише, чем пришли.

В 4.40 дежурный командир коммуны принимает наш рапорт. Рассвело. Через три часа — общий подъем. На утренней линейке:

— Отряды к коммунарскому дню готовы!

И ни слова о ночном десанте.

ДЕВИЗ

Коммуна родилась во Фрунзенском районе Ленинграда, вступила в жизнь с именем Михаила Васильевича Фрунзе. Когда Фрунзе командовал войсками Южного фронта, он часто заканчивал свои приказы словами: «Смело и бодро вперед!» или: «Победа во что бы то ни стало!» Общий сбор выбирал девиз и никак не мог выбрать. И вдруг несколько голосов разом закричали:

— Вместе! Давайте соединим!

С этого дня в коммуне на призыв «Смело и бодро вперед!» отвечают: «Победа во что бы то ни стало!»

ПОНЕМНОГУ ПРОЯСНЯЕТСЯ

Понемногу прояснялось, как будет жить наша коммуна. Собираться вместе мы будем на каникулах. Весенний сбор, летний, осенний, зимний... Так и услышишь теперь в разговорах:

— Это было на третьем зимнем!

Между сборами — работа в школах. Все, что узнали, чему научились — в школу.

На каждом сборе изменения: кто-то уходит, кто-то приходит... «Старички» приводят друзей, те ведут на сборы новых ребят...

И внутренняя жизнь коммуны сложилась. Каждый день в отряде новый дежурный командир — ДКО. И каждый день новый командир в коммуне — ДКК. Как у Макаренко было. Вечером, на «Огоньке», разбор дня начинают с обсуждения работы командиров.

Заповеди дежурного командира звучат так:

Сон, подъем, питание,
Зарядка и купание.
Во всем порядок, чистота,
Здоровье, дружба, красота.
Отрядный сбор — горячий спор,
Речевки, песни, шутки,
И все это — целые сутки.

Сначала было трудно: сегодня командовать, завтра подчиняться. Но вскоре и этому научились.

И теперь уже трудно сказать — «пассив» ли исчез или «актив». Что пассива нет — хорошо, это каждому понятно. Но еще больше нам нравится, что нет и «активистов» — нет ребят, привыкших к особому положению, старающихся выделиться среди других, с особой психологией «активиста».

Даже постоянные командиры меняются каждую декаду, независимо от того, хорошо они работали или плохо.

НА ДОРОГУ — БАТОН

В сильном отряде этого, может быть, и не случилось бы. Но «Кавказ» не был сильным. Сплошь девчонки, и почти все — из одной школы. Валерий Зимин среди нас казался самой светлой личностью. В школе он всегда ходил в активистах, и здесь его сразу, первым, выбрали командиром отряда.

А потом стали замечать: Зимин покрикивает, строит из себя начальника. Мы огрызались, но терпели. Не стерпели только, когда Зимин забрал у наших рыболовов наловленную рыбу и понес ее взрослым в подарок.

Я была в тот день дежурным командиром «Кавказа». Дежурному командиру полагается иметь часы, а часы в отряде были только у Зимина. Утром ДКО вместе с пилоткой дежурного получал часы.

Когда мы высказали Зимину все, что накопилось, он подошел ко мне и тихо сказал:

— Этого я от тебя никогда не ожидал. И вообще знаешь что — снимай мои часы!

На следующий день дежурный командир коммуны зачитал решение:

— За подхалимство и зазнайство Зимина Валерия из лагеря исключить.

Зимин вышел из строя. ДКК выдал ему на дорогу деньги, батон, колбасу и конфеты.

Так коммуна рассталась с бывшим командиром «Кавказа».

А вскоре сложился один из первых законов коммуны:

В коммуне нет начальства,
Хозяин — коллектив.
А кто начальство корчит —
Тот гнусный, жалкий тип.

РАЙОННЫЙ ШТАБ

Дел у коммуны очень много и между сборами. Когда-то Ф. Я. пыталась собрать активистов в Доме пионеров, а они не шли. Теперь у нее помощников хоть отбавляй — коммуна стала районным пионерским штабом. Перед началом учебного года на комиссарских съездах коммуны обсуждается план работы районной пионерской организации. На одном таком съезде заключили договор с комсомольцами Кировского завода: пионеры района соберут металлолом для девяти тракторов «Кировец». Когда лом был собран и тракторы изготовлены, в день рождения пионерской организации, 19 мая, на площади перед ТЮЗом состоялся митинг. Собралось много ребят, на площадь выехал «Кировец», — никто не думал, что он такой огромный; это на всех произвело впечатление. Комсомольцы завода специально к этому дню напечатали листовки для пионеров Фрунзенского района, их разбрасывали на митинге. Было очень празднично и торжественно.

В каждой дружине есть ответственные за отдельные направления в работе. Они часто собираются в районном Доме пионеров и вместе решают, как и что делать.

За работу по эстетическому воспитанию в дружинах района («зона искусства») отвечал Володя Цивин.

За работу красных следопытов района — Катя Ашмарина.

За тимуровскую работу и сбор лома («зона заботы») — Володя Магун, потом Аня Андрюкова и Галя Качалина.

Это очень непросто — объединить усилия сотен и тысяч ребят. Но коммуна каждого научила быть организатором, головой отвечать за то, что поручено.

А чтобы все пионеры района чувствовали себя членами одной организации, штаб решил провести рейды дружбы. И вот то в одну, то в другую дружину стали приходить делегации в 20—25 ребят: представители всех школ Фрунзенского района. Приходят не столько проверять работу,

сколько узнавать, что в дружине интересного? Что нового? Что можно позаимствовать?

Районные слеты и праздники, соревнования и сборы актива — за все теперь отвечают коммунары, члены районного пионерского штаба.

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ

...Вечером все собрались в зале. Потушили свет. На большом блюде остались гореть двенадцать свечей.

— О мудрейшие из мудрых! Позвольте мне с вашего согласия открыть нашу первую тайную вечерю. Как бы ни был могуч свет познания, человек едва успел приоткрыть завесу окружающего его мрака. Мир вокруг нас полон великих и малых неразгаданных тайн. Пусть каждый поведает высокому собранию об известных ему тайнах земли и неба. Кто же из вас, о мудрейшие, потушит первую свечу?

Колелеблющееся пламя поочередно выхватывает из темноты чьи-то фигуры, лица, чью-то руку, лежащую на плече товарища.

— Может ли человек родиться второй раз? Что, если случайное сочетание клеток случайно повторится в том же самом виде? Тогда человек сможет прожить еще одну жизнь...

— Но вероятность такого практически равна нулю. Если дважды подбросить тысячу монет, маловероятно, чтобы во второй раз они упали так же, как в первый. А тут человек! Один только мозг — миллиарды нервных клеток! Нет, человек никогда не сможет повториться. Это утопия.

— А что, если мы уже когда-то жили? Представляете? Мы живем заново, и память не сохранилась. А думаем, может быть, так же...

По рядам волной проходит и быстро смолкает сдержанный гул. Он будет еще много раз вот так же подниматься и стихать в этот вечер.

— А я где-то читал, что растение тоже чувствует. И если его срывают, ему больно.

— А еще цветы любят музыку.

— Откуда же это могли узнать?

— Они под музыку быстрее растут, особенно если музыка веселая...

— А вы знаете о статуях с острова Пасхи?..

— О Тунгусском метеорите?..

— Я читал, что Атлантида бесследно исчезла под водой. Неужели ее так никогда и не найдут?

— Может быть, ее совсем и не было.

— А вдруг она сама когда-нибудь всплывет? Через миллионы лет?

— Атлантида — не подводный корабль...

— А я читала о таинственной гибели одного корабля...

Пусть сегодня не разгадано ни одной тайны. И все же мы потушим все двенадцать свечей. И кто-то узнает о том, что было ему неизвестно, и мир станет ближе и еще интересней, когда в зале снова зажжется электрический свет.

ОТКРЫТИЕ

Открытия бывают разные. Ученый отыскал в небе новую звездочку — открытие. Студент узнал, что профессор, скучный на лекциях и вездливый на экзаменах, в войну командовал партизанским отрядом, — тоже открытие. Человек полюбил и понял, что мир прекрасен, — опять открытие. Открытие может произойти в одно мгновение, несмотря на то что было подготовлено годами труда. Открытие может продолжаться всю жизнь, а жизнь — стать открытием, большим и долгим, как она сама.

Открытие коммуны только начинается в первый день знакомства с нею. Оно продолжается ото дня ко дню, от встречи к встрече, от сбора к сбору.

ПОЛУЧАЕТСЯ

К концу второго года можно было, пожалуй, сказать, что у нас кое-что получается. Кажется, риск Олега Ивановича, Ларисы Павловны и Ф. Я. был не напрасным. Теперь новички находили в коммуне не только интересных взрослых, не только интересные дела, но и главное — интересных ребят и необычный стиль отношений. Точно не определишь, в чем он заключается, этот стиль. Однако когда начинается сбор и в отряде почти все новички, то старые коммунары скажут определенно: «Отряд стал жить по-коммунарски на третий день» или: «В отряде завал, живет не по-коммунарски».

Вот что писали в анкетах участники первых сборов:

«Я впервые услышал, как поются песни по-настоящему. Решают все сами ребята. Дисциплина. Дружба. Я даже удивлялся, как совсем незнакомые друг с дружкой ребята веселились, работали, все делали вместе».

«В первый раз я встретилась с коммуной на Общем сборе. Сначала было страшновато, но недолго. В зале было много ребят, шумели, пели, и было как-то легко. В отряде приняла за свою, и через пять минут казалось, что ты всех знаешь давно. Меня удивило, что взрослых совсем мало и что решают все сами ребята и говорят очень серьезно, с большой ответственностью».

«Мне очень понравились ребята. Когда можно — пошутят, когда надо — отчитают, всегда все объяснят, помогут».

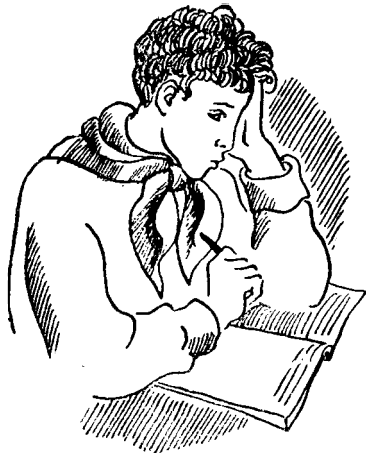
«Я сделал в жизни гораздо меньше, чем мог. Лишь после того, как я пришел в коммуну, появились цели, радость. Понял, что такое настоящая дружба. Я привык к ребятам, походной жизни и не представляю свою жизнь иначе».

...Словом, жизнь начиналась действительно хорошая.

Не только ребята, даже взрослые, кто ни узнает про коммуну, — становятся ее друзьями. Как-то само собой выходит:

совсем случайно попал человек в коммуну на сбор, а потом приходит вновь и вновь, старается помочь коммуне, поддерживать ее.

Тут мы начнем новую главу и расскажем в ней о старших друзьях коммуны. Это ведь лишь в самом начале их было трое, а вскоре...

Глава вторая,

САМАЯ ВЗРОСЛАЯ

МОСТИК

Я учусь на историческом, и мое дело изучать историю, но сейчас я попытаюсь ее воссоздать.

Все было как обычно, вернее, как обычно необычно. Подъем, работа, творческое дело, «Огонек», песни, отбой. Такое каждый день, но каждый день разное.

И вдруг... Сегодня или никогда! Только один раз! Впервые в коммуне!

Приехали!!!

Приехали??!

Почему-то у меня желание помучить читателя, прежде чем сообщить, кто приехал.

Поэтому я сначала опишу наш лагерь. Это, кстати сказать, необходимо.

Палатки наши стояли на острове, точнее, на полуостро-

ве. Островом мы считали наш лагерь потому, что подойти к нему можно было только через «чертов мост», «адский мостик», — какими только именами мы этот мост не называли! Он был длиной метров в двадцать, а шириной тоже двадцать — но сантиметров. Мостик этот был перекинут через речку, в которой воды по колено. Мостик этот...

Но пусть он будет мостом к продолжению моего рассказа.

Итак, приехали к нам тюзяне, то есть артисты Ленинградского ТЮЗа. К нам в коммуну приехали артисты театра, который мы, именно мы, — я знаю, что пишу! — любим. Во-первых, живые артисты.

Во-вторых, артисты, которых мы часто видели на сцене. В-третьих, все молодые.

Мы стояли у автобуса и смотрели, как артисты выходят из него. Они вышли, построились и спели песню, которую сами сочинили на мотив нашего «Октябренька» — есть у нас такая песня, может быть, самая любимая в коммуне.

Их было тринадцать или пятнадцать, и всех я не помню, но отлично помню троих: Лешу Яковлева, Володю Азея и Зиновия Яковлевича Корогодского, главного режиссера. Они были ковбой первый класс! Шикарные джинсы, широкие кожаные пояса и шляпы.

Шляпы эти были сказкой.

У нас было несколько шляп под ковбойские, но это все не то. У них были настоящие. Из материала «то, что нужно» и сложенные «как надо».

Эти трое и задавали тон остальным. Своим видом, джинсами и шляпами они обставили нас. Но мы были хозяевами положения, мы знали, что им предстоит мостик, и надеялись на реванш. Сейчас мы увидим этих ковбоев идущими нервной, осторожной походочкой, тогда как мы уже наловчились бегать по досочкам совершенно свободно.

...Они перебежали мостик легко, с шиком.

Чем же их донять?

Время было ужина. Все ребята подходили и брали еду. А тюзян мы построили отдельно и сказали:

— Раз вы артисты, то зарабатывайте свой хлеб.

Мы заставляли их ходить по скамейке с завязанными глазами, толкать носами мяч, разгадывать шарады и загадки, заставляли их прыгать и бегать. Чего только мы с ними не делали! Это продолжалось минут тридцать.

Наконец, устав, они запросили пощады и были обильно кормлены.

А вечером, на «Огоньке», началось настоящее знакомство с артистами, но не как с артистами, а как с людьми. Они показывали нам куски из спектаклей; мы показывали им сценки из нашей жизни. Володя Азель читал нам стихи, и наши ребята читали стихи. Мы пели песни, и они пели нам свои песни. Песни, которые спел нам Леша Яковлев, до сих пор поют у нас в коммуне.

На следующее утро ковбойские шляпы тюзян путешествовали с одной головы на другую, каждый пощеголял в широком кожаном ремне, каждый почувствовал себя ковбоем и немножечко артистом—все-таки ведь это театральные реквизиты.

А днем состоялся футбольный матч, потом волейбольная встреча. В волейбол мы легко выиграли, потому что в волейбол мало кто играет хорошо, а у нас были игроки из сборной района.

Зато в футбол была битва. Играли трое на трое и вратари. Поле было большое, можно было бы играть и полным составом, но ТЮЗ не смог выставить больше трех игроков и голкипера. Играли и болели тюзяне самоотверженно, несмотря на то что болельщиков с их стороны было несравненно меньше, чем с нашей. Счет матча 7 : 3. Мы проиграли. Приз получал Леша Яковлев — капитан команды. В музее КЮФ есть снимок: победно стоит этот квартет тюзовских футболистов!

А к вечеру произошла такая штука. У Леша был ножик,

очень красивый ножик, со многими лезвиями, с какими-то пружинками,— в общем, ножик очень хороший. Леша его никому не давал. И вот этот ножик — вы уже, наверно, догадались — пропал. Да-да, потерялся. Леше было жалко ножа, он утешал нас, говорил: «Может, найдется? Отдадите мне в Ленинграде».

Но мы не могли, чтобы он уехал без своего ножа. Мы верили, что ножик просто потерялся. И он действительно только потерялся, и его нашли. И Леша был рад находке, и мы были рады.

Настал последний вечер. На «Огоньке» тюзяне выдали нам песню про нас. Как только они не иронизировали над нами в этой песне! Мы смеялись сами над собой, они смеялись над нами, но это был хороший смех.

Кстати, я сыграл в этом деле неблагоприятную роль. Теперь могу открыть секрет. Зиновий Яковлевич поймал меня днем и начал вытаскивать из меня темы для этих куплетов.

Но настал час мщения! И ночью мы собрались в палатке — две Ленки, Таня, еще кто-то — и начали сочинять «ответ турецкому султану». Мы написали больше сорока куплетов и утром на линейке, когда прощались, выдали им нашу песню. Они были рады не меньше нас. Произошел торжественный обмен текстами песен: мы — им, они — нам. И тюзяне двинулись к мостику. И вдруг (раньше мы мечтали об этом, а теперь забыли), вдруг Леша, с вещами, в шляпе, будто нечаянно, падает с моста в воду.

Это был благородный шаг, мы оценили его по достоинству: и мы и тюзяне попрыгали в воду.

Мы прощались ужасно довольные, мокрые с ног до головы.

Так и запомнилось прощание: падение Леша с моста.

А сейчас? Мы и сейчас дружим с ТЮЗом, каждую премьеру мы гости у ТЮЗа, ТЮЗ у нас в гостях на днях рождения коммуны.

«БУДЬ ЗДОРОВ, ЮРИК!»

Утром в лагере появился незнакомый парень, навьюченный двумя увесистыми рюкзаками. Через плечо перекинута гитара. Парень остановился, отер пот со лба, и в эту самую минуту гитара соскользнула с плеча и упала на землю.

— Разбилась! — сочувственно ахнули несколько очевидцев.

Но парню, видно, было не до сочувствия. Он поднял разбитую гитару и пошел представляться старшим.

— Кто такой? — спрашивали ребята.

— Наверно, турист.

Виктор Малов был не только турист — он кончил консерваторию и получил назначение в Новосибирск. Но на лето, перед тем как уехать на работу, устроился на турбазу инструктором — подзаработать. В коммуну его послали на три дня — сходить с ребятами в поход и сразу же вернуться. Из-за погоды поход откладывался. Виктор решил воспользоваться случаем и починить гитару.

Он тихонько настраивал ее, когда под окном с десяток луженых мальчишеских глоток грянули «Бабку Любку». Несколько минут Виктор крепился, потом не выдержал и закричал с крыльца:

— Замолчите, несчастные! Как вы поете? Не в образе, не в характере!

Ребята повернулись и ушли.

— Подумаешь, обиделись, слова им не скажи, — разозлился Виктор.

В тот же день на линейке он подошел к лагерному горнисту, взял у него горн и повторил его сигнал. И все поняли: музыкант здорово умеет горнить. И не терпит, если сигнал неправилен, если песню спели плохо, если гитара не настроена. Малов понравился всем, хотя он ершился и ругал всех и вся, когда что-нибудь ему казалось не так. Малову быстро дали «подпольную» кличку: «Гвоздик». Прямой и

надежный. А сам Малов? Через три дня ему приказано было возвращаться на турбазу. Но с ним случилось то, что происходило почти со всеми, кто попадал в коммуну. Никуда Малов от нас не ушел в это лето.

Он отправился на почту и позвонил начальнику турбазы.

— Будь здоров, Юрик! — сказал в трубку Малов (они были на «ты»). — Будь здоров и ищи другого инструктора. Я остаюсь.

— То есть как остаешься? А ты знаешь, что мы имеем право не заплатить тебе ни копейки?

— Не знаю, но наплевать. Будь здоров, я пошел.

И побежал в свой отряд, в «Днепр».

Виктор оставался в коммуне несколько лет. Он прилетал из Новосибирска на сборы, с трудом отпрашиваясь с работы и тратя на самолет все свои деньги. Энтузиазм его и преданность коммуне не знали предела.

А еще Виктор привел в коммуну своих друзей, тоже выпускников консерватории, — скрипачку Иру Леонову и виолончелиста Марика Бородулина.

РЕВКОМ

Иногда бывает так: старшие поддерживают дисциплину в коллективе, а в делах ребят стараются не участвовать: «Сами, сами. Вы должны быть самостоятельными».

У нас наоборот. Дисциплина и организация — целиком на ответственности ребят, а вот в работе, в творческих делах взрослые участвуют наравне со всеми, и мы у них учимся. В этих делах все равноправны.

Сначала старшие друзья составляли штаб коммуны. На одном из сборов штаб совещался на чердаке. Там были стол и тумбочки, покрытые красным ситцем (за неимением другого материала). И вот однажды какой-то мальчишка, впервые попавший на чердак, с изумлением сказал:

— У вас тут, как в ревкоме..

К утру кто-то неизвестный вывел на чердачной двери красной краской: «Ревком».

Так это слово и осталось за штабом коммуны.

ПУСТЬ ПОЕТ СКРИПКА!

Если ты в коммуне весь — совмещение невозможно. Иногда это становится печальным.

Ира Леонова окончила консерваторию. Выпускной концерт.

Первый концерт — пока последний.

Ира занята в ревкоме...

Сегодня у Иры день рождения. Собираемся в семь у ТЮЗа. Что пожелаем? Пусть поет скрипка!

Скрипка пела на сборе коммуны. Играл Игорь Евдокимов. Гостям было немножко непонятно: почему такой большой парень играет простенькую песню Чайковского и почему он так волнуется?

Игорь давно начал учиться музыке, а потом забросил и два с лишним года не играл. И даже скрипка его куда-то задевалась.

Игорехино шестнадцатилетие.

В этот день Ира Леонова обегала все известные ей магазины.

С Евдокимова мы взяли слово — завтра ровно в четыре он выйдет на лестничную площадку. Назавтра мы поднялись к нему за несколько минут до четырех. Игорь вышел... Ира молча вручила ему футляр с новой скрипкой. Через полминуты мы выбежали из подъезда, так ни слова и не сказав оторопевшему Игорехе.

Спустя полтора месяца он играл коммуне простенькую

пьесу Чайковского. По словам Иры, для Игоря это большая победа. Для коммуны — тоже.

Стать скрипачом Игорь не собирается, он будет хирургом. Все равно — пусть поет скрипка!

ЗАСТАВИЛИ

Только через шесть лет мы заставили Ф. Я. рассказать о ее жизни. Да и то Магуну пришлось два дня подряд не отстаивать от нее ни на шаг. Очень стеснялась, когда рассказывала (я думал, что стеснительность ей вообще не свойственна). А стеснялась она так: рассказала первый кусочек и замолчала. Пока не попросят, сама дальше не говорит. Потом опять ставит точку, и снова нам стоит немалых трудов превратить эту точку в запятую.

Вот так и узнали, что Ф. Я. в четырнадцать лет попала в армию. Кончив шестимесячные курсы медсестер, объявила, что потеряла метрику, прибавила себе полтора недостающих года и пошла в военкомат... Военную форму она сняла только после победы.

СЕМЬ СТРАНИЧЕК

В 321-й школе есть комната. Единственное ее окно выходит в кабинет зоологии. Здесь везде книги — на этажерке, на полу, на батареях, на столе. Преобладает педагогика и география. В этой комнатке живет Маргарита Петровна Забиран — М. П., как зовут ее ребята. М. П. — старшая вожатая в школе и член ревкома в коммуне, друг отряда «Алтай». У М. П. сессия. Сегодня на дверях комнаты висит записка: «Меня нет дома, даже если горит свет. Занимаюсь! Ни звонить, ни свистеть. Ни-ни-ни!

М. П. (из подполья)».

А в «подполье» пришло письмо, трудное, на семи страницах. Вот отрывок:

«Добрый день, М. П.! У меня к вам будет один вопрос. Я никак не могу понять, почему, когда я прихожу к вам, вы не прогоняете меня? Почему? Я ведь знаю, что вам иногда нужно быть одной, иногда просто некогда, я ведь все вижу, но почему вы этого не скажете прямо? Я, наверное, ужасный эгоист, да еще у меня нет никакого самолюбия.

Понимаете, мне очень трудно бывает встать и уйти. Как будто прирастаешь к стулу и никак не оторваться. А вы не прогоняете. Почему?

Я привык молчать, а все меня за это укоряют: мол, чувствуют тяжесть, когда вот так сижу и молчу.

А почему все так получилось, я вам объясню. Понимаете, до шестого класса у меня не было ни одного человека, ну, с которым я хотя бы погулял после школы, поиграл. Понимаете, не было никого. Отучившись пять уроков, ни с кем не говоря, я шел домой и садился за книги, пожирал их. И больше я никого не видел и не слышал... А теперь я не могу без людей. Это очень страшно — остаться одному. Когда ты еще маленький, ничего не соображаешь, то еще терпишь, но это все-таки накладывает какой-то отпечаток на человека.

Почему я прихожу, сижу и ничего не говорю? Помните, вы говорили об идеализации? В этом есть правда. С человеком, которого идеализируешь, никогда не разговариваешь. Он где-то очень высоко. А потом еще. Ведь нельзя всем людям все говорить. Для *всего* должен быть только один человек, который о тебе знает почти что все (но все-таки не до конца). Я не знаю, для чего я пишу, но, может быть, вы лучше меня поймете, почему я сижу у вас и почему молчу...»

Письмо на семи страницах.

Некоторые считают, что М. П. одинаково любит всех ребят. Другие говорят, что она особенно любит тех, у кого трудная жизнь. Нашла где-то цыганенка — в женской кофте и в туфлях на высоких каблуках. Мать заставляла его воровать. Маргарита Петровна возилась с ним, возилась, кормила-поила. Устроила в интернат. А еще какой-то девчонке из

последних денег купила белое платье для выпускного вечера — не было у девчонки платья, не хотела идти на вечер.

ЕСЛИ НУЖНО — РАЗБУДИ

Вчера мы были на очередном дне рождения у одного из наших. Погасили свет, сели кружком и пели песни. Уходить не хотелось. Домой я пришла в час. Мама встретила на лестнице. А потом до четырех отчитывала за все, что накопилось... Оставшуюся половину ночи я проревела в постели. А на следующий день ушла в школу, а домой вернуться не смогла — слишком велика была обида.

И вот я пришла сюда, в эту почти пустую комнату, с высоким потолком и маленьким окном, выходящим в кабинет зоологии.

В трудные минуты человек идет к тому, кто добрый.

— А может, нельзя к вам, может, неудобно, Маргарита Петровна?

— Снимай пальто, и вот на — тапочки надень.

Все-таки позвонить домой она заставила:

— За меня не беспокойтесь, я у Маргариты Петровны.

Я легла на кровать у стенки, она — с краю.

— Если захочешь поговорить — разбуди.

Я знаю, будить будет неудобно, а нужно об очень многом спросить у нее... И вдруг она сама начинает:

— А у меня мама отличная. Я ей всегда все говорю...

— У меня тоже...

Говорили много: о своих мамах, о коммуне и ее людях — обо всем.

Потом она вспоминает:

— Завтра в восемь совет командиров. Давай спать.

Она засыпает сразу — прошедший день дает себя знать. А мне никак не уснуть. И я одна, про себя, продолжаю наш разговор.

ПРИКАЗ СОВЕТА КЮФ

Наука — вещь серьезная,
Строптивая и лягаста.
В коммуне аспиранты
Случаются не часто.
И оттого-то в первый раз
В стихах издали мы приказ.
Ждет уж давно науки горн,
Когда его раздует Корн.
Чтоб больше рифм не расточать,
Приказываем Вас качать.

Совет КЮФ

Примечание. Этот приказ издан по случаю поступления инженера Севы Корна, ревкомовца, в аспирантуру. Сейчас Сева в Москве. На последний день рождения коммуны еле вырвался, приехал только на один вечер — утром обратно в Москву. Свидание с мамой назначил в Доме пионеров, на празднике. Мама Севы, актриса, приходит на все праздники коммуны. Когда мы спросили, нравится ли ей у нас, она ответила: «Я люблю всякое вдохновение».

ПИСЬМО ОТРЯДУ «СИБИРЬ»

«Привет вам, далекие сибиряки!

Прежде всего извините, извините, извините... Ребята, честное слово, был так занят, что не мог написать ни строчки. А как хотелось ответить на ваше ехиднейшее письмо, ой как хотелось... Теперь все уже позади, да вот жаль, за столь длительный срок все ехидство мое куда-то улетучилось. Думаю, что радоваться вам еще рано, ибо впереди лето, а там уже я отыграюсь. Берегитесь!!!

Теперь разрешите отчитаться. Во-первых, работаю пионервожатым (к сожалению, быть *другом* отряда очень трудно. Пока чувствую себя именно вожатым. В этом отношении

с тоской вспоминаю работу в коммуне). Нельзя сказать, чтоб дела шли очень успешно. Очень много трудностей.

Во-вторых, пришлось здорово потрудиться на основной работе. Устроили у нас прослушивание всех молодых артистов. Пришлось и мне играть. Сидел за виолончелью по 9—10 часов в день. Это очень много, ребята (для сравнения скажу, что когда учился, то сидел от 4 до 5 часов). В общем, света белого не видел. Уходил из дому в 8 утра, приходил в 11 вечера. А сыграл, в общем и целом, не плохо. Правда, результатов еще не знаю.

Дорогие мои детки, я был так тронут, так тронут вашей заботой о животе моем и о теле, что даже слов не могу подобрать.

Дети мои, обещаю: с сегодняшнего дня желудок свой держать в набитом состоянии всегда и при любых обстоятельствах.

Ваш Мавр.

P. S. Ребята, шутки шутками, а мне очень нужны сообщения о всех ваших делах. Как я завидую всем вам — такая кипучая, нужная и энергичная работа. Хоть бы еще немножко хлебнуть, чтобы зарядиться. Удастся ли?

Меньше вертитеесь вокруг Фаины Яковлевны — не мешайте ей работать, и особенно в тот момент, когда она будет писать письмо подробнейшее мне сюда, в Новосибирск.

Всё.

Перечитал сейчас только ваше письмо — ну и язвы же вы, черти!

Трубите громко, горны! Пищите, «уйди-уйди»! Бейте, барабаны! Шары, летите к солнцу! Пусть никому не будет проходу от раскидайчиков. Идет, идет Первомай.

А коммуна идет на демонстрацию!!! Хотелось бы пройти с вами, взявшись за руки. И пусть все время светит самое солнечное солнце.

Мавр».

(Мавр — так зовут у нас Марка Бородулина. Говорят, что он в гневе страшен, и потому — «Мавр». Но до сих пор никто его в гневе не видел.)

А Л И К

На Алике Морковском может повиснуть весь «Урал» — а ему ничего. Он очень крепкий, очень красивый и очень добрый. Он работает бригадиром на машиностроительном заводе. Пришел в коммуну двадцати пяти лет. Если бы он попал вожатым в обычную школу, он не удержался бы, наверно, и одного дня. Это тихий, мягкий человек. Никогда не сердится, никогда не ругается. Съели бы его ребята.

У нас ему хорошо, и мы все его любим.

«НЕТ КИТА»

Мы перечитали наши рассказы о старших друзьях и заметили: слишком восхищаемся мы их готовностью работать, не щадя себя. Это и правильно, и неправильно.

Почему правильно — понятно. И мы не будем вычеркивать из рукописи восхищенные слова.

А почему неправильно?

Да потому, что коммуна не только берет от человека — она очень много дает ему.

Коммуна ни для кого не стала долгом, обязанностью. Она для всех — увлечение, счастье. Приведем пример. Человек каждую свободную минуту отдает маркам, или рыбкам, или собиранию книг. Никто не станет говорить о «бескорыстном служении» маркам (рыбкам). Скажут — увлекается!

Вот приблизительно то же самое происходит и со взрослыми в коммуне (да и с ребятами тоже).

Но почему-то «служение рыбкам» никого не удивляет,

кажется естественным, а служение хорошему делу, увлеченность воспитанием вызывает восторг, смешанный с недоумением («И чего он возится с детишками, что он в них нашел?»).

Не надо восторгов и недоумений. Каждый ищет в коммуне что-то свое, свою радость, и если находит ее — остается с нами на годы.

Игорь Ефремов, инженер-строитель, нашел в коммуне то, чего не было в его собственном детстве, в его юности. Он увлекается живописью и архитектурой, он прекрасный боксер, он умеет логически строго мыслить; он чуток к правде — его не провести, не обмануть. После института работал на Камчатке, потом вернулся в Ленинград. Случайно встретил Ф. Я. — он был когда-то ее пионером. Поехал на сбор коммуны — пропал... Все отпуска, все выходные и вечера, словом, все сто процентов свободного времени — коммуне.

Его очень любит отряд «Байкал» и вся коммуна. А прозвище у Игоря странное: «Нет кита». Это из шуточной песенки: «Но нет кита, нет кита, нет кита — не видно!» Каждый раз, когда собирается ревком, Игоря нет, вечно опаздывает. «Где Ефремов?» — спрашивает Олег Иванович. «Нет кита!» — хором отвечают ему.

Так и повелось: «Игорь — Нет кита».

В СТРОЮ

Нам бы надо продолжить эту главу. Мы не рассказали о члене ревкома Анатолии Георгиевиче Зуеве, учителе и вожатом, быть может, самом опытном в городе, — он с нами; о Майе Германовне Казакиной, кандидате педагогических наук, и о наших многочисленных друзьях. Друзей у нас много: главный режиссер ТЮЗа Э. Корогодский, драматург А. Володин и писатель К. Курбатов, журналисты Л. Региня, А. Островский, А. Мойжес, А. Крестинский, Л. Стрижижов-

ский; ученые-психологи И. М. Палей, Вернер Гайда, Е. С. Махлах, врач А. Саль, соратник Луначарского — В. А. Брендер, директор Фрунзенского Дома пионеров А. И. Скурихина, директор школы Т. С. Григорьева, педагоги Л. М. Виноградова, И. Г. Виноградова, В. Ф. Карякина.

Это не гости коммуны, а именно друзья: постоянно бывают у нас, ездят на наши сборы, пишут нам, помогают. У каждого отряда есть один-два (а то и три) друга в ревкоме и еще множество друзей из старших. В дни рождения коммуны, когда мы строем идем по городу, в нашей колонне около двухсот ребят, а впереди — человек сорок взрослых.

Это самая веселая часть колонны.

Глава третья,

САМАЯ ДЕЛОВАЯ

НА ПЕРЕПУТЬЕ

Казалось, все хорошо. «Живем веселой, интересной жизнью». И вместе с тем — угрожающие признаки.

В наказе первых сборов новому поколению коммунаров стоит: «Закрепить обычаи... Сделать мачту... Сделать баскетбольную площадку... Провести физкультурный праздник...»

Всё — для себя, для коммуны.

Но для чего же тогда коммуна?

Кому от нее лучше на свете, кроме нас самих?

Нет, красивая жизнь не такая... Красивая жизнь — это когда ты чувствуешь, что нужен людям. И ты сам нужен, и вся коммуна...

А КАК ЖЕ КРЫМ?

Поход коммунаров в Крым был делом решенным. Ревком предложил, Общий сбор одобрил, и родители согласны.

О Крыме мечтали полгода. Мечтали о грузовых вагонах

с нарами, о теплушках военного образца. Лишь бы дешевле и, если удастся, по принципу «прицепите мой вагон». Постоять день-другой на станции — и снова в путь... В общем, чего только не придумаешь за полгода!

На последнем сборе от ревкома много не ждали: всего лишь уточнения маршрута.

— Олег Иванович, как там, кстати, насчет теплушек? Договорились?

По виду Олега Ивановича поняли — готовится тронная речь. Так и есть.

— Ребята, вам не кажется, что в коммуне сейчас примерно такое же состояние, какое было в колонии имени Горького перед завоеванием Куряжа? Все у нас как будто хорошо, а чего-то не хватает...

Не успели мы оглянуться, как на столе очутилась большая карта Ленинградской области. И тут по рукам быстро пошла записка: «Кажется, дело пахнет подшефным районом». И верно: в самом верхнем углу карты большим красным кружком отмечен поселок Ефимовский...

А как же Крым? А как же веселый отдых?

— Дело за вами, ребята, решайте. Хотите отдыхать — поедem в Крым. В Ефимовском районе веселого мало. Там очень нужна наша помощь.

Саша Прутт (*без энтузиазма*). Раз надо — поедem.

Гуля Кулиева. Два года мы считаемся шефами ефимовских пионеров. А что сделано за эти два года? Собрали подарки, отпрапортовали райкому, а сами что? На лето в Крым смываемся?

«П И - Ш И - Т Е!»

Через ограду закрытого садика перед Домом пионеров то и дело перепрыгивают коммунары и, к возмущению родителей, ревкомовцы тоже. Сегодня мы уезжаем.

Сбор начинается традиционной линейкой. Слышите —

команда на построение. А сейчас с речевками и песнями выстраиваются на линейку отряды. И вот...

— Командирам отрядов доложить о готовности к сбору!

— Товарищ председатель Совета коммуны! Отряд к операции «Человек — человеку» готов!

Мы идем по Загородному проспекту. Рядом с нами второй, гораздо менее стройной колонной идут родители.

Нам никогда не узнать всего, что говорила неделю назад на собрании наш полпред в стране родителей Фаина Яковлевна. Может быть, оно к лучшему, потому что, если бы мы это услышали, нам трудно было бы удержаться от тихих завистливых вздохов: «Вот ведь какие места есть на земле!»

А места — словно из книжки-раскраски для малышей. Жить будем в самом современном и шикарном интернате, через дорогу (не волнуйтесь, по ней не ходят машины) — аптека...

А если без раскраски? Тогда — наши палатки в получасе ходьбы от ближайшей деревни, а до медпункта — пять километров. И только солнце на обеих картинках одинаковое: не зажатое домами и трубами, оно заполняет все небо. Но о солнце родители спрашивают меньше.

— Вовка, не пей сырой воды!

А вы забыли вкус родниковой в день, когда готовы расплавиться палатки?

— Таня, не работай слишком много, береги себя!

Разве вспомнишь это, когда в ста метрах от лагеря горит поле от сорняков?

В одном все едины:

— Пишите!

И когда поезд трогается, снова:

— Пи-ши-те!

Вот это постараемся. Не слишком часто, конечно, но постараемся.

Стоп! Надо приступать к своим обязанностям. Мы едем

в двух вагонах. По одному из них дежурю я. Дежурю — это значит, сейчас всех уложить спать, а завтра... Впрочем, завтра — завтра, а сейчас — спать. Но можно ли уложить всех, когда по вагону мечется завхоз — уверяет, что на перроне оставили все ведра, и собирается бежать обратно, а навстречу ему пробивается паренек из другого вагона, безнадежно и монотонно повторяя:

— Лишнего рюкзачка нет? Лишнего рюкзачка нет?

И пока не найдешь завхозу ведра под головой уже заснувшей девочки, пока не вытащишь парню из какого-то бака его рюкзак, покоя в вагоне не будет.

На часах 2.30. Все постепенно стихло. Беру книжку и сажусь на край полки. Если по правде, не спать сейчас совсем не обязательно, но, в конце концов, почему не воспользоваться своими правами?

ЧИСТИТЬ ЗУБЫ ЗАПРЕЩАЕТСЯ

Утром в Ефимовском нас встретил друг отряда «Урал» Вадим Лисовский — в робе, загорелый. Вадим уже работает бригадиром в Заголодно. С чьей-то легкой руки, все ответственные за работу в поле будут называться теперь «вадимами».

После «Огонька» меня дернуло пойти на речку — почистить зубы и помыться. Только начал чистить зубы, как вдруг в голову пришла мысль, что мне нельзя оставлять отряд перед сном, если я — ДКО. И тут же на пригорке показались Марик, Люся Гудкова, Данилова и стали хором и наперебой возмущаться моим поступком. Я сказал, что, в конце концов, каждый человек имеет право почистить на ночь зубы, а они, между прочим, могли бы справиться с ребятами и без меня. Но Галя ответила, что ничего подобного: помощники вожатого не вмешиваются в обязанности ДКО и мне, мол, пора бы это уже знать. А вот имеет ли право ДКО чистить на речке свои драгоценные зубы, когда дан сигнал от-

боя, а ребята никак не улягутся спать, — это еще большой вопрос.

В палатке Сашка Прутт завел разговор на свою любимую тему: искусство не нужно человеку. Он сказал, что поставил перед собой две цели. Первая — физика, в частности радиотехника, а вторая — доказать людям, что они много времени своей жизни теряют даром — на искусство, сон и прочее. Потом он рассказал кое-что из радиотехники, и, наконец, мы заснули.

РАПОРТЫ ДЕЖУРНЫХ КОМАНДИРОВ

«15/VI. Утром после завтрака три группы отправились в разведку. Вадимы трудились на свиноферме, а завтра пойдут на кукурузное поле.

Группа тимуров начала с местными ребятами подготовку к спартакиаде, которую решено провести через два дня.

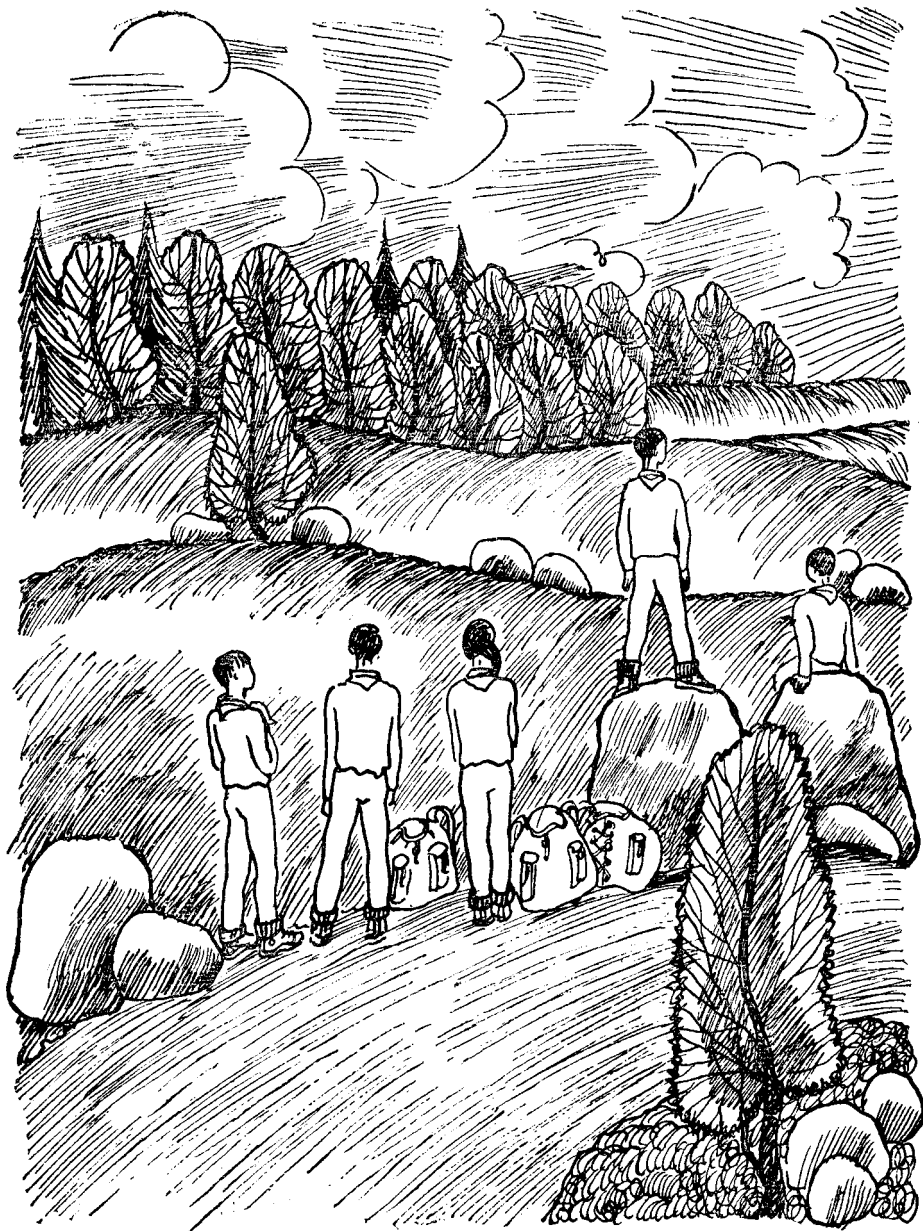
Третьей группе повезло меньше всех. Работу она найти не смогла, но зато обнаружила здание новой школы, которое можно украсить к учебному году. С этими новостями наши вернулись к обеду. Дождь заставил отодвинуть начало нашего первого «Огонька» в Озереве. Рассказали озеревцам о коммуне, о наших законах, обычаях и делах. Но встреча не совсем удалась, так как озеревцы и зареченцы торопились в кино.

ДКО — Женя Хрычкин»

«16/VI. Рано утром с поля вернулись изрядно уставшие вадимы и узнали от костровых, что завтрака нет и будет он не раньше, чем через час. Завтрака решили не ждать. Взяли по куску хлеба, и снова за работу. Вместе с озеревскими и зареченскими ребятами продолжали готовиться к спартакиаде. Но сначала пришлось перекидать огромную гору земли, чтобы засыпать камни у входа в школу.

Тем же утром отправилась разведка в Климово.

ДКО — Люся Сурова».

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Не знаю, есть ли в Ленинградской области место красивее, чем Ефимия. Лицо Ефимии не всегда разглядишь за сетчатой пеленой бесконечного дождя, свисающей с серого неба. Но вот она открывает тебе сказочные красоты лесных холмов, извилистых рек и веселого оранжевого солнца. Смотришь на речную излучину, и кажется, что выплывет сейчас из-за поворота красный с золотыми разводами купеческий струг или деловитый петровский парусник. Но возникший внезапно и тотчас отошедший куда-то стук тракторного мотора возвращает тебя в XX век.

Вечером Ефимия, как на полотне Кюрина, раскидывает по предзакатному небу множество красок. Над притихшей землей разворачивается молчаливая и величественная симфония цвета. Человек, которому случится попасть в этот час под ефимовское небо, бывает поражен. Что приготовила ему природа, да еще в таком суровом краю, как наш северный! Он уносит это феерическое впечатление с собою, и оно становится частицей того, что называется чувством России...

ДЕСАНТ

На летнем сборе в Ефимии у нас был шестидневный десант. Мы должны были остановиться в Чудской. Это в 60 км от нашего постоянного лагеря. До Чудской мы должны были добраться за день. У «Балтики» был самый дальний десант, но никого это не пугало, все были бодры и веселы. В десять часов утра, после линейки, мы двинулись. Шли довольно четко, рюкзаки еще не казались тяжелыми. Было очень жарко — 35 градусов, небо было синее-синее, без единого облачка, ветра совсем не было, но комары нас оставили в покое, наверно потому, что мы шли по дороге. Впереди нас шел отряд «Кавказ»; он вышел раньше, но мы шли быстрее

и скоро догнали его. Нам было по пути. Настроение у всех было отличное, мы задирали «кавказцев», они нам отвечали тем же. После привала шли уже вместе. Вдоль дороги тянулся лес. Володя Волков сказал, что знает дорогу короче, и все балтийцы пошли с ним через лес. Расспросили деревенских ребят; оказалось, что мы зашли бог знает куда. Надо было идти обратно, иначе мы вообще заблудились бы. Ноги уже начинали болеть, от солнца слегка кружилась голова, но, в общем, все было нормально, мы шли по лесу и разговаривали. Вышли на дорогу и зажмурились от солнца. Деревья не шевелились. Была самая жара. Идти было трудно, ноги уже стерли, камни и песок рвали кеды. Лямки рюкзаков глубоко врезались в плечи. Шли молча, растянулись метров на двести. Я сначала была самой последней. Это был мой первый поход. До этого я и рюкзак никогда не носила. Было немного страшно, думала, что отстану и упаду, поэтому пошла быстрее. Во рту все пересохло, на ногах росли белые пузыри. Другим было не лучше, чем мне, но никто не ныл. Володька Волков шел самым первым. Наверно, расстроился, что из-за него пришлось топтать столько, но ничего, шел.

Наконец привал. Через несколько минут все уже шутили над своими бесчисленными пузырями на ногах. Отдохнув минут десять, мы снова зашагали по дороге. Шагали—это, конечно, не то слово: мы кое-как переваливались с пятки на носок, стараясь не задеть пузыри. На отекавшие плечи уже никто не обращал внимания. И еще, все как-то почувствовали друг друга, от этого стало спокойней. Мальчишки тащили на себе все ведра, но крепились и даже пробовали острить. Несколько раз, когда проезжали машины (они там ходят очень редко), мы неистово махали руками, но они только обдавали нас пылью и мчались дальше. Мы уже думали, что будем идти по этой дороге до самой смерти, но вдруг увидели вдали домики. Там была деревня. Ребята из «Кавказа» развалились у старенькой церкви; они были усталые и грязные как черти, но мы, наверно, были еще хуже. Мы побросали

ли рюкзаки и заковыляли к колодцу. Такую вкусную воду я пила только в Ефимии. После возвращения в Ленинград я еще долго не могла привыкнуть к тому, что, не допив воду из стакана, ее можно спокойно вылить.

До станции нас все-таки подвезли на попутной, и там у нас был обед в столовке. Потом мы сыграли в волейбол, посидели в садике, выпололи грядки с цветами возле почты, а в девять часов вечера собрались и опять пошли. Нам осталось пройти 17 км. Шли цепочкой, человек в 50: «Кавказ» и «Балтика». Пели «Там, где змея не проползет» и еще много разных веселых песен. Стало прохладно. Появились комары. На первом привале все выстроились в длинную очередь, и Люся Сурова стала всех мазать репудином. Снова шли. Оставалось 12 км. Идти было очень трудно: пузыри, натертые днем, болели и лопались. Руки сожгли на солнце: они были красные, носы тоже побаливали. Плечи затекли, и суставы совершенно не двигались, а тут еще надо было отмахиваться от комаров и чесаться. Очень хотелось пить. Когда увидели колодец, все к нему бросились — пить хотелось ужасно. Было какое-то идиотское животное состояние. Все забыли друг о друге. Даже не так, нет, — просто уже все так измучились, что не было сил думать о ком-нибудь. Но это состояние продолжалось не больше минуты. Все стали уступать и передавать кружку товарищам. Но вот идем дальше.

Мальчишки из «Кавказа» помогают отстающим, все друг друга подбадривают. Холодно и сыро. Уже 12 часов ночи. Приходим на какую-то поляну. Идти дальше невозможно. Осталось 3 км. На поляне высокая трава, так что ноги сразу промокают до колен. Все дрожат, ходят как привидения. Но тут приказ: «Всем за хворостом!» Продираемся сквозь деревья, ищем сухой хворост. Натаскали целую гору, как муравьи работали. Разожгли огромный костер. Палатки ставить было очень долго, да и трава была совсем мокрая. Расстелили палатки прямо на траве. Стали переодеваться в сухое. Мокрые ноги совали чуть ли не в огонь. Половина ке-

дов тогда обгорела. Наконец все улеглись вокруг костра. И тут началось чудо: три девчонки из «Кавказа» (их там же назначили дежурными по кухне) мазали стуженкой черный хлеб, а мы его медленно, со вкусом ели. Это была пища богов. А тут еще, в завершение идиллии, Игорь Смелов стал петь хриплым голосом цыганские песни. И тут мы поняли, что не можем жить в десанте отдельно: «Балтика» и «Кавказ». Единогласно решили жить вместе. Через несколько минут все спали. Так крепко я, кажется, никогда в жизни не спала. На следующее утро мы все были единым целым. Федерацией «Кав-Балт».

Через два дня из Ленинграда приехали новые ребята из «Балтики» и «Кавказа» — те, что сдавали экзамены. Мы, конечно, были им очень рады, но все-таки было немножко трудно к ним привыкнуть. И все потому, что их не было с нами в тот день, когда мы прошли 38 км («Как солдаты на учениях», — смеялись потом ребята). Когда мы вернулись из десанта, мы все равно жили федерацией «Кав-Балт». У нас было после этого много общих, очень интересных дел. Но все равно, дольше всего я буду помнить, как шли с рюкзаками, а потом в два часа ночи пели песни и ели стуженку.

О ЧАСАХ И ЗАНОЗЕ

С утра лагерь превратился в Город веселых мастеров. С утра Раскин, Тамарка Королева и я стали «американцами». Почему именно американцами, сказать трудно. С таким же успехом мы могли бы изображать новозеландцев или папуасов. На руке у меня были Тамаркины часы — я изображала миллионерскую дочь.

Уже через год я услышала эту историю в солидной фольклорной обработке. Но мне ли не знать, кто потерял эти часы, если с самого утра они болтались у меня на руке?

Когда мы зашли в ресторан «Кавказ» (в этот день в лаге-

ре было много чудес), часов уже не было. Я пришла в ужас. Тамарка утешала меня как могла и тут же взяла с меня слово — молчать и не портить никому настроение. До вечера я честно молчала. Мы продолжали турне по Городу веселых мастеров.

Ночью мы взяли фонарик и отправились на розыски. Но несмотря на фонарик, я наткнулась на пень и загнала в ногу огромную занозу. Вытащить удалось примерно половину.

Утром Тамаркины часы нашлись под нарами в нашей палатке. Нога у меня распухла, но я все-таки встала и, хро-мая, пришла на Совет. Фаина Яковлевна осмотрела мою ногу и сказала, что нужно резать, а резать в таких условиях она не может, придется везти меня в Ленинград. Кто-то попросил, чтоб я на обратном пути захватила мыла.

— Ты что, соображаешь,— закричал Эдик Биккарт,— человеку ногу будут резать, ей не до мыла!

Я из последних сил изобразила улыбку и заверила, что ничего страшного и мыла я вполне могу захватить сколько угодно.

Меня повезла Рита Кружкова. В поезде я договорилась с ней, что поедем прямо в больницу, и, ради бога, ни в коем случае ни слова родителям — иначе пропал мой сбор.

В больнице меня решили положить в стационар. Я сказала:

— Мне нельзя в стационар, у меня через шесть дней кончается сбор.

Врач посмотрел на меня как на сумасшедшую.

Я сказала:

— Режьте, пожалуйста, только скорее.

Меня резали. Рита падала в обморок, сестра советовала мне кричать. Но кричать я почему-то не могла, и получилась так, будто я держалась очень прилично.

Из больницы мы отправились прямо на вокзал, купив по дороге мыла. Когда дотащились до лагеря, ребята ужинали. Они заметили нас издали, выбежали навстречу и на руках

отнесли меня к столу. Но тут вступила в свои права Гуля Кулиева — в тот день, как назло, именно она была дежурным командиром коммуны.

— Отрядам «Алтай» и «Сибирь» объявляется выговор за побег из-за стола!

Все зашумели.

— Слушай, Гуля! — крикнул Эдик. — У тебя когда-нибудь были друзья?

— Да никогда у нее не было друзей, никогда! — кричал Сашка.

А после отбоя Гуля пришла ко мне в палатку. Ей было очень неудобно, и она старалась как-то загладить свой выговор. Ревком хотел было перевести меня на ночь в дом, но ребята меня отстояли, забросали одеялами и неестественно быстро позасыпали. Но это уж было совершенно лишнее, я все равно всю ночь не спала.

А когда стала постарше, часто думала: «Еще бы пять заноз с радостью всадила бы и пять операций вынесла, чтобы такое повторилось!»

МНОГО ОТКРЫТИЙ

Когда я впервые пришел в коммуну, ребята готовились к «Огоньку». Надо было сделать сюрприз.

— Володя, может, ты прочтешь что-нибудь?

Начал отказываться. Но приготовился согласиться: ждал уговоров. Уговоров же, увы, не последовало. Очень хотелось читать стихотворение, но выступать вызвались другие, и обо мне забыли.

В Ефимии открыл очень много. Понял, что есть хорошие взрослые, которые и не взрослые вовсе: вместе в десанте, рядом сидят на земле у костра, на равных говорят с тобой. И очень нравилось, когда они пели: «Жили-были два пингвина». А потом и мы все запели: «И в стуже ледяного края...»

Захотелось жить по-ефимовски, по-коммунарски всегда, а не только на сборах коммуны. И еще приятно было, когда в последний день, на обратном 15-километровом пути, видел новые вывески «Клуб» в деревнях, ребят и взрослых, вышедших попрощаться, слышал «спасибо», может быть ко мне лично и не относившееся, и «Приезжайте к нам еще».

ВСЕ ТВОРЧЕСКИ, ИНАЧЕ — ЗАЧЕМ?

День складывался так: утром — работа, вечером — «творческое дело». Диспут, игра, «концерт-ромашка», «суд над песней»... Шел поиск формы.

Творческие дела придумывались и отбирались так, чтобы они не нуждались в многодневной подготовке, чтобы они действительно требовали творчества и чтобы в них приходилось принимать участие всем. А не так, как иногда бывает в лагерях: десять человек полсмены готовят сбор, разучивают какие-то «тексты», а двести слушают и смотрят.

Постепенно выработался такой прием. Когда решат провести вечер (или операцию, или «трудовой десант»), создают Совет дела. В Совет дела входят добровольцы из каждого отряда. Совет собирает предложения отрядов, обсуждает их, докладывает плану Общему сбору, руководит работой и потом отчитывается на «Огоньке». Члены ревкома и дежурные командиры только помогают Совету. А так как творческие дела — каждый день, то и Советы дел возникают каждый день.

Это очень удобно. Все ребята учатся придумывать, планировать, руководить и разбирать достоинства и недостатки своей работы.

Председателям колхозов приказали принять коммунаров и обеспечить работой. Они усмехались: «Что обеспечивать? Работы хватит. Только вот захотите ли?»

Но не прошло и недели, как в Спирово к шести утра стали съезжаться председатели. Прямо к нам, не заворачивая в райком. Просили прислать коммунаров на поля. А нас было всего 150 человек. На планерках от председателей только и слышно было: «Мой «Урал»... «Моя «Волга»... «Мой «Алтай»...

Не последнюю роль в нашей ефимовской жизни играли шоферы. Они подвозили коммунаров днем и ночью, в любую погоду. Часто делали лишний конец, чтобы подбросить наших до лагеря.

Когда мы были в этих местах через год, ночью на станцию должна была срочно выехать одна женщина. Она обратилась к Ф. Я.:

— Что делать? Знаю я этих шоферов — ни один не возьмет на попутку.

Фаина Яковлевна дала ей свой красный плащ, и первый же проезжавший мимо шофер остановил машину. Потом он, правда, сказал ей:

— А ведь вы не та...

«КАКИМ СТАНЕТ ЧЕЛОВЕК БУДУЩЕГО?»

На диспуте о будущем выступали киты: Саша Прутт, Ленька Добровольский, Витя Капустин. Прутт предложил в будущем воспитывать детей на специальных островах, вдали от родителей. Наклонности юных граждан определять еще в младенческом возрасте с помощью электронно-вычислительных машин. Олег Иванович рассказывал о городах будущего. Потом долго спорили о школах. Какими они станут? Будут ли учителя по-прежнему ставить оценки?

Наташка Андреева ради смеха спросила, сохранятся ли в будущем дураки? Кто-то в тон ей ответил, что дураков в будущем не будет, машины этого не допустят. Лариса Павловна спросила вполне серьезно: «А что ты понимаешь под словом «дурак»?»

Я аккуратно переписал в тетрадь вопросы диспута. После каникул договорился с классным руководителем Аллой Михайловной организовать такой диспут в нашем 7 «А». Перепечатал вопросы на машинке, повесил их в классе за несколько дней до диспута. В последнюю минуту оказалось, что Алла Михайловна прийти не сможет. Я заволновался, но отступать было уже поздно.

Прозвенел звонок на последний урок. Я вышел к учительскому столу и прочел по тетрадке:

— «Вопрос первый. «Каким будет человек будущего?»».

Ребята молчали. На задних партах перешептывались, пересмеивались. И тут встал наш местный комик и начал, задумчиво растягивая слова:

— Каким будет человек будущего? Ну, прежде всего, я полагаю, он будет лысым...

Все рассмеялись. Я разозлился, но все-таки перешел ко второму вопросу. Если реакция и была, то совсем не такая, какую я хотел. Я обиделся, закрыл тетрадь и объявил, что диспут окончен и все могут уходить.

Позже я понял, как незаметно и тщательно готовится в коммуне каждое дело. И чтобы повторить его в школе, мало иметь при себе список вопросов.

ШВАМБРАНИЯ

«Говорит коммунарская радиорубка! Объявляем план дня, принятый королевой объединенного королевства Швамбрании.

9.30—10.00. Народное вече, присяга королеве, всеобщий

референдум. Во время утреннего пиршества — оглашение швамбранских законов.

11.00—12.00. Смотр вооруженных сил.

15.00—16.00. Обед ее величества королевы с приглашением всех желающих. Величайшее горе, постигшее швамбранский народ, покрытое мраком и туманом.

16.00—17.00. Война.

17.00—17.30. Заключение мира.

17.30—18.00. Бал придворной знати! Бал в старинном замке! Бал в двенадцать баллов!

19.00—20.00. Пир горой!»

...Отплытием в Швамбранию командует Джек—Спутник моряков. «Поднять якоря! — кричит он. — Плыдем!»

Коммунары качаются, подобно морским волнам.

«Спускайтесь в трюм!» — Джек приседает на носки и поднимается, не отрывая от палубы рук.

Швамбраны за Джеком тоже спускаются в трюм, забираются на мачты, крепят паруса и идут против ветра.

«Земля!» — кричит Спутник моряков.

«Земля!!!» — подхватывают швамбраны.

«В Швамбранию бегом!..» — командует Джек.

Зарядка кончилась.

Наступил час народного веча. Народ согнали к трону королевы. Королева была умница и изредка кивала головкой — золотая корона ее слегка вздрагивала над толпой. За тронном почтительно стояли министры.

«Приветствую вас, мой добрый народ!» — стараясь держаться с достоинством, промолвил Сатанатам.

Все шло как нельзя лучше. Довольный премьер зачитывал швамбранскую Конституцию.

«Права и обязанности швамбран. Первое — права».

Права, права, права, права.

Росла на улице трава.

А что сегодня на обед?

Не будет прав и вовсе нет.

«Обязанности,— провозгласил премьер-министр,— А, Б, В, Г, Д, Е, Ё, Ж, З, И, К...» На все обязанности не хватило алфавита.

Потом министр внутренних дел рассказывал о государственном устройстве Швамбрании. Был принят герб Швамбрании и флаг. Народ отправился на утреннюю трапезу.

И вот наступило время смотра великих армий Швамбрании. Что это были за армии!

Тах-тах-тррах! — шла непобедимая армия Пилигвинии, потрясая палками. На головах пилигвинцев блестели неподражаемые шлемы — тазики. Прогрохотал танк, сплетенный из человеческих тел.

Трум-порум-пум! — выступала армия Кальдонии. Летели самолеты — маленьких гибких солдатиков, раскинувшихся ласточкой, несли на руках рослые grenадеры.

Да здравствуют пушки и мясо!
Да здравствует пушечный гром!
По черным стопам Карабаса
Мы с вами, швамбране, пойдем!

Пух-трух-тух! — швамбранская пехота ловко передвигалась на четвереньках.

Смотр закончился исполнением швамбранского гимна на расческах:

Эй, швамбране, эй, швамбране,
Слава вам и честь.
Всех врагов мы победили,
Справедливость есть.

Усталые воины и зрители приняли приглашение королевы на обед, и никто не заметил, как между первым и вторым блюдом королева исчезла.

Вдруг прибежал маленький героический гвардеец, шатаясь от ран. В наступившей тишине он сказал: «Швамбране! Пилигвинцы украли нашу королеву. Горе нам!» Маленького гвардейца подхватили на руки и отнесли в лазарет. Уродо-

нал немедленно отправил ноту наместнику Пилигвинии: «Бесчестному наместнику пилигвинцев. Иду на ты. Готовь к бою свои дырявые пушки и жди смерти. Уродонал».

Тряслась земля, когда союзные силы подходили к королевскому замку, в котором засели пилигвинцы. Солдаты бросились на приступ — двери не поддавались. Наконец пилигвинцам надоело сидеть в бездействии, и они распахнули дверь. Началась рукопашная. В войне участвовали все чины. Маршал Уродонал, изорвав мундир, колотил своих подданных. Ревкомовцы, поддавшись искушению, бросались в битву, не уяснив, за кого биться. Это был великий бой!

Но тут показались grenадеры — они несли королеву.

«Ура! Да здравствует народ! Да здравствует королева!» — крикнули grenадеры и водрузили королеву на престол.

Ура, ура! — закричали
Тут швамбране все.—
Ура-ура! — и упали.
Туба-риба-се.

...Швамбране хоронят Джека — Спутника моряков, погибшего от удара мечом в левое предсердие (так сообщает придворный бюллетень). Скорбный гроб плывет на плечах Уродонала, мага Уна (Володи Магуна) и других уважаемых людей королевства. «О! Горе нам! О! Куда ты уходишь?!» — плачут женщины. Мужчины не пытаются сдержать слез. Тайный советник сквозь плач подмигивает ревкому и говорит: «Как плачут? А?!»

Но что это? Народ упал на землю, держится за животы... Массовое отравление? Нет, народ смеется!

Уродонал, забывшись в плаче, стянул с гроба покрывало, и всей Швамбрании стали видны ноги Джека — желтые палки. Кто-то хитроумно приладил Джеку две палки на плечи и накрыл их одеялом, а сам Джек жив и невредим. Под обихой хохот улыбающийся Джек удаляется...

И грянул бал в двенадцать баллов! Вот началась ма-

зурка! Черноусый гвардеец осторожно вертел свою даму. За ними кружились другие, еще более прекрасные пары.

«А теперь мы хотим послушать стихи!» — заявила знать, и на середину, оглядывая себя, как павлин, вышел поэт Иго-го. Он достал стихи, снял с них розовую ленточку и вдохновенно начал читать. Стихи восхваляли знать и порочили народ. «Черен, глуп и жалок тот, кто зовет себя народ!» — эффектно закончил Иго-го.

«Ах, так?!» Народ сорвал веревку и с ревом бросился на аристократов. Сашка сидел верхом на Сатанатаме. Королеве, наконец, удалось проявить свою демократичность. «Долой королеву!» — кричала она. В минуту знаки сословий были растоптаны, министры побиты. Тайный советник хрипло призывал к порядку. Все было напрасно.

Сатанатама чуть не убили. «Братцы, мы же играем!» — кричал он, задыхаясь. Сашка, сияя, провозгласил победу. Швамбране плакали, смеялись и обнимались от счастья. В огромном костре, почти до неба, горели реликвии старой королевской Швамбрании.

На «Огоньке» коммуна отплывала в ночную Швамбранию.

Низложенный премьер награждал Орденом трудовой Швамбрании тех, кто помог провести праздник-сказку.

От усталости швамбранам даже не снились сны.

УТРЕННИЙ СОВЕТ

(Присутствуют командиры коммунарских отрядов, их помощники и вадимы.)

«А л т а й». Мы должны вернуться в Озереву. Участок трудный и доверили его нам.

«В о л г а». До Озерева 27 километров, а у вас маленькие есть. Лучше мы пойдем — не бойтесь, справимся с вашими сорняками.

«К а в к а з». Нам надо в Сомино. Нас ждут.

«Д н е п р». Не вас ждут, а коммунаров! Идите лучше на праздник песни, у вас хороший хор, а мы в Сомино...

А Н К Е Т А

Когда сбор в Ефимовском районе кончался, по традиции была роздана анкета. Среди других вопросов один каверзный:

«Если тебе следующим летом представятся одновременно три возможности:

1) отдыхать с родителями;

2) поехать с коммуной в Ефимию;

3) получить путевку в пионерлагерь, — что ты выберешь?»

На анкету отвечали 111 человек: 98 выбрали коммуну и Ефимию.

— Я бы поехал в коммуну, потому что в коммуне можно стать человеком.

— Я бы поехал в коммуну, чтобы увидеть, как она изменится.

— По-моему, не обязательно каждый год ездить на сбор. Но обязательно продолжать дело коммуны в лагере и в школе — всю жизнь. По-моему, для того и существует коммуна, чтобы давать какой-то заряд человечности.

Многие участники ефимовского сбора и сегодня работают в коммуне, хотя все они уже кончили школу.

Глава четвертая,

САМАЯ ДРАМАТИЧНАЯ

«КТО ВАМ РАЗРЕШИЛ?..»

Отряды вернулись из десантов.

После обеда вдруг раздался тревожный сигнал горна. Через полминуты отряды выстроились на линейке. Все переглядываются. Что случилось? Почему тревога? Дежурный член ревкома делает шаг вперед.

— Несмотря на предупреждение, опять остались грязные миски. Кто не вымыл посуду?.. (Все молчат.) Очень хорошо. Значит, посуду за собой не вымыли ревкомовцы. Ревком, на мытье грязной посуды с линейки шагом марш!

Ревком уходит. Олег Иванович гордо шагает впереди. А из отрядов вслед несутся крики:

— Безобразие! Кто им разрешил уйти с линейки?

Отряды требуют слова.

«Урал». Если каждый отряд будет уходить с линейки

без разрешения дежурного командира коммуны, тогда зачем вообще собираться по тревоге?

«Байкал». Мы просим разрешить отряду вымыть посуду вместо ревкома.

Дежурный командир коммуны. Не разрешаю.

«Балтика». Предлагаем объявить ревкому выговор за самовольный уход с линейки.

«Алтай». Грязная посуда вообще не причина для того, чтобы горнить тревогу.

Большинством голосов проходит предложение «Балтики». Через десять минут ревком, покончив с посудой, сдает рапорт дежурному командиру коммуны. ДКК объявляет ревкому выговор Общего сбора.

Выговор ревкомовцы принимают с достоинством, хотя для них это — полнейшая неожиданность. Взрослые рассчитывали на другое — ну, по крайней мере, на то, что детям станет стыдно и они дружно бросятся мыть посуду.

А утро следующего дня Совет коммуны начал с того, что присудил «черепашу» ревкому, который в полном составе проспал зарядку. На разведку — выбрать место для игры «Борьба за пакеты» — Совет послал не Олега Ивановича, как предложил накануне ревком, а отряды «Днепр» и «Кавказ».

САМОУПРАВЛЕНИЕ

Что за жизнь у нас в коммуне? И месяца не бывает спокойного. Всегда что-то случается, возникают какие-то новые трудности, новые идеи, и коммуна бурлит, спорит, ссорится, страсти разгораются, пока не будет найден выход или пока не возникнет еще более сложная задача. Отчего это? Может, потому, что мы сами все время меняемся, растем, становимся другими? То, что вчера казалось замечательным, сегодня обнаруживает новые стороны и кажется не таким уже привлекательным, а то и вовсе никудышным.

ПЕРВЫЕ ВОЛНЕНИЯ

Если бы нас спросили, какая у нас коммуна, как она живет,— на этот вопрос нельзя было бы ответить, не прибавив слова «сегодня». Сегодня наша коммуна живет так-то. А вчера она была совсем другой и завтра опять будет другой!

Мы учились думать, учились считать дела коммуны собственными, учились руководить и подчиняться — всё это довольно сложные науки. Самоуправление нельзя «дать», нельзя «взять», нельзя «вести». Его приходится годами вырабатывать и отрабатывать. Само-управление. Но что скрывается за словом «сами»? Кто это «сами»? Совет коммуны? Старшие коммунары? Вся коммуна? Кто реально должен вести коммуны, чье слово решающее?

Идеал — чтобы весомым было слово каждого. Чтобы мальчишка, впервые попавший на сбор коммуны, тоже чувствовал себя значимым человеком, к голосу которого прислушиваются с таким же уважением, как к голосу коммунара с пятилетним стажем. В коммуне должна быть дисциплина — иначе она ничего не сможет сделать, и в то же время эта дисциплина не может быть суровой, жесткой, беспрекословной. Мы мечтали о какой-то гибкой, свободной дисциплине. Пусть каждый чувствует себя вольно, а в коммуне порядок. Возможно ли такое сочетание?

Возможно, если дисциплина не самоцель, если каждый из взрослых, каждый из сменных командиров готов поступить даже своим авторитетом во имя более значительного — во имя коммуны.

В большинстве случаев наши взрослые были на высоте. Их авторитет держался на том, что они — самые опытные среди нас, самые умные, самые большие выдумщики, самые преданные коммуне люди, больше и лучше других работают. И все-таки не всегда обходилось без трений.

Краткая хроника двух дней.

26 марта, после обеда.	— Изгнание оркестра Павлика Колка.
26 марта, вечер.	— Голосование.
Ночь на 27 марта.	— Тревога.
27 марта, утро.	— Отказ от вымпелов.
27 марта, после завтрака.	— «Алтайский» ультиматум.

На весеннем сборе решили провести коммунарский бал...

Идея коммунарского бала всем понравилась, а Павел Колк, наш главный горнист, вызвался привести оркестр. Народ в оркестре был довольно взрослый — 18—20-летние парни, набившие руку на разных платных вечерах. Павлу стоило немало труда уговорить их прийти в коммуны, где играть надо было бесплатно. К тому же двое оркестрантов неожиданно заболели, и Павлик чуть ли не в последний день ездил куда-то за город искать замену.

Держались парни довольно-таки развязно. Один даже повязал под «бабочку» пионерский галстук. Но играли не очень плохо, нормально.

И вдруг ревком в разгар бала вызывает оркестр наверх, в рекреацию интерната, где проходил сбор, и тут же объявляет «языковую тревогу». Это значит — говорить по-русски запрещается, только на немецком, английском или французском — кто какой учит.

Мы стояли внизу и ждали. В рекреации за закрытой дверью что-то происходило. Наконец дверь открылась, оркестранты спустились с лестницы и прошли через весь зал к выходу. Последним, ни на кого не глядя, шел Павел. Кто-то спросил у него, в чем дело. Он ответил: «Выгнали» — и ушел из коммуны. Навсегда.

На «Огоньке» Сашка Прутт встал и спросил у Олега Ивановича:

— Какое вы имели право выгнать оркестр без решения Совета коммуны? Без дежурного командира?

За Сашкой встал весь «Алтай». Ира Леонова, член ревко-

ма, с жаром начала объяснять, что игра оркестра была проявлением самых низких музыкальных вкусов, недопустимых вообще, и в коммуне в особенности. Но ее почти не слушали. Тогда поднялся Олег Иванович:

— Вы можете не доверять мнению музыканта-профессионала, это ваше право. Но Ирина Михайловна говорила сейчас от имени ревкома. Я ставлю вопрос на голосование. Кто за то, чтобы считать решение ревкома правильным?

Ребята поднимали руки нехотя. Кто-то сказал: «Ну, раз халтура...» — и дело пошло быстрее. Наш «Алтай» остался в меньшинстве.

Ночью в интернате, кажется, не спал ни один человек. В спальнях шумели. Кто-то плакал. По коридорам двигались тени. Из глубины рекреации доносились возбужденные голоса. Отбой игнорировали почти в открытую.

Но эпицентром волнений оставался «Алтай», хотя Сашки Прутта в отряде не было — сразу после «Огонька» он уехал во Дворец пионеров на вечерние соревнования ультракоротковолновиков. Вернувшись с Совета, Таня Теплиц рассказала, что утром «Алтаю» будут вручать переходящие вымпелы «За смекалку» и «За чистоту».

— Надо отказаться! Сейчас же!

— Нет, лучше подождем до завтра. Отказаться надо при всех. — На том и порешили.

Утром дежурный командир коммуны зачитал решение Совета:

— По итогам второго и третьего дня сбора присудить вымпелы: «За заботу о коммуне» — отрядам «Днепр» и «Сибирь», «За смекалку» — «Алтаю», «Сибирь», «Волге», «За чистоту» — «Алтаю».

И «Алтай» ответил:

Только слабый ищет славы,
Только слабый ждет награды.
Обойдутся коммунары
Без почета, без награды.

— «Алтай» отказывается от вымпелов! — гордо крикнул наш дежурный командир.

— «Сибирь» единогласно присоединяется к «Алтаю»! — услышали мы голос командира «Сибири».

После завтрака «алтайских» зачинщиков пригласили в ревком. Все было обставлено очень торжественно. За столом сидели Олег Иванович, Фаина Яковлевна и Лариса Павловна. Мы сели напротив. Олег Иванович откашлялся и сказал:

— Ребята, это была проверка. Вы ее выдержали. А теперь, если у вас есть какие-то предложения, подумайте, посоветуйтесь, и давайте вместе все обсудим.

Мы удалились на совещание. Говорить с ревкомовской тройкой поручили Сашке Прутту. Он был краток.

— «Алтай» требует: не ущемлять права Совета коммуны! Комплектование отрядов передать в руки коммунаров. И никаких закулисных назначений сверху на посты командиров отрядов!

Сашку выслушали молча. Когда он кончил, Олег Иванович спросил:

— Это что же, ультиматум?

— Да.

Несколько минут за ревкомовским столом тихо перешептывались.

Потом Олег Иванович встал и сказал:

— Ну что ж, мы принимаем ваш ультиматум. — И снова повторил: — Вы с честью выдержали проверку.

Конечно, ни в какую «проверку» ребята не поверили, но версию приняли спокойно, потому что ревком огласил свой ответ на наш ультиматум.

Решение ревкома коммуны
(от 28 марта, утро)

1. Требования коммунаров считать справедливыми. В этом выразился рост наших ребят (ядра коммуны).

2. Нужно сделать новый шаг вперед по пути расширения ребячьих прав в организации жизни коммуны.

3. Учитывая требования ребят — членов Совета коммуны, — признать изгнание оркестра без решения Совета коммуны ошибочным;

впредь ревкому отказаться от «административных» функций;

в Совет коммуны входить только дежурным членам ревкома;

командиров и помощников командиров коммунарских отрядов выбирать на сборе коммунаров, а затем представлять на Общем сборе.

РАЗРЫВ

Но это были лишь первые признаки надвигавшейся бури. А скоро случилось невероятное.

Мы долго спорили: рассказывать об этом или нет? Большинство считало: нет, это невозможно. Это наша, личная драма.

А потом решили — все-таки расскажем. Надо быть честными. Взялись рассказывать — так уж всё до конца. А то выйдет, что мы хотим показать себя лучше, чем мы есть.

Итак, об Олеге Ивановиче. Кто всех яростнее отстаивал самоуправление в коммуне? Олег Иванович. Кто первый предложил принять дерзкий «ультиматум» «Алтая»? Олег Иванович. И еще похвалил нас: молодцы, умеете отстаивать свои права!

Но вот мы постепенно начинаем замечать: все хорошо в коммуне, пока все делается в согласии с Олегом Ивановичем. Самое смелое предложение пройдет, если Олег Иванович сразу согласится с ним. А если он против? Тогда в коммуне наступают трудные дни. Олег Иванович мрачнеет. Уходит из лагеря (если дело происходит на сборе), исчезает на часы. Все ходят подавленные, настроение плохое у всех. Он такой,

Олег Иванович: если ему весело — всем вокруг весело. Если он мрачен — у всех все из рук валится... Бывают же такие люди! Мы и любили его и не любили. Уж очень тягостно все это было.

Некоторые из нас говорят, что мы его не понимаем. Мол, человек отдал коммуне много лет своей жизни, он сросся с нею, и его надо принимать со всеми его достоинствами, со всеми его недостатками.

И все же никто не имеет права распускаться ни на минуту! Что получится, если каждый из коммунаров, чуть что не так, начнет дуться, сердиться, говорить, что его не ценят? Нет, коммуна научила нас не обижаться на коммуноу. Если тебя ругают, то ругают за конкретную ошибку или недостаток в характере. Но никто не собирается рвать с тобой, никто не отворачивается от тебя — уважение к тебе остается прежним. Олег Иванович нас этому научил! И мы привыкли, что требования к любому из старших друзей и к самому новенькому из ребят одинаковы.

...Однажды Олег Иванович пришел на заседание ревкома с новым планом. План был ошеломительный. Коммуна закрывается! Весь район, вся пионерская организация района должна жить так, как живет коммуна, и, следовательно, существование особых коммунарских отрядов теряет смысл.

Вообще-то это было очень красиво: от небольшой коммуны — к коммунарскому району! А получится ли на практике?

Коммуна открыта для всех. Не было случая, чтобы кто-нибудь захотел вступить в нее, а его бы не приняли, сказали бы: «Ты недостаточно хорош». Мы рады каждому, работа найдется для всех; а если работаешь хорошо, получишь звание коммунара.

В чем-то Олег Иванович прав: в коммуне много находок, хочется, чтобы побольше ребят жили так же интересно. Мы должны лучше работать в школах. Но надо ли для этого закрывать коммуноу? И другое возражение: если коммуна ста-

нет обязательной для всех ребят, живущих во Фрунзенском районе,— правильно ли это будет? Какое мы имеем право решать за ребят, как они должны жить?

Ревком плана Олега Ивановича не принял. Он показался утопическим и опасным.

— Но ведь вся наша работа — педагогический эксперимент,— настаивал Олег Иванович,— а я руководитель эксперимента. Мы должны попробовать работать по-новому! Получится — хорошо, не получится — постараемся понять, в чем дело.

Это поразило всех. Мы не думали, что мы — «подопытные»; мы не хотели быть «участниками эксперимента», мы просто жили и воевали как могли.

Олег Иванович стал горячиться.

— Нам казалось, у нас другие отношения,— сказали в ревкоме.— Мы друзья, товарищи по работе, и среди нас нет никаких руководителей...

Лариса Павловна поддержала Олега Ивановича.

— Неужели вы думаете, что мы имеем моральное право обсуждать Олега Ивановича? Кто мы по сравнению с ним? Ведь все, что есть хорошего в коммуне,— все это он придумал, открыл, нашел!

Да, это была правда. Все он. Тем не менее...

— Или вы примете план, или я уйду,— сказал наконец Олег Иванович.

Гром среди ясного неба! Такого в коммуне никогда не было. Но вспомнили все: никогда и не было, чтобы предложение Олега Ивановича не принималось на «ура»...

Все смотрели на Фаину Яковлевну. Только она одна из трех основателей коммуны была на нашей стороне. Но что она сможет сделать? Все три года работы Ф. Я. ничего не решала без Олега Ивановича...

Олег Иванович предложил:

— Хорошо, если так, давайте соберем старших ребят-коммунаров. Я уверен, они согласятся со мной!

Возможно, кому-нибудь это покажется недопустимым: «Как же так? Переносить споры взрослых в детский коллектив, обращаться к ребятам!»

Но коммуна никогда не делилась на «взрослых» и «ребят», она живет единым целым.

Коммунары собрались. Олег Иванович обратился к нам:

— Мы должны четко определить наши отношения. Я веду педагогический эксперимент. Коммуну надо перестроить так...

И Олег Иванович развернул перед нами аккуратные схемы-планы на больших листах. Вверху каждого листа было написано: «Научный руководитель...» — и стояла фамилия Олега Ивановича.

Вот эта строчка, этот пустяк и определили исход дела. «Научный руководитель!» Опять то же самое. Выходит, все было игрой, «научной работой», экспериментом, который по воле исследователей можно куда угодно повернуть, а в случае чего и закрыть, тщательно подведя итог? Нет! Нет и нет! Все было реальностью, правдой и останется правдой!

— Мы так не можем,— сказали ребята.

— Значит, погибнет дело,— мрачно проговорил Олег Иванович, встал и ушел.

Вместе с ним ушла Лариса Павловна.

Наступила страшная тишина.

Как будет коммуна без Олега Ивановича? Это невысказано.

Но как будет коммуна с Олегом Ивановичем после того, что произошло? Тоже невысказано.

Фаина Яковлевна тихо сказала:

— Ребята, я тоже должна уйти. Я не могу заменить их. У меня нет ни опыта, ни подготовки, ни способностей таких...

— Фаина Яковлевна, не бойтесь, мы поможем,— сказал Володя Лосенков.

Лосенков говорит меньше всех, позже всех и только то,

что думают все ребята. Кажется, Лось ни разу в жизни не сказал лишнего слова.

Но в этот день даже такая поддержка мало значила. Коммуне угрожал распад.

Не однажды собирались мы. Говорили, спорили. Кажется, за эти дни все стали старше. Горе делает людей мудрее. У нас было горе.

Все казалось — завтра придет Олег Иванович, жизнерадостный, как обычно, и скажет, что это была «проверка» или что-нибудь в этом роде, — и все останется по-прежнему. Мы опять охотно согласились бы на «проверку».

Но Олег Иванович стоял на своем. И, как всегда бывает в таких случаях, мы будто второй раз смотрели один и тот же фильм. Только теперь, когда было известно, чем фильм кончается, мы обращали внимание на детали, пропущенные при первом просмотре.

Все хорошее в коммуне — от него, от Олега Ивановича.

Но никто, кроме него, ничего не решал... Как он скажет, так и будет. Раньше мы этого не замечали — просто потому, что всегда и во всем были согласны с ним.

Хорошо ли это — зависеть от настроения одного человека, пусть даже и такого необыкновенного, как Олег Иванович? Нет, мы до последних дней ничего плохого не могли сказать о нем. Все это было для нас так же неожиданно, как и для читателей этой книги.

Мы жили, а он — играл.

Но он же сам научил нас доверять взрослым, доверять друзьям до конца, во всем!

И мы теперь не представляем себе жизни без такого доверия. Мы не сможем смотреть ему в глаза.

Олег Иванович и Лариса Павловна должны уйти из коммуны.

Друзья коммуны уговаривали нас:

— Что вы делаете? Опомнитесь, вы еще мальчишки и

девчонки, вы ничего не знаете о жизни! Какое вам дело до того, что он за человек? Он ведь голова, понимаете? Голова! Кем вы его замените?

Общий сбор выслушал все уговоры молча. Олег Иванович и Лариса Павловна из коммуны ушли.

* * *

С тех пор прошло шесть лет. И только теперь мы понимаем, что, быть может, это поражение Олега Ивановича и было самой важной, самой полной его победой.

Олег Иванович все время учил нас быть принципиальными во всем и перед всеми. Свободолюбие без принципиальности — пустой звук. Но отстаивание принципов — дело необходимое. Если бы мы подчинились Олегу Ивановичу, мы тем самым предали бы его.

Сколько всевозможных отрядов, кружков и команд распадается, как только уходит их руководитель-энтузиаст! А коммунa выжила и сохранила принципы, на которых она была основана Олегом Ивановичем. Эти принципы оказались сильнее всех — даже сильнее самого Олега Ивановича. А что может лучше говорить в их пользу?

Глава пятая,

САМАЯ СПОРНАЯ

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

Разрыв с Олегом Ивановичем потряс коммуны.

Мы пересматривали всю нашу работу.

Мы размышляли — как жить дальше?

Вопрос о том, кто будет руководить коммуной, был не самым главным. Остался ревком, осталась Ф. Я., остались все «старые», опытные коммунары, остался заведенный, налаженный механизм, — жизнь коммуны могла продолжаться сама собой.

Но...

Но что-то должно было измениться в самом духе ее, в самом направлении.

Ревком заседал каждый день. Ревком проводил операции «6—8—10». Это бывший адрес Фаины Яковлевны: «6-я Красноармейская, дом 8, квартира 10». Собирались ве-

чером после работы. Покупали пачку пельменей на всех, приходили старшие коммунары. В маленькой комнатухе рассаживались «в два этажа». Спорили до утра.

Ездили в Москву, к друзьям коммуны. Опять ночные собрания, споры, размышления.

Чем держалась коммуна? Чем привлекала она ребят? Сутью своей — работой для людей, ощущением полезности жизни, которое она дает каждому.

Укладом своим — песнями и строем, «Огоньками» и дежурствами, традициями, привязанностью к коммуне старших ребят.

Но вот какая опасность подстерегала нас.

Мы присмотрелись: все ожесточеннее споры на «Огоньках», все суровее становятся «откровенные разговоры». Мы так привыкли к коммуне, так любим ее, что всем хочется — чтоб не единого пятнышка! Дисциплина стала доходить до смешного. Поехала коммуна в Москву, и в первый день старшим ребятам разрешили самостоятельно побродить по городу. Многим нужно было навестить родных или знакомых. Но условились: ровно в 10 вечера все должны быть в сборе. И вот одна девочка поехала к тете, с трудом разыскала ее дом, а когда подошла к парадному и посмотрела на часы, поняла: она успеет к назначенному сроку только в том случае, если немедленно, не заходя к тете, повернет обратно... И девочка вернулась. Она вовсе не боялась, что ее будут ругать. Она боялась подвести коммуны, нарушить ее закон «ноль — ноль»: если назначено встретиться в 22.00, то все должны быть на месте именно к этому времени, а не в 22.01 и, уж конечно, не в 22.05...

Жизнь коммуны развивалась так, что коммунары становились все строже и строже к себе и друг к другу. Нет ли во всем этом какого-то фанатизма? А если есть, то как излечиться от болезни, не подрывая основ коммуны? Как научиться более широкому взгляду на жизнь, терпимости?

Когда коммуна создавалась, всем было ясно, какую

жизнь мы хотим устроить. Но когда мы добивались своего, каждый раз оказывалось, что на этом успокоиться нельзя, надо искать новое, иначе все рухнет.

Противоречия обступали нас со всех сторон.

Олег Иванович, самый ценный человек для коммуны, оказался и самым трудным для коммуны человеком.

Дисциплина, которую мы с таким трудом наладили, теперь отчасти мешала жить.

Прежде мы радовались требовательным, непримиримым людям вроде Вити-«Гвоздика», считали, что они-то и поддерживают коммуну. Теперь мы увидели, что из-за таких-то вот «непримиримых» ребятам бывает плохо в коммуне. А зачем коммунa, даже с самой прекрасной дисциплиной и самой высокой идеей, — зачем она, если кому-то от нее плохо?

Постепенно стала выявляться такая схема. Сначала, когда коммунa только создавалась, все было правильно: мы учились отказываться от личных, эгоистических стремлений, подчинять свое «я» интересам коллектива. Это приносило счастье ребятам, потому что коллективная работа, общее дело приносит удовлетворение. А теперь наступает новый этап: теперь уже созданный коллектив должен помогать раскрыться каждому человеку, обогатить каждое «я».

Коммуна должна внести что-то новое в свою жизнь... Что-то такое, что поможет ребятам понимать сложность жизни и ее явлений, не судить о людях прямолинейно. Коммуна должна стать взрослее...

Не сразу мы поняли это.

ОТ ЧЕТЫРЕХ ДО ШЕСТИ

Летом на сбор в Ефимию с нами поехали пять музыкантов и десять художников. С музыкантами никаких разногласий и конфликтов не было. Они наравне с нами работали, мы наравне с ними пели. С художниками было сложнее — они приехали в коммуну со своей программой.

Художник Борис Михайлович Неменский привез на сбор группу своих учеников — студентов живописно-графического факультета Московского пединститута. При первой же встрече Б. М. сказал:

— Давайте сразу условимся: мы приехали не в гости, а работать. Полдня — на этюдах, полдня — с ребятами. Коммуне нужна эстетика.

Мы согласились: хотите рисовать — рисуйте, а с эстетикой — видно будет. У нас отношение к эстетике было более чем сдержанное. Я, например, считала, что коллектив можно сплотить только трудом, а эстетика и красота — дело десятое. Мы стремились к красивым коллективным отношениям, а красивые пейзажи — всякие там виды и тучки — это все хороший антураж для дачного отдыха.

Каждый обеденный педсовет (то есть «педсовет» во время обеда) неизменно сводился к спору между ревкомовцами и художниками. Борис Михайлович уговаривал:

— Кого вы хотите воспитать — фанатиков или убежденных людей? Если фанатиков, тогда вы правы — фанатикам не нужно никакого искусства, никакой красоты. А коммунар должен быть добрым и человечным. Поймите, не может быть добрым человек, если он не умеет видеть прекрасное, если в нем нет трепета перед красотой, если его не волнуют полотна Рафаэля и Тициана.

— И что же вы предлагаете? После прополки свеклы обучать ребят священному трепету перед произведениями искусства?

— Да хоть бы и так. Дайте нам два часа в день — от четырех до шести, и вы увидите, что могут сделать с ребятами беседы об искусстве.

А в промежутках между спорами Б. М. объезжал с искусствоведом Лией Макоед ефимовские деревни. Б. М. вел за руль велосипед, к которому трубой назад, как пулемет на тачанке, был приторочен огромный эпидиаскоп. Лия несла коробку драгоценных стеклянных диапозитивов. Там, в кол-

КАК ЦВЕТЫ НОЧЬЮ СВЕТАТСЯ

хозных клубах, они рассказывали об искусстве людям, никогда не видавшим ни картинных галерей, ни живого художника. Поздним вечером, снимая с велосипеда проекционный фонарь, Борис Михайлович устало спрашивал нас:

— Почему вы не хотите попробовать? Подумайте, всего два часа в день — от четырех до шести. Мы же не будем отрывать ребят от работы...

Мы были непоколебимы в своем упрямстве:

— Борис Михайлович, а вы спросите у ребят — хотят ли они беседовать об искусстве?

Дрогнувшим голосом Б. М. ответил:

— Я уже спрашивал: Наташа Андреева сказала, что для нее картина — все равно что верблюд.

И все же после долгих разговоров художникам разрешили два часа в день внедрять эстетику в души вернувшихся из трудового десанта коммунаров.

В тот же день Борис Михайлович и его ученик Коля Павлов развесили в зале спировской школы репродукции картин. Ребята уселись на полу, а Коля начал с жаром рассказывать про красоту линий и цвета. До шести продержаться не удалось — мы засыпали.

На следующий день художники изменили тактику. Во избежание засыпания репродукции развесили по всей школе и водили ребят из класса в класс.

Борис Михайлович признал:

— Мне кажется, ребятам сейчас не до экскурсий. — И тут же предложил: — А не попробовать ли нам вместе пойти по селам — собирать народную одежду, утварь, инструменты, записывать старинные песни?

...Но самое удивительное, что и художников заразил наш «фанатизм». Борис Михайлович не узнавал своих любимых учеников: этюды оставлены, художники аршинными буквами («так, чтобы корова сама прочитать могла») пишут бирки для фермы в Спирово... С ними произошло то же, что происходило со всеми взрослыми, попавшими в коммуны.

Борис Михайлович давно обещал повести нас ночью в лес. И вот наконец дежурный командир отпустил нас. Я пыталась уговорить Сашку Прутта пойти с нами, но он был непреклонен. Он считает, что искусство не нужно человеку. Около трех мы отправились.

Ночь тихая, прохладная. А с Б. М. идти интересно. То ему в нормальной елке леший мерещится, то вдруг начнет уверять, что она какого-то необычного цвета.

Сейчас, вспоминая эту прогулку, я понимаю, что лес и вправду был сказочно красив. Но тогда я просто поддакивала Борису Михайловичу только потому, что мне не хотелось его обидеть. Но вот соловей...

Уже около пяти часов откуда-то из густой листвы раздавалась соловьиная трель. Мы остановились. Он вспорхнул; мы, крадучись, пошли за ним. Хотелось стоять и слушать долго-долго, но он все улетал, улетал и, наконец, совсем исчез. А мы, размягченные этой встречей, повернули в лагерь.

И вдруг Борис Михайлович вскрикнул:

— Посмотрите, как светится этот цветок! Нет, вы вот с этой стороны зайдите. Видите, какое от него исходит голубоватое свечение?

Я обошла цветок со всех сторон, старательно всматривалась, прищуривала глаза, широко их раскрывала, приседала, приподнималась на цыпочках — все было напрасно. Цветок ничуть не светился. Но я опять поддакнула:

— Да, действительно очень интересно.

И мы отправились дальше.

Перед завтраком Сашка поинтересовался, как прошла прогулка. Я расстроено сообщила:

— Знаешь, Б. М. показывает на цветок и пытается меня убедить, что он светится! Но я-то вижу, что никакого свечения нет. Что у него, глаза не такие, как у нас, что ли?

ОПЯТЬ ДИСПУТ

Володя Селезнев. Главное — приносить пользу людям и улучшать окружающую жизнь.

Боря Фридман. Значит, только общественная работа, и больше ничего? А как же искусство?

Костя Воеводский. Что за икона — «приносить пользу людям»? Чтобы стать людьми, надо духовно обогащаться, сидеть в «Публичке» и ходить по музеям. Это гораздо разумнее и полезнее, чем вкалывать на субботнике.

Володя Селезнев. Когда обедаешь, ты сразу берешься за третье? Так вот, для нас сейчас искусство — это третье. А если тебя не заденет за душу общественная работа, то больше уже ничего не заденет.

«ИЗ ВСЕХ ИСКУССТВ...»

Лозунг был такой: «Из всех искусств для нас важнейшим является диафильм». Автором его был Юра Виноградов.

На сбор он приехал с маленьким рюкзаком и с большим чемоданом. В чемодане были проекционный фонарь и диафильмы. Каждое утро мы получали буханку хлеба на двоих и отправлялись в путь. Новый день — новый маршрут. За 5, 10, 15 километров. Иногда нас подвозили на попутках.

Во многих деревнях уже знали наш передвижной кинотеатр. Стоило нам появиться у околицы, как со всей деревни с криками сбегались ребятишки:

— «Кюфик» пришел, «Кюфик»...

Афишу вывешивали больше для порядка.

Скоро мы обросли вторым, еще более вместительным чемоданом. Утром его еле поднимали, зато обратно несли пустым. После сеансов обычно устраивали лотерею — разыгрывали игрушки и книги.

В условиях Ефимии наш лозунг полностью себя оправ-

дал. За месяц ребята окрестных деревень перевидали столько фильмов, сколько, наверно, не видели раньше за всю свою жизнь.

ПРОЗА ИКИ

Школа, крыльцо, над ним навес из свежеструганных досок, длинная лестница, прислоненная к крыше. Наверху — Коля Павлов и кто-то из наших мальчишек. Они рисуют. Они хотят, чтобы в любую непогоду ребятам светило над школой солнце. «Азиаты» помогают чем могут — держат лестницу, подают воду, краски, упавшие кисти. Коля иногда прекращает работу и начинает сверху провозглашать свои взгляды на искусство. Ребята слушают внимательно, но изредка напоминают, что лестница, может, на такие эмоции и не рассчитывалась и что Коля мог бы пожалеть хотя бы коллегу, разрисовывающего рядом с ним гребень петуха, — парень молодой, ему еще жить и жить... Павлов шипит: «П-прозаики!» — и яростно утыкается в очередной луч.

«ЗАЧЕМ ЧЕЛОВЕКУ ИСКУССТВО?»

Восемнадцать раз брали слово Сашка Прутт и Ленька Добровольский.

— Только интеллектуальное искусство может обогатить духовный мир современного человека!

Из зала кричали:

— А Есенин что же, по-твоему, больше не нужен?

— Есенин мне просто нравится, так же как нравится красивый пейзаж, но обогатить мой духовный мир он не может.

— А кому нужно абстрактное искусство, если люди его не понимают?

— А «Войну и мир», по-твоему, все понимают? Почему

никто не требует закрыть филармонию? Ведь музыку, даже самую классическую, понимает далеко не каждый. А многие ходят на концерты просто ради приличия.

— Если ты не знаешь музыкального произведения, ты ни за что не угадаешь его названия. И это считается в порядке вещей. А абстракционистов упрекают за то, что публика не в состоянии угадать названия их картин!

— Почему же тогда все ругают абстрактных художников?

— Ван Гога когда-то тоже ругали. И Матисса ругали, и Пикассо. Даже русских передвижников и то в свое время здорово ругали...

Диспут получился гораздо серьезней, чем мы предполагали.

Мы боялись, как будут чувствовать себя маленькие — ведь рядом с Ленькой, который учился в 9-м классе, сидели пятиклассники. Но старшие, несмотря на ажиотаж, были очень внимательны и тактичны к маленьким. Их не только не «забывали», а наоборот, все время вызывали на разговор.

Мне кажется, маленьким ребятам такие диспуты дают даже больше, чем нам, «старикам». Мы иногда спорим просто из любви к ораторскому искусству, а у малышей от таких диспутов заметно увеличивается скорость вращения шариков — ускоряется темп мышления.

ПОНРАВИЛОСЬ?

На коммунарском вечере Володька Магун читал стихи Сергея Есенина. Есенинские строки никак не вязались с настроением нашей аудитории. А все-таки не будь тогда этого вечера, кто знает — может быть, многие ребята открыли бы для себя Есенина с опозданием в несколько лет. Может быть, скажете, что Есенина не поздно открыть и в пятнадцать и в

двадцать? Да, не поздно, но, значит, в тринадцать и в четырнадцать вы остались без Есенина, и этого уже не изменить и не поправить.

Совсем недавно наших «стариков» пригласили в Пединститут им. Герцена — рассказать студентам, да и преподавателям, чем живет коммуна. Саша Прутт говорил о традициях, Лось — о творческих делах, о формах работы, а Магун неожиданно для всех начал свое выступление стихами Марины Цветаевой. Прочитал, спросил:

— Ну как, понравилось? Так вот, ребятам тоже нравятся хорошие стихи. И надо, чтобы они сполна получили предназначенное для них поэзией счастье, и готовить, учить их этому надо не только на «Железной дороге», но и на тех стихах, что остаются вне хрестоматий. Поэзию нельзя отвешивать на аптекарских весах.

И рассказал о том, как на обычных Общих сборах, где решаются всякие деловые вопросы, наши ребята читают свои стихи. Одни читают свободно, другие смущаются. А когда у новеньких спрашивают, что им больше всего понравилось на полтора часовом сборе, они отвечают: «Конечно, стихи. И еще что в коммуне так много своих поэтов».

ПИСЬМО ОТ НЕЗНАЙКИ

Что мы должны воспитать в себе?

Главное:

1. Стремление (и умение, конечно) жить, принося пользу людям.

2. Стремление (и умение) жить творчески, все время в поисках истинного знания — сначала лишь субъективно, а потом и объективно — ценного.

Коммуна должна воспитывать людей, ориентируя их на творчество в течение всей жизни. Коммуна должна воспитывать интеллигентных людей. Разве каждый нормальный

человек не рождается к жизни творческой? Важно только реализовать эти задатки.

Конечно, нельзя отказываться и от физического труда. Для ребят это пока наиболее доступный путь помощи людям, то есть лучшее — пока что — средство воплощения в жизнь нашей идеи.

Наступил период думания. Из голов старших коммунаров и ревкомовцев бьют родники мыслей. Бумага исписывается проектами и прожектами, профессиональными и непрофессиональными мыслями, доводами «за» и доводами «против».

В воздухе носится идея пронизать жизнь коммуны искусством. Рядом с ней парит мысль об оптимальном отражении научного прогресса.

А первым серьезным прорывом науки и искусства в коммуну была олимпиада.

...Все началось с того, что на Совете коммуны олимпиаду запероли:

— Для двадцати будет интересно, а сотня умрет от скуки...

— То у тебя, Магун, в физматшколе, а то в коммуне...

Я настоял на голосовании, но четыре «за» были задавлены двадцатью четырьмя «против».

И если бы Сашка Прутт и Ира Леонова, узнав об этом, не нажали на Фаину Яковлевну, а Фаина Яковлевна не нажала на Совет — гореть бы олимпиаде ясным огнем...

Собственно об олимпиаде — очень коротко.

Чем отличалась коммунарская олимпиада знаний от школьных олимпиад?

Во-первых, она включала в себя десять областей науки и искусства. Кроме традиционных в то время состязаний в математике, физике, химии, литературе, у нас были конкурсы по биологии, географии, живописи, музыке, иностранным языкам.

Во-вторых, многообразие разделов олимпиады позволяло

требовать, чтобы участвовал в ней каждый. Тех, кто не хотел участвовать ни в одном из разделов, просили предложить свой, любимый.

В-третьих, организовали олимпиаду не учителя, а Ученый Совет, в котором не было никого старше девятнадцати лет и преобладали семиклассники.

В-четвертых, на олимпиаде был миллион придумок.

Утром в день олимпиады в коммуну пришло письмо от Незнайки. Потом был митинг, на котором Ученый Совет выступил со следующим воззванием:

«Академик Амбарцумян в 14 лет окончил университет. Математик Эварист Галуа в 21 год в ночь перед дуэлью сформулировал важнейшие математические принципы; его записные книжки расшифровываются до сих пор. Сергей Рахманинов в 19 лет написал оперу «Алеко».

Мы уже прожили 13, 14, 15 лет и еще почти ничего не успели. А нам предстоит создать единую теорию поля и запускать космические корабли к звездам, исследовать проблемы наследственности и раскрыть тайну рака.

Надо создать свою симфонию, написать свою картину, доказать свою теорему... Надо успеть. Надо торопиться жить: ведь с тридцати лет человек ежедневно теряет 3000 мозговых клеток (а всего их у нас около 15 миллиардов).

Мы же не умеем получать и собирать знания и не всегда даже знаем, что хотим знать, а к учебе относимся подчас как к печальной необходимости.

Стойте! Одумайтесь!

Тратить впустую годы — самые юные, самые плодотворные — преступление. Во имя ваших будущих профессий и свершений — в бой за знания! Пусть соревнуются ум и эрудиция, смелость и сообразительность, талант и поиск.

Да будет царство Мысли!

Ученый Совет коммунарской олимпиады знаний».

Спутать залы математики, истории, живописи, химии

было невозможно. Младшие бегали из зала в зал, смотрели и выбирали. Часто шли туда, где лучше оформлено.

Особенно тщательно продумывалась заключительная часть олимпиады.

Трое парней вносят в зал предлинную скамью, заваленную книгами. Поверх книг скамью опоясывают ленты.

Сначала награждаем три отряда-победителя: чемпиону — ленту на флаг, двум другим — полиэтиленовые мешки конфет. Потом чествуем трех победителей по каждому разделу олимпиады. Победители получают ленты с надписью: «Чемпион первой коммунарской олимпиады» — и книги.

Награждение длится минут двадцать. По количеству криков «ура», качаний и улыбок это были самые концентрированные минуты сбора.

СТИХИ В ТИШИНЕ

Времени на подготовку у Совета дела было мало, а хотелось сделать что-то очень интересное. Долго шумели, даже немного ругались, но наконец план вечера поэзии был примерно ясен. В восемь часов вечера вся коммуна собралась в самой большой комнате в интернате. Сидели на стульях, на скамейках и просто на полу. Было, как всегда, тесно. Спели несколько веселых песен; потом, чтобы настроиться на более лирический лад, — несколько грустных и тихих. Наконец свет погасили, и остались гореть только две свечи.

Начинал отряд «Днепр». Он читал стихи Есенина. Девочки что-то тихо напевали. Получилось очень хорошо. После выступлений, конечно, никто не хлопат. Это неписаное правило. В коммуне не хлопают. Просто мы считаем, что такие вечера не концерты. Новенькие всегда удивляются этому. Они привыкли выражать свои чувства, хлопая в ладоши.

После «Днепра» стихи читали «алтайцы». Они читали стихи Светлова и немного рассказали о нем. Трое «алтайских» ребят отлично сделали светловскую «Гренаду». Про-

сто здорово. Поднялись три высокие фигуры в гимнастерках, зазвучали светловские строки:

Мы ехали шагом,
Мы мчались в боях
И яблочко-песню
Держали в зубах...

Еще выступило несколько отрядов; я уже не помню, чьи стихи они читали.

Последними были мы — «Балтика». Мы читали стихи испанского поэта Гарсиа Лорки. Большинство ребят о нем не слыхало, поэтому мы должны были очень хорошо рассказать о нем и прочитать его стихи. Хотелось, чтобы стихи Лорки поняли, чтобы осталось большое впечатление. Стихи Лорки как песни. Мы их читали под гитару:

Начинается
плач гитары.
Разбивается
чаша утра.
Начинается
плач гитары.
О, не жди от нее
молчанья,
не проси у нее
молчанья!
Неустанно
гитара плачет,
как вода по каналам — плачет,
как ветра над снегами — плачет, —
не моли ее
о молчанье!

«МИР ОТКРЫЛСЯ ОЧАМ МЯТЕЖНЫМ...»

Несколько лет назад я случайно попала в Театр юного зрителя на обсуждение нового спектакля. Мы долго спорили, устали. Решили чуть-чуть отдохнуть. И вот тут подошли к

роялю несколько человек и просто так, без всяких объявлений, не дожидаясь тишины, запели. Все сразу повернулись в их сторону. В зале стало тепло и ласково. А ребята пели и, казалось, не могли не петь, и пели они для себя, а не для нас. Это были коммунары. Я тогда о них ничего не знала.

И вот я у коммунарского костра...

Сизый дым создает уют,
Искры гаснут в полете сами.
Пять ребят у костра поют
Чуть охрипшими голосами...

Это моя любимая песня, спутница наших коммунарских «Огоньков». Но сегодня мне петь не хочется. Сегодня — последний день нашего сбора, и мне грустно, мне немножко страшно расставаться с моими друзьями. Песня разливается по лесу вместе с неясным лунным светом. Я верю: и через десять лет я буду вот так же сидеть у костра, смотреть в глаза друзей и петь.

Песни, как минуты, сменяют одна другую. Вот новая мелодия. Она напоминает мне строки любимых стихов:

В сумрак — за каплей капля смолы
Падает с легким треском!
Лица, скрытые облаком мглы,
Озаряются тусклым блеском!

...Мир открылся очам мятежным,
Снежный ветер пел надо мной!

Это Блок. Когда-то я... совсем не знала стихов. Страну-поэзию помог мне найти мой друг. Он не учил меня разбираться в стихах, не бросал высоких фраз о поэзии. Но проведешь с ним несколько минут — и хочется тут же листать страницы со знакомыми и незнакомыми строчками. От него веяло поэзией. Он ее не только знал — он чувствовал ее и стремился к ней. И это стремление передавалось мне.

ЗАПИСКА

Мы в Новгороде. Нас с Вовкой Цивиним назначили старшими в команде малышей. Шестого ноября выпал первый снег и ударил морозец. Мы с Вовкой даже шапок с собой не захватили, а тут — снег. К холодам мы привыкнуть не успели и в своих легких пальтишках, да еще без шапок, походили на беглых французов. И тогда ребята сказали:

— Ишь какие большие нашлись — без шапок! Нечего притворяться, что не холодно! Будем носить шапки по очереди.

Нам пришлось подчиниться.

* * *

Вечером горят от заката кресты церквей.

Белокаменный Новгород в снегу.

Темно. Только изредка в щели ударяет белое солнце. Наша команда, забравшись по обледенелой стене в заброшенную башню, знакомится с достопримечательностями Новгородского кремля.

К часовне ведет какой-нибудь из этих ходов.

Первым ползет Игореха, я замыкаю.

Впереди перестает ползти Элка Портнова.

— Что случилось?

— Осто-ожно, здесь гвоздь, — картавит она.

Гвоздь ржавый и старинный. Он покрыт инеем.

Влезть по ледяной корке на кремлевскую стену довольно сложно, но стена была взята штурмом. Ребят не пугали ни высота стен, ни множество темных башенных провалов. Они отказывались от помощи и напропалую лезли в такие дыры, куда мы с Вовкой полезли бы не очень-то охотно.

В одной из башен было особенно просторно и холодно. Косые лезвия зимнего солнца пробивались в бойницы. Ребята прильнули к бойницам и смотрели на город. Я уверен, что, когда Валька стоял между зубцами кремлевской стены, он

представлял себе, что в тяжелых латах и с огромным мечом в руках он защищает древнюю крепость. Валька был маленький и казался еще меньше, когда стоял между гигантскими зубцами. Но он-то знал, какой он богатырь и какие широкие у него плечи!

Дальше мы пробирались какими-то очень узкими проходами. Было темно, и говорить хотелось шепотом. Мы зажгли бенгальский огонь, тесно сбились вокруг него и запели: «Дымилась роща под горою...» Бенгальский огонь отсырел и поэтому то ярко вспыхивал, рассыпая множество искр, то мерцал красным светлячком.

* * *

«Огонек» кончился рано, завтра подъем в пять утра. Завтра в Ленинград.

Расходиться не хочется. И мы решаем собрать команду ночью, когда все будет спать.

Команда улеглась в постели, не раздеваясь, — боевая готовность номер один. Не хочется верить, что завтра уезжаем. Да какое там завтра, когда завтра — это уже сегодня, а значит, пора.

Мы заходим за Ольгой. Бесшумно, в полной темноте вскакивают с постелей мальчишки. Прибежали заспанные девочки. Утренний холодок пробирает до костей. Садимся прямо на пол, зажигаем фонарик. Лица у всех серьезные. Сейчас должно произойти что-то важное — ведь нельзя же просто так взять и разъехаться.

Шепотом поем. Каждому хочется сказать что-нибудь очень хорошее. И Вовка начинает говорить:

— Никогда, нигде не забывать друг о друге, не бросать друг друга в беде...

Ребята повторяют за ним. Шепотом. Слова этой клятвы пришли Вовке в голову только что, и поэтому голос у него дрожит. Он протягивает руку, я кладу в нее свою, потом Ольга, Валька, Жук, Сувор, Элка, Матюха, Ирка и опять

Вовка. Теперь мы братья... Никогда, нигде не забывать друг о друге, всегда помнить эту клятву...

Мы молчим.

Мы составляем записку... Вернемся сюда, обязательно вернемся... И когда-нибудь в узком темном ходе сообщения Жук опять запоем: «Дымилась роща под горою...»

Подъем. Быстро собираемся. Выходим на улицу. Лицо сечет колючий мелкий снег, невозможно сдержать озноб.

Записка уже запечатана в бутылку.

Проходим мимо кремля, до него метров триста. Надо добежать и опустить бутылку в бойницу. Бегу я и Валька. Перебегаем через мост. Налево вдоль стены, первая бойница от ворот. Опускаем бутылку, слышим, как она скатилась.

Обратно бежать труднее — ветер в лицо. Валька начинает отставать, а ребята уже почти у вокзала. Я беру Вальку за руку. Ну-ка, рванем еще самую малость!

Догнали. Встали в строй. Поезд уже стоит у перрона. Через пять часов мы в Ленинграде...

БОРИС МИХАЙЛОВИЧ

Я еще не в коммуне. Занимаюсь в трех искусствоведческих кружках (два — в Русском музее, один — в Эрмитаже). И в школе — активист. Знаком с некоторыми коммунарами, им завидую, хочу в коммуну, но мама не пускает на коммунарские сборы.

Идем с коммунарами по Русскому музею. Здесь мое царство, и я, подражая интонациям руководителя первого кружка (советского искусства), заявляю:

— «Весна»... Картина молодого, начинающего, талантливого московского художника Неменского. Обратите внимание на лицо молодого солдата...

Перебивает Ирка Киселева:

— И совсем он не молодой и не начинающий, это Борис Михайлович — коммунар.

Замолкаю. Опять подступает жгучая зависть к коммуне.

* * *

— Когда же он спит? — показывает Игорь Евдокимов на рисующего Бориса Михайловича.

— Легли спать — рисует, проснулись — опять рисует.

— Со мной рядом этюдник стоял, проснулась на рассвете — нет.

По «Алтаю» пошел конкурсный вопрос: «Когда спит Б. М.?»

Перебрали весь сбор, но победителя не оказалось.

* * *

Концертов за свою жизнь давали столько, что казалось — разбуди «Алтай» ночью, и через две минуты концерт начнет.

Дали мы один такой концерт.

А вечером на «Огоньке» выступил Борис Михайлович. Такого разноса «Алтай» давно не получал. И за то Б. М. ругал, что концерт не подготовлен, и за то, что номера плохие, «на низком культурном уровне». В общем, сказал он, это неуважение к людям. Упреков набралось столько, что алтайцы лишь переглядывались — сказать было нечего.

Следующий концерт коммуна готовила несколько дней и сделала хорошую и умную композицию о Ленинграде. Мы показали ее в пединституте. Этот день «Огонек» оценил на «отлично».

* * *

«Суд над фашизмом» готовили давно, и вроде бы все было ясно.

Борис Михайлович только что приехал из Москвы и от ревкома подключился к Совету дела.

И стало ничего не ясно. Разве фашизм — только зверства и концлагеря? Самое страшное — фашизм в сознании людей. Что является его почвой?

Последние выступления были перекроены, срочно поехали в «Публичку» за дополнительным материалом. Почти что весь план переделали.

Говорят, что «Суд» был затянута из-за обилия материалов, «завышен» по уровню.

Совет дела не согласен.

* * *

На сборе шестьдесят процентов новеньких. Только что приехал Б. М.

— Ребята, приехал наш большой друг, член Союза художников, лауреат Государственной...

— Я коммунар, — перебивает Борис Михайлович.

Сбор кончается. Б. М. уезжает. Я пошел провожать.

Вышли на улицу.

— Володя, а почему у дежурного командира не спросился?

Молчу.

Я председатель Совета коммуны. Все три ночи сбора не спал. Дежурный командир коммуны — впервые на сборе. Все это Борис Михайлович знает.

* * *

За последние годы мы стали добрее и человечнее. И этим коммуна, наверно, очень обязана Б. М. Неменскому. Он сделал свое, хотя и не в урочные часы, не «от четырех до шести».

Оказывается, можно совмещать коммунарскую дисциплину, требовательность и строгость с добрыми, мягкими, дружелюбными отношениями...

Глава шестая,

САМАЯ ТРУДНАЯ

ДАЕШЬ «СПУТНИКИ»!

Все чаще и чаще нам говорят:

— Пора ваши находки передавать в школы, распространять тот опыт, который вы приобрели...

Но как это сделать?

Опыт рассказами не передашь. Мы в этом убеждены. Опыт складывается из тысячи мелочей, их все не предусмотреть, а каждая мелочь, если ею пренебречь, может свети все хорошее на нет.

Опыт надо передавать в работе, в деле...

Возникла мысль: а что, если при каждой школе района создать «Спутник» коммуны? Собрать весь школьный актив, человек пятьдесят, и провести с ребятами сбор, да такой, чтобы там было не хуже, чем в коммуне. Для этого послать на сбор несколько старых коммунаров. И день за днем учить

ребят всему, чему мы сами научились в коммуне... Нет, даже не «учить», а просто жить вместе и вместе работать. Это и будет учение.

Но легко сказать — «Спутник» при каждой школе. Чтобы провести сбор, нужно найти для него место, нужны палатки, снаряжение, продукты, нужны, наконец, взрослые, которые могли бы подготовить и провести всю эту сложную операцию. А главное, нужно, чтобы в каждой школе захотели создать «Спутник» коммуны, поняли, как это интересно и важно.

И тогда в райкоме партии нам сказали: «Хорошо, мы поможем».

Не один раз собирались в райкоме директора школ, пионерские вожатые. Обсуждали, спорили, искали возможности создать лагеря-спутники. Поначалу решили создавать «Спутники» не при каждой школе отдельно, а по кустам: несколько школ объединяются и устраивают один, общий «Спутник».

И вот летом в Ефимовский район едут не сто ребят, как бывало, а шестьсот. У коммуны теперь восемь «Спутников»! А на следующий год «Спутников» стало восемнадцать, и в них — тысяча двести ребят.

Операция «Человек — человеку» продолжается. Но в каких масштабах!

На первый взгляд в каждом «Спутнике» все то же самое, что и в коммуне: «трудовые десанты» и «творческие дела», «Огонек», дежурный командир «Спутника» во главе дежурного отряда, Советы дел. Разведка — планирование — дело — его обсуждение. Коммунарские законы... Только вместо отрядов (чтобы не путать с отрядами коммуны) — команды. В команде 15—20 человек из разных классов, от пятого до седьмого.

Всё так же — и всё не так. Лишь теперь мы увидели, что главное в коммуне не методика, а ребята, выросшие в ней...

Но сколько коммунаров может дать коммуна в команду

«Спутника»? Одного-двух, и это еще хорошо... Сумеют ли эти двое сделать команду коммунарской?

Коммунарам предстояла суровая проверка.

Впервые мы действовали не всей коммуной, а порознь.

НА ВЫРУЧКУ В «УРАЛ»

Идти по шпалам узкоколейки трудно. Расстояние между шпалами больше шага, но меньше двух. Удобно только Прутту.

Час назад Ф. Я. говорила на экстренном сборе «Алтая»: «В «Урале» плохо. Всего один коммунары — Наташка Липнер. Нужна помощь. Хотя бы на три дня».

Нас идет шесть «алтайцев» и Ф. Я.

Решили разойтись по командам.

— Прежде всего нужно в четвертую, — говорит Наташка. — Этот Володька Тонкий черт знает что делает. Кто пойдет?

Тяну руку. Тянет и Прутт.

— Давай вместе.

* * *

— Генка! Где ты пропадаешь?

В команде идет обсуждение дня. Володька Тонкий — высокий, красивый парень в голубом пуловере (среди лыжных костюмов, тренировочных, ватников это смотрится).

— Иди сюда! Вот тут нам прислали, — кидает взгляд на нас, фальшиво жалуется: — Вот, работай с ними!

Генка, наконец, появляется и как свежий человек (на обсуждении) возмущается тем, что приходится работать в поле. Его поддерживают.

Ладно. Пусть будет так. Мы настояли, чтобы мнение команды о том, что работать не надо, было доложено на «Огоньке».

«Спутник» решил освободить всю команду Володьки Тонкого от работы.

Мы идем с Сашкой по лагерю.

Догоняет Тонкий:

— Мне кажется, «Спутник» решил неправильно. Далеко не вся команда думает, что работать не надо.

Переглядываемся.

* * *

Когда влезли в палатку четвертой команды, все спали. Места не оставили.

Вот спит Юрка (под тремя одеялами), а рядом Семен (под одним).

Позже, в десанте, я буду наблюдать ночью за Семеном и Юркой. Они отдадут свои одеяла девочкам (будем спать под открытым небом) и укроются одной курткой. При чем оба не заснут, пытаюсь тайком укрыть курткой друга.

Но это будет еще очень не скоро, через две недели. А пока мы с Пруттом регулярно просыпаемся за пологом палатки.

МЕНЯ ПОЗДРАВЛЯЮТ

На зимний сбор коммуны я не поехал — отказался от рекомендации Совета дружины. То ли стало обидно, что вот я, старый коммунары, должен, как какой-нибудь новичок, добиваться, чтобы меня послали на коммунарский сбор, то ли просто побоялся, что Совет дружины не станет рекомендовать меня. Не поехал и на весенний сбор.

А в мае Магун подошел ко мне и, стараясь как-то смягчить свои слова, очень тихо сказал:

— Решено, что коммунары, не подтвердившие работой своего звания, будут лишаться его автоматически, без решения Общего сбора. Тебе больше нельзя носить значок.

В Ефимию я приехал без коммунарского значка. Ребята знали, что я «старик», и переглядывались, когда после отбоя я вместе с ними шел в палатку, а не оставался у костра с другими старшими коммунарами. Я чувствовал себя прекверно, но обиды не было. Можно обидеться на Магуна, на Прутта, в конце концов, даже на Фаину Яковлевну. На коммуноу обидеться нельзя.

В конце сбора у нас были «откровенные разговоры». Там решали, кому из «Спутника» можно присвоить звание «коммунар».

Тогда на поляне среди дня стояла необычная тишина. Каждый отряд закрывался у себя в палатке. И вдруг откуда-то громко, во весь отрядный голос:

— Поздравляем!

А из других палаток кричат:

— Кого?

Поздравляют меня.

И тут же откликается весь «Спутник»:

— Поздравляем!

МАМАНЯ РАСТЕТ

С Ольгой мы пришли в коммуноу почти одновременно, а вот ее сестра Танька Потягаило — гораздо позже. С уважением относясь к ее возрасту (она была во втором классе), прозвали ее Маманей.

На второй день десанта «Алтай» послал троих ребят на основную базу лагеря: сообщить, как устроились, проведать «алтайских» больных и т. д.

К ночи, когда уже кончался «Вечер логики и эмоций», они вернулись, причем не втроем, а впятером: с ними двое бывших больных — Игорь Переходник и Маманя. Лучшего сюрприза «Алтаю» и нельзя было придумать.

Сюрприз качали.

...Вчера, в воскресенье, ровно в шесть Танька звонит мне.

Договорились, что она подробно вспомнит о тех днях. Вспоминает:

— Нас не взяли в десант, и мы остались в лагере.

Купались по четыре раза.

Ходили за цветами.

Ничего, кроме чая, не варили.

Ну, скучно было, конечно.

Вечером, смотрим, идут наши — Игорь, Нинка и Валерка. Они взяли что надо и стали просить Фаину Яковлевну, чтобы нас отпустили.

Сказали, что «Алтай» всего за четыре километра. Попросили Сашку, чтобы он сказал Фаине Яковлевне правду, когда скроемся за поворотом, — до «Алтая» около десяти.

Когда Ф. Я. закричала, чтобы вернулись, побежали, конечно.

Сначала Игореха посадил меня на плечи, Валерка и Нинка шли рядом, потом я пошла сама.

Вот и все.

— Ну, а страшно было? Никто не ныл?

— Ныл. Переходник.

— А ты?

— А меня Игорь за руку крепко держал.

Маманя, отметив причину своего бесстрашия, уверена, что этим все сказала.

А я вспомнил, что Игореха рассказывал, как чертовски страшно было этой ночью и как нельзя было бояться, потому что рядом было четверо малышей.

Этим летом Танька ездила с «Алтаем» уже одна, без сестры. Осторожно разбрасывая по борозде селитру, объявила:

— А мы с Игорем договорились, что будем работать врачами в соседних деревнях. Ну, ради компании, может быть,

Элку еще прихватим с собой.— В голосе Мамани слышалось явное превосходство.

Вот уже второй год ей здорово достается на «откровенных разговорах». Это первый признак того, что человек растет.

СЪЕЗД КОМИССАРОВ

Утром 14 июня с разных концов Ефимовского района съезжались на машинах и шли пешком коммунары. В этот день в «Спутниках» не осталось ни одного «старичка» — все отправились на съезд комиссаров, в деревню Поток. Мы встречали друзей, обнимались, целовались, мы не видели друг друга целую вечность — почти полмесяца. И как хорошо вновь увидеть всех вместе, почувствовать коммуну! По деревне то и дело разносится «Ура!», «Мо-лод-цы!» — это встречают ребят из самых далеких «Спутников». «Кавказцы», добираясь до Потока, с утра отшагали 23 километра...

И вот съезд открылся. Здесь не говорили о том, что сделано, — сколько гектаров пропололи, сколько детских садиков открыли. Нет, разговор шел о том, удастся ли привить коммунарский стиль жизни, коммунарские отношения.

ИЗ ДЕЛЕГАТСКОГО БЛОКНОТА

Вчера пришли в Поток. Встретились с нашими — «Байкал», «Алтай», «Урал», «Днепр». Не знали, с кем раньше говорить и что раньше выложить. Хорошо им тут — живут, черти, все вместе, а мы далеко. Спали у «алтайцев» (тьма новостей). Как-то там наша «Волга»? Все-таки это большой риск — бросить «Спутники» без коммунаров, без спутниковского костяка... Как же пока «Спутники» без нас? Андреева тоже волнуется, да и другие...

Все, наш съезд начался. На дверях клуба плакат: «Привет участникам первого съезда комиссаров!» Дежурный

командир съезда раздал делегатам мандаты — красные, с вырезанной звездой. Надо будет показать всем нашим. Голосовать на съезде можно только мандатами.

Делегаты прибыли в Поток чуть ли не со всех концов Ефимии. Добирались на попутках, на телегах, пешком... Сейчас идут отчеты «Спутников». Реакция зала! Наконец-то всё и обо всех начистоту, на полный мах! Крепко досталось Шуре Вознесенской...

Выступает учительница. Оказывается, она только что езжала к нам в «Волгу»: «Коммунары уехали, а что изменилось?»

Вот чудесно! Значит, могут уже и одни (неужто Наташка заворачивает?).

А в перерыве ревком ходил с песнями по деревне. Впереди, конечно, Малов с гитарой. «Дан приказ: ему — на запад, ей — в другую сторону...» Сколько пели! Как пели!

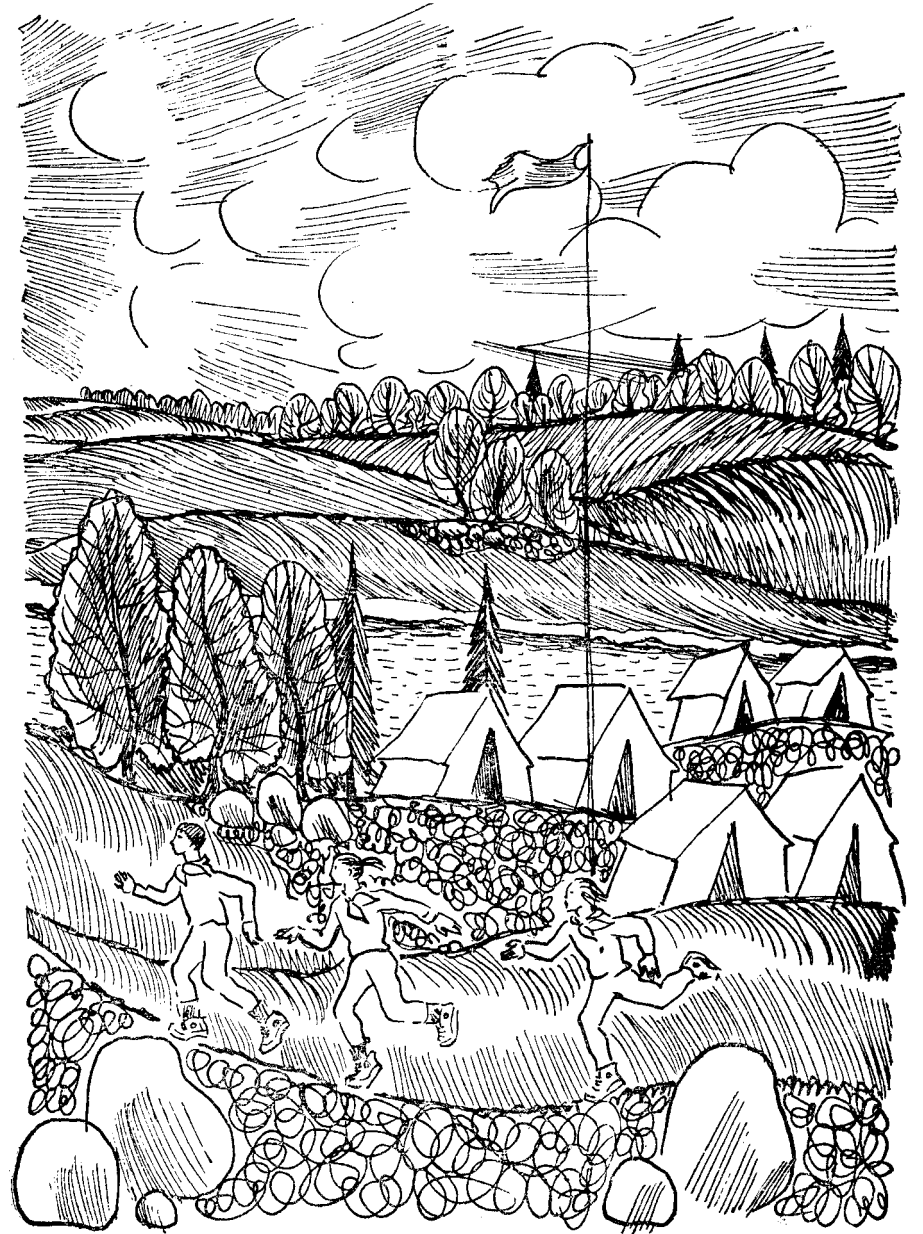
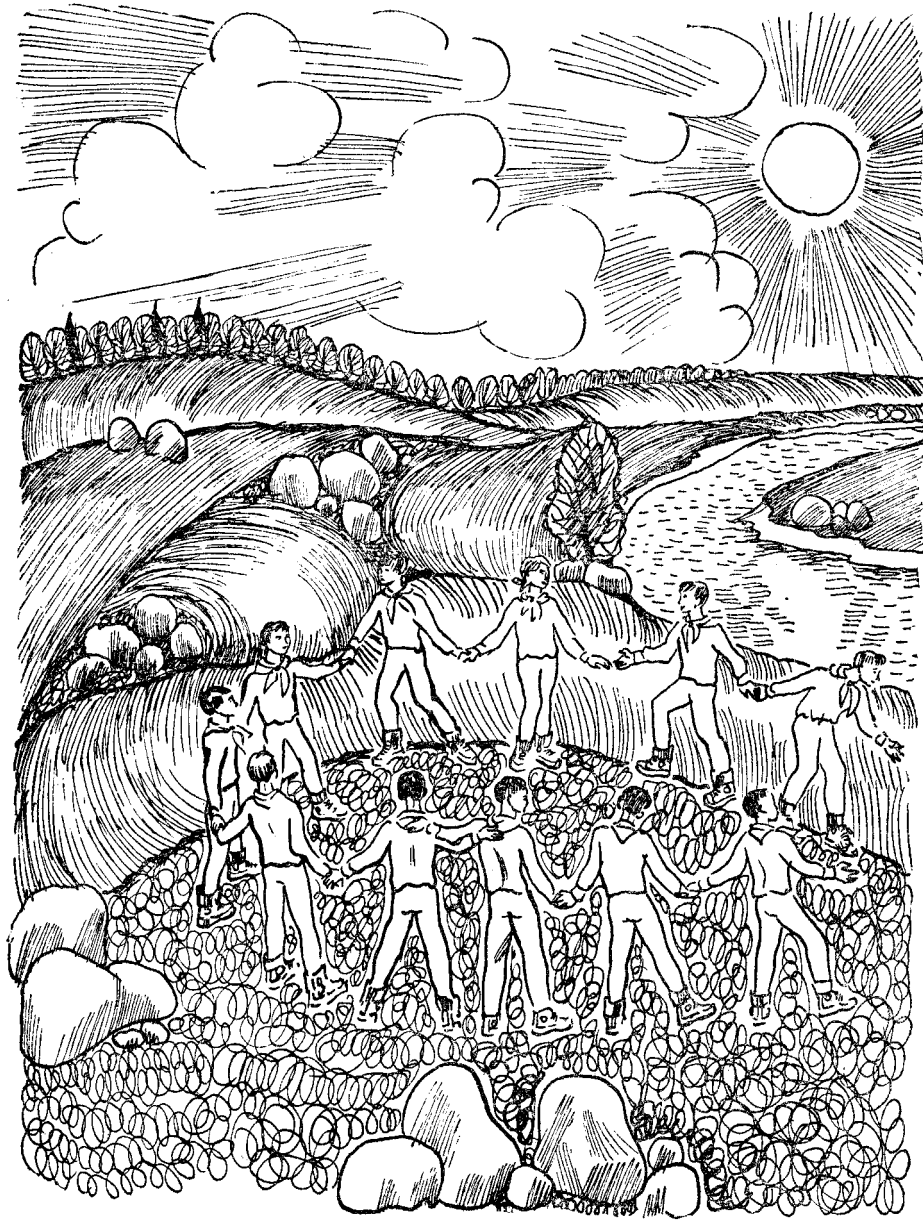
Вернулись со съезда. А наши! Выложили на линейке эмблему. Ночью устроили тревогу. Прошло отлично. Мы с Андреевой походили, посмотрели — а не смуться ли еще на денек? Без нас как будто пружина разжалась. А мы-то боялись!

СДАЮ ДОСРОЧНО

Мне кажется, что «Спутники» — это основное в коммуне, то, благодаря чему мы продолжаем жить, и то самое, для чего существует коммуна.

Первый летний лагерь-«Спутник» оглушил, ошеломил. Меня увлек ритм сбора. Все делалось на подъеме, с удовольствием, с интересом, без какого бы то ни было нажима со стороны коммунаров и старших. Походы, встречи, новые люди, поиски семей героев, дружба с местными, работа в поле — все это мне очень нравилось. Я старался делать все, и после этого сбора меня приняли в коммунары.

Что-то во мне изменилось, появилась жажда работать,

хотелось, чтобы ребята и в будущем находили в «Спутнике» то, что мне удалось ощутить после первого сбора. Я так увлекся, что на следующий год даже досрочно сдал экзамены за 8-й класс, чтобы уехать на сбор вместе со всеми.

Путь коммунара ясен: из «Спутника» — в коммуну, затем из коммуны — в «Спутник».

НОЧЬ НА ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

Вот уже несколько дней подряд мы ходим по деревням и селам Ефимовского района. Из дома в дом. Невелики деревни, но ни в одной нам еще не попадалось дома, из которого война не вырвала хотя бы одного человека. И до сих пор не было в этих местах памятника тем, кого нельзя забывать. Ни памятника, ни простого обелиска, ни придорожного камня с выбитой звездой. Мы решили поставить обелиск павшим солдатам.

Мы идем от деревни к деревне. Стучимся в дома. Люди впускают нас. Мы напоминаем им о самом страшном и горьком, что было в их жизни, и они впускают нас в свои сердца. Они рассказывают и плачут, вынимают поблекшие фотографии и письма; они спрашивают: «Вы не торопитесь?», и тогда начинают все сначала, с самого начала: с детства — если о сыне; с юности — если о муже. Двадцать лет лежат в земле и сын, и муж, а боль жива. И люди смотрят на нас с надеждой, хотя мы растревожили их давнюю боль. Мы уходим, и они говорят нам вслед одно и то же: «Спасибо, что не забыли. Спасибо, что вспомнили...»

Настала и двадцать вторая июньская ночь. В деревнях многие не расстилают постелей, не гасят света. Люди собираются в путь, иные за двадцать, за тридцать километров. А у нас горнист играет отбой. Это значит — все по палаткам. Сегодня приказ дежурного командира звучит по-особому, и никто не посмеет его нарушить.

При свете костра несколько человек довязывают огромные тяжелые венки, надписывают траурные ленты: «Памяти павших будьте достойны».

Многие не спят в палатках, но в лагере тишина. Мы, девчонки, бредем по мокрой от росы траве и собираем гвоздику — алые огоньки в бледном сумраке ночи. Легкий туман едва холодит. Ветра нет. На небе слабо переливаются, зябко вздрагивают первые звезды. А над горизонтом нависла, бросающая угрожающие отсветы, кроваво-оранжевая луна. Вчера вечером одна старушка в деревне рассказывала, что вот такая точно луна нашла на землю в ночь на двадцать второе июня, а утром война началась.

Не переставая, тревожно кричат чибисы. Действительно, похоже: «Чьи вы, чьи вы?» Лес, тающая в тумане дорога, аромат цветов... Сейчас тишину разорвут сигналы горна: «Тревога, люди, тревога!» Сегодня нам не нужны часы. Мы сверяем время по тревоге. Четыре часа утра. «От Советского Информбюро. Сегодня, 22 июня 1941 года...»

Горит огонь в память погибших. Приспущен флаг на мачте. Застыли на линейке ребята. Их поднял горн, и те, кто не успел обуться, стоят босые на мокрой утренней траве.

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой...

Мерным шагом в траурном марше идут четыре «Спутника» коммуны. Мы входим в деревню, и к нашей колонне молча пристраиваются люди. Идут на костылях инвалиды. Ведут под руки дряхлых старух. На площадь, к обелиску. Его соорудили наши мальчишки.

Замер почетный караул, склонились знамена. Четыре грани у обелиска, четыре простых доски с именами погибших.

Обелиск установлен перед школой — это единственная деревенская площадь, единственно подходящее место.

...Разве камни
 виноваты
 в том,
 что где-то
 под землею
 слишком долго
 спят солдаты?
 Безымянные
 солдаты.
 Известные
 солдаты...
 А над ними
 травы сохнут.
 А над ними
 звезды меркнут.
 А над ними
 кружит
 беркут
 и качается
 подсолнух.

Да, мы родились после войны. Мы видели войну в кино,
 мы знаем ее только по книгам. Мы не видели, как люди па-
 дают на колючую проволоку, как гниют раны, как растут
 груды костей, как пылают печи крематориев...

Разве погибнуть
 ты нам завещала,
 Родина?
 Жизнь
 обещала,
 Любовь
 обещала,
 Родина.
 Разве для смерти
 рождаются дети,
 Родина?
 Разве хотела ты
 нашей
 смерти,
 Родина?

Море цветов у подножия обелиска, море слез. Люди пла-
 чут, потому что потеряли близких. Они вспомнили войну,
 потому что сегодня в четыре утра горнист подал тревогу.

Не плачьте!
 В горле
 сдержите стоны,
 горькие стоны.

Но они не в силах сдержать. Плачут женщины, плачут
 фронтовики. Молча глотают слезы ребята. Это война. Мы ни-
 когда не забудем, никогда не простим...

— Слушайте мирное утро...

Минута молчания. Рыдания затихают. Женщины стис-
 нули зубы.

Мечту пронесите
 через года
 и жизнью
 наполните!..

Возлагаем венки и слышим голос дежурного командира:
 — Добровольцы пойдут работать в поле. Шаг вперед,
 добровольцы!

Маршем молчания мы идем на поля. Добровольцы — все.
 Над рекой стелется туман. Встает солнце. Мы пропалы-
 ваем борозды. Час, второй, третий. Над полем тишина. Меж-
 ду бороздами застыли в карауле склоненные знамена...

АНКЕТЫ В «СПУТНИКАХ»

Отвечали 1000 новичков.
 ЧТО ПОНРАВИЛОСЬ НА СБОРЕ „СПУТНИКА“?
 950 человек ответили: «Траурная линейка в память по-
 гибших», «операция «Человек — человеку», «Интересные де-
 ла», «Всё решали сами», «Песни у костра», «Дружба ребят».
 СОБИРАЕШЬСЯ ЛИ ТЫ ДЕЛАТЬ ЧТО-ТО ПОХОЖЕЕ У СЕБЯ
 В ШКОЛЕ?
 880 спутниковцев ответили «да!» и развернули целую
 программу будущих действий.

Глава седьмая,

САМАЯ МНОГОЛЮДНАЯ

СЛЕДУЮЩИЙ ШАГ

Ну что ж, со «Спутниками», пожалуй, управились. Теперь они работают каждый год, и в школах почти весь актив из тех, кто вырос в «Спутниках», и в коммуну новый приток — из «Спутников».

Стало понятно главное: если взять пятьдесят любых ребят, дать им коммунарских вожатых и включить в их число хотя бы пять-шесть коммунаров, через несколько дней в отряде (или в команде) начинается коммунарская жизнь. Кто-то назвал это принципом «бутерброда». Смешно, но, пожалуй, верно: влияние сверху и снизу...

Про нас стали писать в газетах и журналах. Писала «Комсомолка», писал «Пионер», писали ленинградская «Смена» и «Ленинские искры». Начали приходить письма: «Расскажите о коммуне всё до мельчайших подробностей... Мы хотим жить так же».

Но разве в письме обо всем расскажешь?

Во всероссийском пионерлагере «Орленок», около Туапсе, собрались 54 комсомольца из разных секций Клуба юных коммунаров при «Комсомольской правде». В пионерском лагере появился 12-й, комсомольский отряд. Это был наш самый главный и самый трудный «Спутник». До сих пор мы работали только с пионерами. А тут комсомольцы-старшеклассники. Годятся ли наши формы работы для старших ребят?

В коммуне десять или больше взрослых людей скрупулезно продумывают и анализируют («обсасывают») каждый день, каждый час жизни коллектива. А смогут ли ребята из клуба ЮК организовать свою жизнь сами? Смогут ли найти взрослых друзей, если поймут их необходимость?

А если на все вопросы — «нет»? Тогда понятие «коммунар» присоединится к списку понятий, смысл которых убит профанацией.

Вожатыми отряда стали ревкомовцы Виктор Малов, Ира Леонова, Люба Балашкова. В отряд направили семерых наших: Сашу Прутта, Витю Рабкина, Нину Григорьеву, Милу Сазонову, Яню Кучинскую, Женю Хрычкина и Володю Магуна. Перед группой была поставлена задача: за сорок дней орлятской смены сделать отряд коммунарским. Вожатые работают «сверху», мы — «снизу». Принцип «бутерброда».

Встретили нас довольно сдержанно. Не многие знали, что такое коммуна юных фрунзенцев.

Условия в «Орленке» располагали к отдыху, и только. Море — в пятнадцати метрах от палаток. Но на первом же сборе был поставлен элементарный вопрос: какой прок Клубу юных коммунаров от твоего сорокадневного отдыха? В конце концов (не без аккуратного направляющего участия вожатых, конечно) договорились жить в «Орленке» по-коммунарски. Абстрактность этих слов конкретизировалась в тут же придуманном девизе отряда: «Наша цель — счастье людей! Мы победим. Иначе быть не может».

ГОР НЕ ВОРОТИЛИ

Я живу в Киеве. Однажды к нам в школу пришло письмо: нам дают две путевки в комсомольский отряд «Орленка». Одна из них досталась мне. Поехали в «Орленок». Там была и делегация ребят из Ленинграда. Они чем-то отличались от остальных. Меня тогда удивило, почему на «Огоньке знакомства» нет вожатых и почему его ведет длинный парень из ленинградских ребят?

Непонятно и интересно было уже с самого начала, уже на эвакуае, когда все они, взрослые ребята и девчонки, выпрыгнули из автобуса — в пионерской форме, в галстуках — и построились на линейку.

Коммуна, организация жизни в ней — вот что их связывало.

В нашем большом комсомольском отряде жизнь была организована таким образом, что от каждого из нас требовались все способности и возможности.

Правда, в «Орленке» мы гор не воротили, а просто думали, как бы поинтереснее сделать жизнь в школе, начиная с политпросвещения, кончая вечерами отдыха. В этом отношении очень пригодился опыт коммуны. И «ленинградское ядро» принесло в отряд всё самое лучшее.

«ОГОНЕК» У МОРЯ

Отряд юных коммунаров вставал раньше всех в лагере и позже всех ложился. Утром, пока не жарко, коммунары работали на строительстве лагеря или в совхозе. Работали дружно, возвращались в лагерь в хорошем настроении.

А по вечерам, когда становилось совсем темно — в Ленинграде не бывает таких черных ночей, — неторопливой цепочкой поднимались в гору по узенькой тропинке в зарослях орешника. Там, на маленькой полянке, дежурный разжигал костер. Не костер, а действительно огонек — несколько

сухих веток, чтобы было светло и уютно. Усаживались вокруг костра на старых корягах. У некоторых были персональные «ложи» — удобные толстые ветви старых орешин, нависшие над поляной. Ревкомовец Виктор Малов снимал с гитары чехол и негромко запевал. Потом песня кончалась. Потрескивали сучья в костре, глухо шумело море, надсадно цвиркали цикады. Ребята молчали. Из тишины выростал разговор. Он был всегда неторопливым.

Прожит день... Что хорошего сделано? Что было неудачно? Что надо сделать завтра?

Это был отчет отряда и внутренний отчет каждого перед самим собой.

Когда «Огонек» кончался, дежурный командовал:

— Отряд, встать! Смирно! Наша цель — счастье людей!

Пятьдесят ребят отвечали:

— Мы победим! Иначе быть не может!

Скоро все было, как в коммуне, и, может быть, даже лучше, потому что все ребята — старшеклассники, значит, интереснее творческие дела и легче прививается самоуправление. Одно дело, когда дежурный — шестиклассник, другое — если он уже выпускник.

И вообще оказалось, что наша методика как будто нарочно придумана для старших ребят, для шестнадцати- и семнадцатилетних. В этом стоит разобраться.

Обычно считают, что форма, салют, строй, игры, девизы интересны лишь для маленьких, для пионеров. А старшеклассники, мол, люди «серьезные»... Так ли? Вспомним: когда создавалась пионерская организация, в ней были и шестнадцатилетние ребята. Именно они, старшие, поддерживали красивые традиции, ходили в коротких штанах (теперь их называли бы «шортами»), барабанили и горнили, командовали отрядами... Играть — это очень интересно и в 16 лет, если только игра серьезная, честная, если взрослые участвуют в игре «на равных».

А за игрой, за красивыми традициями встает нечто более важное.

Вот строчки из анкет.

Женя Бессонов (Барнаул). В «Орленке» я узнал, какие есть люди и какой я. Очень понравилось, что работали. Не то что в обычных лагерях.

Валерий Мальцев (Журск). Не думал, что есть такие ребята, не представлял себе, куда еду. Самое сильное впечатление — ленинградские коммунары.

Люда Бондарь (Семилуки). Попала в круг людей отличнейших, поверила в моральное самовоспитание.

Сергей Фролов (Белебей). На всю жизнь останутся в памяти «Огоньки», наши творческие дела, откровенные разговоры. Такого в жизни больше не будет.

Но Сережка ошибся: было еще такое, и не раз...

ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ

Под Новый год в Москву на сбор юных коммунаров съехались 90 человек. Только пятнадцать из них были в «Орленке», в том первом отряде, но каждый из пятнадцати привез с собой друзей.

Денег ни у кого нет, приехали на свои, заработанные субботниками. Всего пять дней... Многие впервые в Москве. Главное — зарядиться, узнать, что делается у друзей, научиться.

Кстати, идет Новый год. Как его встречать?

Горком комсомола пригласил гостей на бал в Колонный зал. Заманчиво!

Кто-то из московских ребят зовет к себе — поместимся!

А встречали Новый год в просторном зале почтового отделения № 261 на Ленинском проспекте. На почте гора поздравительных телеграмм. Ровно в двенадцать разошлись по участку — приносили телеграммы в самые первые минуты Нового года, к праздничному столу.

Эта операция называлась «Радость людям». Она определила стиль коммунарского сбора.

Каждый день был насыщен до предела. Каждый день — работа для людей. Участвовали в комсомольском субботнике. Давали концерты в больнице. Ночью построили снежный городок во дворе детского садика — сюрприз для малышей (не обошлось без неприятностей: сторож, увидев столько народу возле детского сада, вызвал наряд милиции... Но мы быстро объяснились с милиционерами).

Эти дела — фон сбора, они — для настроения, для того чтобы чувствовать, что день прожит не даром, что кому-то на свете стало лучше оттого, что мы есть. И — для дружбы. Только поработав вместе, можно быстро сдружиться. Это все ребята хорошо поняли на сборе и потом, разъехавшись по школам, старались поступать так же: не пропускать ни одной возможности поработать руками, сделать людям что-то хорошее.

Кроме того, каждый день — творческие дела. Диспут, веселый концерт, «разнобой»... Все это можно провести у себя в комсомольской организации, в классе — только не полениться все подробно записать! Блокнотики и записные книжки не выпускали из рук. Если диспут — записывали вопросы; если хорошая песня — записывали ее слова; если толковый парень — записывали его адрес...

Всех участников сбора пригласили в Центральный комитет ВЛКСМ. Там нас спрашивали о работе, советовали, как лучше организовать работу секции, чтобы каждая секция помогала сделать школьную комсомольскую организацию боевой.

Весной юные коммунары опять собрались, на этот раз в Киеве. А летом «Орленок» принимал уже не шестьдесят, а пятьсот комсомольцев-старшеклассников. Теперь на зимних и весенних каникулах сборы стали проходить сразу во многих городах — в Горловке, Архангельске, Свердловске, Киеве, Новосибирске, Одессе, Челябинске, в Москве и Ленингра-

де, в Бресте и в Перми... На каждом сборе — гости из других городов и, конечно, обязательные «пресс-конференции»: обмен опытом, рассказ о своих делах. И у каждой новой секции клуба — свои старшие друзья, такие же энтузиасты, как наши ревкомовцы.

ВСТРЕЧИ, ВСТРЕЧИ...

Наш пятый зимний сбор — всесоюзный.

30 декабря встречаю одесситов. Один. Конечно, в глаза их ни разу не видывал. Стащил с себя шарф, чтобы галстук был заметен, и стою жду. Идут трое, тоже в красных галстуках (пальто нараспашку, чтобы видны были). Замечаем друг друга одновременно. У всех четверых — рот до ушей. Здравуемся и знакомимся.

Привел их домой. Короткая пресс-конференция: я спрашиваю, они отвечают. Потом засадил готовить (отбирать и переписывать) задания для олимпиады по математике.

Через полчаса зову пить чай. Хватают свои чемоданы и сумки и начинают вытаскивать оттуда продукты. Уговариваю поберечь запасы до худших времен или хотя бы до новогоднего праздника. Напрасно. Часа через два Лизу и Наташку забирает к себе Катя Ашмарина из «Волги», Олега — Миша Шац из «Алтая». Я бегу встречать Ульяновск.

31 декабря в 5 утра Милка и Лариса приводят ко мне Сашку Агеева из Москвы. Ставит чемодан. Объятия. Зову в комнату: «Ложись, доспи». Но он, очевидно, стесняется: уходит гулять. Первый раз в Ленинграде, мол.

Только лег — звонит телефон. Снимаю трубку.

— Здравствуй.

— Аверина?! Откуда?

Оказывается, из аэропорта. Только что с московского самолета. Едет к Леоновой.

Через пять минут снова ложусь. Часа полтора не могу заснуть. Наконец надоедает, вскакиваю. К счастью, к вось-

ЛИЧНЫЕ ПИСЬМА

ми утра — на Витебский: приезжает Галка из нашего орлятского отряда «Верность».

Новый год мы с гостями коммуны встречали у Иры Леоновой. Именно тогда у нее на стене появилась карта Союза, а на ней 19 флажков, и от каждого ниточка к Ленинграду, — коммунары из двадцати городов встречали 1964 новый год вместе.

В ТРИ СМЕНЫ

Жизнь на сборе практически не останавливалась. Сбор если и переводил дыхание, то только в течение двух-трех часов перед подъемом. А часто и такого не бывало: кто-то предпочитал бодрствовать с двенадцати до четырех, а кто-то — с четырех и до конца, то есть до подъема и дальше.

Ночи были необходимы для подготовки творческих дел, для продумывания дня в целом.

...Ночью выхожу из комнаты, где готовится олимпиада, иду по коридору. Вдруг натываюсь на группу «стариков» волжан: готовятся к завтрашнему Дню отряда.

Захожу в спальню «Алтая». Забиран беседует с Игорьком «за жизнь»...

Самое печальное, что от тех, кто бодрствовал ночами, требовалась бодрость и днем: продуманный день нужно было еще вести. Иногда все-таки удавалось поспать час-полтора.

...Ко мне, к Цивину и Прутту подходят трое старших «алтайцев».

— Парни, ложитесь спать. Сейчас «Алтай» вполне без вас справится.

Минуты две гордо сопротивляемся, но после приказа ДКО покоряемся (приняв на всякий случай обиженный вид).

Заснуть трудно — слишком возбужден. Слышу, как на цыпочках, шикая друг на друга, в спальню пробираются Ира и Донька. Им поручено укрыть нас потеплее и повесить на дверь записку: «Спящих не будить. «Алтай».

На конвертах писем, которые пишут в коммуну, обычно стоит имя Ф. Я. и адрес Дома пионеров и школьников: Загородный проспект, 58.

Эти письма, может быть, и не стоило бы читать никому, кроме Ф. Я.: уж очень тесно там куски о коммуне перепутаны с сугубо личным — про мужа, жениха, жену, про неприятности на работе... Но тем не менее письма эти хранятся в нашем музее, как коммунарская почта.

Когда начинали писать книгу, Ф. Я. отдала нам кипу писем, сказала: «Ребята, берите. Моих писем здесь нет — это письма коммуне».

«...В результате моего просчета в финансах мы сели с Володей в поезд Москва — Новосибирск с двумя рублями. Питались в основном остатками подарка, который он получил во Дворце пионеров. Мы стойко и мужественно отворачивались от приносимых лоточниками пирожков и развлекались разбором записей со сбора.

Наконец мы радостно, полной грудью вдохнули родной морозный воздух без примеси разной там сырости! Мы — дома!

Уже 16-го я выступала с вдохновенной речью о ленинградской коммуне перед производственным совещанием учителей нашего интерната. Молодец завуч Луканев — он в своих предложениях пошел даже дальше меня, отстаивая права ребят на критику учителей на «Огоньках».

В общем, сейчас живем с ДКИ (дежурный командир интерната), раз в неделю — «Огонек», с передачей дежурства и т. д.

Милая Фаина Яковлевна, а будет летний сбор? Жду ваших сообщений и мыслей. Пишите. Целую. Привет, привет всем.

Ваша Нэлла Аникеева».

«Здравствуй, Ира-джан!

Как я обрадовался письмам! Иметь настоящих друзей не каждому суждено! В этом отношении я счастливчик!

Был в Баку и Сумгаите: пригласили на первый республиканский слет школьного комсомола Азербайджана. Не хочу описывать — было бы нескромно... Просто постарались с моим другом Аркадием да и с другими хорошими ребятами сделать сбор коммунарским. Кажется, вышло. Ну и все.

Наша цель — счастье людей! Мы победим! Иначе быть не может!

Передайте братский привет Женьке, Вадику, Вове, Толе, Ларисе, Миле — всем!

Айк Котанджян (Ленинакан)».

«Хотела написать вчера, после проводов ленинградцев, но состояние было хуже ненормального — спала весь день, всю ночь, а сейчас — 9 часов 1 апреля. У меня еще мозги не на месте...

Киевский вокзал. Наши песни, шутки попеременно с рыданиями девчонок, а я уговариваю себя, других, что это ерунда, что все обязательно увидимся (а сама этому почти не верю). Галка Асанова опоздала на поезд и стоит такая довольная, а в руках только голубенькая книжечка «Орленка» — вещи уехали. Приходят ребята. Через час — другой поезд. Галка зарывается под мое пальто, и через пять минут у меня галстук весь мокрый от ее слез, и блузка тоже.

Но, несмотря ни на что, как это было здорово — за четыре дня 100 совершенно новых людей стали близкими, всего за четыре дня...

Перед отъездом я говорила почти со всеми новенькими: они уехали такие же, как мы из «Орленка», — это точно.

И еще вот что я думаю. Как хорошо, когда есть чему и кому быть верным. Это, пожалуй, то, что нужно человеку.

Привет всем. Целую.

Л. Тверская.

Киев. 1.IV. 63 г.»

ПОСЛЕДНИЙ «ОГОНЕК»

Ульяновск. Июнь. 26-го утром одиннадцатиклассники сдали последний экзамен. Весь день работала «живая цепочка». Все носились по Ульяновску, поздравляли выпускников, кто-то доставал транзистор, кто-то лопату, а главное, всем передавали приказ: «Сегодня в 16.00 Общий сбор в школе — едем в лес на прощальный «Огонек».

Двадцать человек, штук десять сумок, гитара, транзистор, четырехместная палатка, мяч и фотоаппарат. Спрашивается, что еще нужно? В трамвае спохватились — нет Володьки. Володька кончил школу год назад. Теперь он работает и ходит к пятиклассникам вожатым. Сегодня он должен вернуться с ними из похода. Я бегу за Володькой. Он сидит на диване усталый, небритый, в пыльной походной одежде — еще не переодевался и не ел. Я объясняю, в чем дело. Он молча встает.

— Ты бы хоть поел, — говорит мама.

— Некогда, ждут.

Нас ждали на последней остановке. И вот мы все вместе вступаем в лес.

Минут двадцать бродим по лесу. Наконец «командирша» Наташка говорит: «Здесь». Сумки брошены на траву, кто-то берется ставить палатку, кто-то очищает место для костра. Все пишут свои пожелания и планы на три года — самое, самое сокровенное. Записки кладут в белые конвертики, конвертики — в бутылку, а бутылку утром зарюют в землю. Мы придем сюда через три года. Мы будем читать, улыбаться, а может, и грустить о чем-нибудь несбывшемся.

Несколько человек запевают, но на гитаре падает первая капля, и вот уже дождь. Всем в палатке не уместиться. Мы бежим в дом, который строят неподалеку.

Все по очереди смотрят на небо. Дождь — незапрограммированное мероприятие. Но и дождь кончается — все бегут к костру. А у костра Женька. Он в длинном плаще и с

палкой в руках, как настоящий лесовик. «Огонек» открывается линейкой, в чем-то торжественной, в чем-то шуточной. Те, кто остается в школе, дарят выпускникам кораблики с алыми парусами. На борту дата встречи — через три года. Все выпускники по решению Общего сбора остаются почетными членами Клуба юных коммунаров.

Исчезли последние отблески заката. На лес опустилась ночь. Хорошо лежать у костра и молча смотреть в огонь или тихо петь: «Когда зимний вечер уснул тихим сном», а потом: «Люди идут по свету»...

— Послушайте,— говорит Наташа,— у меня есть письмо с фронта от одного человека, Зоиного дяди. Мы его сейчас читаем.

Желтые листки фронтовой почты и слова о России, о великом народе, о великой вере в великую победу. Когда читаешь книги о войне, то бывает, и засомневаешься: а были ли такие письма? А не было ли все проще и менее героично? Но тут, у костра, в лесу, эти старые листки убеждают — были люди, не боявшиеся высоких слов, готовые идти на смерть.

Листки идут по кругу. Буквы пляшут перед глазами желтым огнем. Минуты молчания.

«Огонек» есть «Огонек», и завершается он разбором работы дежурного командира. Затем снова песни.

В два часа ночи опять пошел дождь. Девчонки забираются в палатку. Мы, мальчишки, стоим под дождем, держа над головой брезентовое полотно.

Утром тщательно закрытую и залитую воском бутылку с конвертами опускают в яму. Укладываем дерн и фотографируем это место.

— А через три года здесь будет колесо обозрения,— говорит Сашка.

И все смеются.

Мы идем по мокрой лесной дороге, скользим по грязи. Полседьмого утра. Народу в трамвае немного. Одни смотрят

на нас с удивлением, другие понимающе, третьи недовольно: «Это еще что такое? Такие большие, а в красных галстуках, и бог знает откуда в такую рань!» Мы провожаем наших дальножительниц. Меня встречают ребята, трое парней, и спрашивают: «Ну как?» Я им говорю: «С добрым утром», а потом показываю кораблик с алыми парусами. И еще я их фотографирую.

Дома я раздеваюсь и валяюсь на диван. Вечером иду к Сашке, потому что он пригласил всех слушать Баха, и я хочу еще раз поглядеть на всех ребят и девчонок.

Через два месяца я сдавал экзамены в институт. У меня был день рождения. Утром мне принесли с почты 15 телеграмм и разочарованно сказали: «А мы думали — профессору».

А Н А Ч А Л О ?

...А все началось с двадцати «активных, инициативных», которых однажды телефонограммами звали в Дом пионеров и школьников на Загородном проспекте. Помните? «Пришли-те активиста с цветочком...»

Глава восьмая.

САМАЯ БУДНИЧНАЯ

СБОРЫ, СБОРЫ...

Стоп! Мы должны остановиться, оборвать предыдущую главу и начать новую. Иначе у читателя, пожалуй, сложится впечатление, будто коммуна превратилась в сплошной праздник: поездки, встречи, объятия, поцелуи... И все это во всесоюзном масштабе.

А на самом деле жизнь коммуны продолжается, как всегда: зимний сбор, весенний, летний, осенний... И каждый сбор надо долго готовить, и на каждом должно быть что-то новое. Ребятам, сегодня вступающим в коммуну, мало дела до ее истории. Им все равно, интересной или неинтересной была «Первая Ефимия» — первый сбор в Ефимовском районе. Они едут в Ефимию этим летом, и нынешний сбор для них — первый, главный — сбор «на всю жизнь». У каждого коммунара, когда бы он ни пришел к нам, должна быть своя Ефимия.

И потому

Решение Общего сбора коммуны

1. Одобрить результаты коммунарской разведки.
2. Выезд в Ефимию на 8-й летний коммунарский сбор назначить на 9 июня. Сбор в ДПШ.
3. Базой коммуны считать деревню Озереву. Ефимия продолжается!

НАРЯДЫ, ТАШКЕНТ И КУРОЧКИ

До обеда мы удобряем селитрой гибридные всходы. Наш гибрид — это помесь капусты со свеклой. Селитра ему полезна, но в строго ограниченных количествах. Ребята с энтузиазмом вникают в диалектику взаимоотношений селитры и гибрида. Вместо одного-единственного способа внесения селитры, которому обучил нас бригадир, придумано, по крайней мере, десять новых. Одни из них официально признаны и даже одобрены, другие — полуполюгальные, третьи — запрещенные, антигибридные.

В разгар кампании по борьбе с халтурой на гибридных полях появляется колхозный бригадир. Магун напоминает командиру, что Ф. Я. просила договориться с колхозом о нарядах, то есть о деньгах за работу. Эти деньги будут переведены пострадавшему от землетрясения Ташкенту.

Через пять минут на борозде у Магуна происходит короткое совещание. Наташка и Аркадий вносят контрпредложение: работать бесплатно, как всегда, а Ташкенту помочь из сэкономленных сбережений.

— Я не возражаю, — говорит Магун. — Как будем экономить?

— Очень просто, никаких курочек.

Когда мы уходили в десант, Ф. Я., выдавая Аркадию деньги, просила не экономить и как следует кормить детей — варить куриный бульон, покупать сметану и фрукты.

Курочки в «Алтае» успеха не имели. Вернувшись, Аркадий на линейке торжественно отсчитал Ф. Я. результат введенного режима экономии — 55 рублей 27 копеек.

Ч А С И Е Щ Е Ч А С

На «откровенном разговоре» мне выдали, и в первую очередь за то, что не люблю физический труд. Это был мой первый «Спутник», и работать на нем я действительно не научился. Дома приучен не был.

На поле, на своей грядке, я через несколько метров уставал. Мне надоедала эта свекла, которую надо спасти от сорняка; я халтурил, рвал сорняк не под корень, а у земли — так было легче. Никто, кроме меня, этого не видел и видеть не мог. Разве только через месяц моя грядка выдаст меня: зарастет сорняками раньше других.

Потом наступило самое плохое: я начал злиться. Злился на сорняк, на грядку, на солнце, на ребят, на работу, на себя. Раздраженно отказывался от помощи. Везде смех, шутки, где-то на лучшей грядке виднеется знамя, а я злюсь.

Понадобились долгие часы работы, чтобы эта злость сменилась на чувства противоположные. Однажды пошел на хитрость. Предложил на «Огоньке» свою кандидатуру в оформители — за время работы оформить лагерь. Полдня был просто счастлив, пока не вернулись с работы ребята и не разрушили счастье прозрачной речевкой:

Нас мало, мало нас,
Нас мало —
Не хватает среди нас
Одного нахала.

* * *

Огромный завод. Мы работаем на строительстве нового цеха. Девчонки грузят на машины кирпичи. Мы ломками

сбиваем застывший цемент. На каждый отколотый кусок уходит пятнадцать — двадцать минут.

Невыносимо жарко (больше 30), тяжело и... невыносимо весело. У рабочих давно перерыв; смотрят на нас кто с удивлением, кто с улыбкой, а мы без перерывов, только бегаем обливаться из шлангов. Солнце. Все мокрые. Борис Михайлович рисует (раньше бы на него злился, а теперь весело). Рисует, наверно, большие ломы, маленькие фигуры, худые руки в огромных перчатках, а ты поднимаешь лом, встаешь на носки — сейчас ударишь! И чувствуешь себя очень сильным, ну просто Геркулесом. Правда, после свершения десятка подвигов руки устали. На каждый кусок теперь уходит больше получаса.

Часто меняемся. Бьем неверно. Ну хоть бы ветерочек. От девчонок доносится песня про вольный ветер.

— А ну-ка вдарим!..

И еще час.

И еще.

Солнце. И весело.

* * *

Я на Брянщине — на этюдах. Попросили помочь колхозу с торфом. Нарезанный торф мокрый и очень тяжелый. Перекур.

— Что вас в Ленинграде — работать учат?

— Учат.

И Д У С Б Р А Т О М

В коммуну я попал из-за старшего брата. Он был членом отряда «Алтай». Помню, каждый раз он возвращался из Ефимии покрытый коркой из репудина (средство от комаров) и крови и всегда был полон впечатлений. Он много рассказывал о коммуне. Я очень ему завидовал; я просил его,

чтобы он взял меня с собой. Но он только отнекивался или совсем ничего не отвечал.

Но один раз он взял меня на сбор в ТЮЗ. Вместе с другими ребятами мы пошли в ТЮЗ от нашей школы. Мы шли по середине мостовой, пели песни. Все останавливались и смотрели на нас. Машины вынуждены были объезжать нас. Я шел рядом с братом и был так взволнован, что забыл все на свете. Мне казалось, что я тоже член коммунарского отряда «Алтай». Впереди «Алтая» шел знаменосец и нес знамя. Оно развевалось на ветру.

Когда мы пришли в ТЮЗ, он был битком набит ребятами в красных галстуках. «Алтай» должен был показать и рассказать, что он делал летом. Надо было показать, как отряд шефствовал над детским садом. Для этого отобрали несколько первоклассников. Мы изображали воспитанников детского сада, а коммунары показывали, как они гуляли и играли с малышами. Сбор был очень интересный. После него артисты ТЮЗа показали спектакль «А с Алешкой мы друзья». Потом мы разошлись по домам.

Теперь я в шестом классе и тоже ездил в Ефимию.

МОЙ РЫЦАРЬ

Горн раздался неожиданно. Мы быстро собрались на месте Общего сбора.

Дежурный командир сказал:

— Объявляется рыцарская тревога. Мальчики, сегодня вы не просто вежливы по отношению к девочкам, сегодня вы — рыцари. Вам ясно?

Да, всем было ясно, и это девочки поняли сразу после линейки.

Был ужин. Представьте себе наше положение, когда каждую девочку у костра встречает один с кружкой молока и куском булки с маслом, второй стоит и обмахивает ее, защи-

щая от комаров, третий развлекает разговорами. Ей остается только разыгрывать из себя королеву.

Великолепно, не правда ли?

Мы ночевали в интернате. Туда мы шли около часа, специально растягивая удовольствие.

Мне попался необыкновенный рыцарь — мальчишка из «Днепра». Мы шли по полю. Я изображала маркизу, он — графа. Не знаю как, но он ухитрился в одно и то же время поддерживать меня, отгонять комаров, тащить на себе два спальных мешка (свой и мой), опираться рукой на только что сделанную шпагу и трепаться со мной. Все это было очень мило. По дороге мы придерживались тона великосветской беседы. Говорили о рыцарской чести, о любви дам, об отваге и трусости.

У нас на сборе были три отличных парня из «Алтая». Они ходили всегда вместе, в солдатских гимнастерках с широкими ремнями. Они были очень высокие. Мы называли их тремя мушкетерами.

В этот вечер мушкетеры решили изображать бандитов с большой дороги. Они напали на моего несчастного рыцаря в надежде, что он оставит меня в поле, а сам из трусости удерет.

Но мой рыцарь был не из таких. Он с честью выдержал испытание и, вернувшись ко мне после боя с тяжелым ранением, предложил мне руку и сердце: он говорил, что заслужил это право, выйдя с честью из ужасного поединка.

Я, как добродетельная маркиза, перевязала своему поклоннику рану, но потом возмутилась.

— Как! — вскричала я. — Вы дрались и жертвовали собой из тех же побуждений, что и сотни других рыцарей, которые думают только о том, чтобы получить на карету мой фамильный герб и деньги моих предков! А я-то вообразила, что вы защищаете мою и свою честь. Стыдно, граф, стыдно! Неужели мы не можем любить друг друга без всех этих формальностей? Ведь говорится же в речевке: «Формалист и

бюрократ — самый ядовитый гад!» — Я ускорила шаг, считая, что граф недостоин даже моего взгляда.

Но вот что я услышала в ответ:

— Я думал, мадемуазель, что вы не так глупы. За кого вы меня принимаете? За какого-нибудь плебея? Нет! Мое имя — граф де Моруа, вы это забываете, мадемуазель! Мне не нужны ваши деньги, мне нужна ваша любовь, и не отвергайте меня! Я многому смогу вас научить, я добился степени бакалавра! Еще раз говорю, не отвергайте меня, маркиза, ибо ученье — свет, а неученье — тьма!

С этими словами влюбленный рыцарь преподнес мне букет полевых цветов. Мы подошли к интернату. Оттуда слышалось пение. Все ребята стояли в одном большом кругу, положив руки друг другу на плечи, и пели. Пели мы в этот вечер больше, чем когда-либо. А мальчики очень тактично и участливо (видно, это участие доставляло им большое наслаждение) интересовались, больно ли в данную минуту кусает нас слепень, комар или еще какой-нибудь «хищник»?

Это был замечательный, романтический вечер. Почему-то я никогда еще не чувствовала такой душевной близости и такого доброжелательства ко всем ребятам без исключения.

После этой идиллии мальчишки пошли постелить нам спальные мешки и выгнали комаров из помещения. А потом, как обычно, был «Огонек».

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ТЕЛЕФОНУ

В записных книжках несколько страниц — для телефонов. Начинаются они с номера, с которого для многих начиналась коммуна, — К 2-29-19. Это Дом пионеров, Ф. Я. Как правило, набирая номер, слышишь короткие гудки «занято».

А потом — телефоны ребят и девочек. Каждый год, каждый сбор прибавляет новые и новые, и если сложить листки всех телефонных книжек — пожелтевшие, измятые,

исписанные разными чернилами и почерками, то это — моя история, история коммуны, зашифрованная только нам понятным шестизначным кодом.

А-5...

— Володька? Слушай, как бы достать пару книг?

— Диктуй.

— «Учебник логики» и «Введение в конечную математику».

— Понял. Позвони завтра вечером. А у тебя не осталось от сестры медицинских книг?

А-1... Год назад на пятьдесят восьмой минуте разговора вклинилась телефонистка и злым голосом сказала:

— Товарищи, как не стыдно! Мне звонят, говорят — телефон испорчен, а это вы, оказывается, никак не можете наговориться!

Мы с Тамаркой повесили трубки, а потом снова говорили минут двадцать: не виделись неделю и сообщить нужно — горы.

Мы мечтаем о телефонах у всех, пробуем одновременно вдвоем набирать один и тот же номер, чтобы втроем ругаться: говорят, однажды вышло.

До наших не дозвониться. Бывает, что заняты сразу почти все номера.

Крутят телефонные диски «частники» и «автоматчики».

— К Ирке завтра в шесть у памятника.

— В пятницу премьеры в ТЮЗе. Нас приглашают. Помнишь?

— Это детский сад?

— Ах, извините!

— Слушаешь? Есть новые стихи.

— Читай.

— «Алтай» в триста двадцать первой в четыре. Надо быть, — разговор по «Спутнику».

— Вечером будут звонить ребята из Новгорода со сбора. Если сможешь, к десяти у меня.

— Мотив к твоему тексту вроде сделал.
— Давай.
— Так не свистеть же в трубку?.. А! Давай, я положу трубку на пол и наиграю мелодию: может, услышишь. Разобрал?

— Ты знаешь, я припев хочу другой.

— Слушаю.

— В одиннадцать приезжают москвичи, а в десять Севка уезжает в Москву. Встречать-проводить будешь?

— Завтра контроша по физике. Одна задачка ну точно в ответе наврانا. Но на всякий случай попробуй, а?

— Потрясающий фильм!!! Завтра же смотри!

Звонить могут когда угодно, как только будешь нужен. Самый поздний звонок был около двух часов ночи. Говорили 40 минут, причем первые десять я пытался проснуться и понять, в чем дело. Положил трубку в полтретьего и долго не мог уснуть.

Мы взрослеем. Перечисляем факультеты и институты, где учатся выпускники. А телефоны...

— Здравствуй, это я.

— Здравствуй, «ты»!

— Я здесь.

— Где?

— В метро.

— Буду через десять.

И гудки, гудки в трубке. А по инструкции, «услышав короткие гудки, немедленно повесьте трубку».

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Я пришел в коммуны 24 марта 1963 года, на четырехлетие.

Слышал о коммуне очень давно. До сих пор для меня загадка, почему не попал раньше.

Я сейчас часто думаю, что если бы мог привести ребят из класса на день рождения коммуны, то им очень многого не надо было бы объяснять — ускорился бы процесс понимания.

В какой-то мере это было и со мной: многое, до чего бы долго доходил, увидел в один день.

Наши дни рождения — это огромные сгустки нашего, дни, когда выливается то, о чем не могут говорить: самое дорогое. Любовь к коммуне, благодарность, ощущение счастья. Потому что иметь коммуны — это счастье.

Смотрите 24 марта в глаза ребят — вы всё это увидите и поймете. (Не забудьте подойти к зеркалу и посмотреть в собственные глаза.)

Страшно везет тем, кто пришел и придет именно 24 марта. Тем, кто придет, я очень завидую.

(Честное слово, это хорошая зависть. Я точно так же завидую тем, кто впервые поедет в Михайловское, кто впервые прочтет Грина, увидит Гогена.)

КАК Я ПЫТАЛАСЬ ЗАЧАХНУТЬ

А меня однажды мама не пустила на день рождения коммуны. Я принесла домой очень плохую четверть...

Не буду долго описывать скандал, скажу только, что вместо сбора мне пришлось сидеть дома и заниматься. Мама говорила, что седьмой класс — это очень серьезно и я не имею права так плохо учиться. Но когда ты сидишь и думаешь о том, как там без тебя веселятся, смотря отрядные сюрпризы и вообще как там здорово, то ничего из твоих занятий не выйдет, это уж точно. Мама решила проверить, что я делаю, увидела, что я не делаю ничего. И это вызвало очередной скандал.

В общем, я почувствовала, что жизнь мне надоела. Я не хочу сказать, что мне захотелось убить себя, нет, я никогда

не теряла надежды на счастливое будущее, а просто мне захотелось показать, что я — это я и что со мной надо поосторожнее.

Тихонечко одевшись, я вышла из дому. Идти мне было некуда, и я решила отправиться к Ленке. По дороге придумывала планы устрашения своих родителей. Надо показать им, что мне необходимо ходить в коммуну, а иначе я...

Да, конечно, я должна зачехнуть от горя, это самый верный способ. Но как?

Вся моя семья уже давно научилась распознавать, когда я притворяюсь, а когда — нет. По-видимому, мне надо заболеть всерьез. Но опять — как?

Хочется пояснить, что я здорова как бык (впрочем, мне не нравится, когда меня сравнивают с быком). Пожалуй, единственный способ заболеть — пойти и искупаться в проруби на Неве. Там полно прорубей.

Но когда я встретилась с Ленкой и рассказала ей об этой своей идее, она посмотрела на меня как на умалишенную и сказала, что на Неву она не пойдет, что там полно народу и холодно.

Мы пошли в Парк победы — там много прудов и мало народу.

Долго ходили мы и искали пустынное и удобное место. Леночка шептала мне: «Если ты действительно прыгнешь в воду на таком морозе, я тебя буду уважать!»

Представляете, как это прибавило мне сил? Я и сама уже почти решилась, а тут еще слова такие хорошие.

Наконец мы нашли подходящий пруд. Вокруг не было ни одного человека, и лед, как нам показалось, был тонкий. Он провалится под моей тяжестью. Все шло как будто хорошо. Ленка встала на стражу, а я отошла к кустам, разбежалась, прыгнула и... полетела по льду, распластав ноги и собирая ртом очень невкусный и грязный снег. Лед не проломился.

Казалось, это давало мне право окончить свой поход в

поисках болезни, не уронив себя ни в своих собственных глазах, ни в глазах Ленки.

Но я уже была полна веры в себя, и никакие силы не заставили бы меня отступить от моего плана. Я нашла прорубь и прыгнула. К сожалению, прорубь оказалась довольно мелкой, и я намочила только по пояс, а тут показались какие-то люди, и пришлось скорее вылезать.

Что было делать?

Мы с Ленкой отправились к ней домой. Я шла, а за мной на сухом асфальте оставались черные следы. И люди оглядывались в удивлении. Ботинки были полны воды, я ее нарочно не выливала, хотя ощущение было не из приятных. Но я решила, что для моего организма такого купания мало. И у нас родился еще один интересный план. Мы тут же привели его в исполнение.

У Ленки есть балкон. Я вышла на балкон и перегнулась через перила. Ленка притащила ведро воды и окатила меня. И я стояла на балконе, чтобы замерзнуть, а Ленка сидела в теплой комнате и читала мне какие-то ужасные стихи, которые я с тех пор ненавижу.

Никогда не знала, что в Ленке таится столько злости. Вы бы видели ее обрадованное лицо, когда я сообщила ей, что мне наконец стало холодно.

Через полчаса я вылезла с этого ужасного балкона, но не успела даже согреться — пришла Ленкина мама и мне пришлось быстро убираться. Куртка у меня темная, и никто дома не заметил, что я мокрая насквозь.

Остается только добавить, что на следующее утро у меня была температура 36 и 5 десятых, и мне было очень жалко Ленку, потому что она проболела все весенние каникулы.

ДЖОН ВЫХОДИТ ИЗ КОЛЫБЕЛИ

На зимнем сборе расклеены воззвания:

«Дабы изгнать с позором БЕЗответственность, БЕСпорядок, БЕСкультурие, развернем нелегальное движение ЛИКБЕЗ. Слава его бесстрашному вождю по имени Джон — Суровая Рука! («ДЖОН» — Даешь Жизнь Образцовую, Новую.) Пусть он и его смелые товарищи помогут нам жить без вышеуказанных гнусных недостатков.

Будем точными и аккуратными, не будем тратить драгоценное время на переливание из пустого в порожнее и обратно. Пусть здесь царствует неумолимое ОНО, имя которому — Регламент».

И подпись: Д. С. Р. (Джон — Суровая Рука).

Но кто этот Джон?

Его засекали дежурные командиры, его искали всей коммуной. Джон был неуловим. Каждое утро появлялись листовки Джона с девизом: «Да не будет ликбез безлик!»

«Мы, Джон — Суровая Рука и его соратники, доводим до глаз ваших следующее:

- а) мы будем беспощадны,
- б) неподкупны,
- в) невидимы.

Каждый, кто найдет у себя знак предводителя, обязан сообщить об этом на «Огоньке» и объяснить свою вину, малую или большую.

Если же память откажет ему, Джон и его друзья расскажут все, что надо, публично и доходчиво. Ликбез не будет слепым и глухим, и скоро вы это поймете! Д. С. Р.»

«Председателю совета КЮФ. Позор Совету, который заседает в свинарнике! Порядок должна была навести не моя Суровая Рука».

Но кто такой Джон? Этого не знал никто.

На вечернем совете Ф. Я. нелестно отозвалась о Джоне (было напрямую сказано о его кривых ногах).

От Джона пришла записка со знаком предводителя...

Назавтра Ф. Я. пришлось стоять на «Огоньке» и отчитываться за БЕСкультурный поступок.

Ф. Я. бегаёт по интернату: «Я его ненавижу, ненавижу, этого Джона! Но поймаю!»

Однако Джон вовсе не злопамятен. Он регулярно поздравляет Ф. Я. с праздниками и даже как-то прислал телеграмму:

«Все прощаю тчк Джон Суровая Рука».

ПРОТИВНЫЙ ДЖОН!

Я лично против Джона ничего не имею. Если вся затея остроумная и умная (как это часто бывает у нас), то Джон — отличная штука. Но я выступаю против его «ноликов»!

Был у нас такой маленький случай на седьмом зимнем сборе. Мы лежали и валяли дурака (все старшие были на Совете). Кто-то нас останавливал, но через некоторое время сам же вступал в разговор. В общем, шел нормальный вечерний внутрипалатный треп. А на следующий день я прочитала в листовке ликбеза даже фамилии тех, кто особенно веселился.

С этого времени я потеряла уважение к агентам Джона, ну и, в общем-то, даже к нему самому. Понимаете, это значит, что среди нас в палате был «нолик» и он пошел и настукал таинственному Джону. Даже фамилии сказал (что меня больше всего разозлило). И мы не знали этого человека! Если бы я не боялась слишком сильно высказаться, я бы назвала его стукачом.

ПОСЛЕ СБОРА

У Джона появились десятки союзников. Записки многочисленных Джонов наводнили школы района. Учителя находили их на столах, в портфелях, в классных журналах и даже в карманах.

Дело зашло так далеко, что Джону пришлось вмешаться. Отныне его соратникам, как зарегистрированным, так и самозванным, под страхом разоблачения, отмежевания и легализации, было запрещено посылать записки педагогам.

Говорят, что в ту ночь, страдая бессонницей, Джон звонил своему главному помощнику:

— Ты знаешь, я сделал это только ради Ф. Я.

ПЛЕМЯННИК

Зимний сбор. День отряда. «Алтай» дает на каждом этаже больницы по концерту.

С третьего отпрашиваемся с Киселевой у ДКО на почту — звонить. У Ирки скоро появится племянник.

Автобус. Едем обратно.

Его зовут Димка.

— Знаешь что, воспитаем Димку по-коммунарски!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — НАТАША

Всей коммуной едем в Ульяновск. По пути останавливаемся на один день в Москве. И на Красной площади, у Мавзолея, была наша коммунарская линейка. Линейку вела Наташка Перфильева, та самая, которая когда-то потеряла новые синие варежки со звездочками.

Сколько раз она проверяла командиров, чтецов, и все равно это было очень страшно — самой вести линейку. И вот уже горнят на построение, потом после команды отряды торжественным маршем выходят на линейку. Построились. Рапорты: «Товарищ председатель Совета коммуны!»

А председатель — Наташка, это ей сейчас сдают рапорты на Красной площади.

ЗДРАВСТВУЙ, ВОЛГА!

Боже мой, ну и денек!

Мы все время спешим и все время опаздываем. Сегодня «Сибирь» — дежурный отряд, и мы работаем на кухне. Целый день как белки в колесе, и все-таки ничего толком не получается. Опоздали с обедом, а сейчас опаздываем с ужином. Да и день, как назло, выдался жаркий, воздух стал раскаленным и тяжелым, песок жжет ноги. В такой денек забраться бы в тень и носа бы не показывать. А тут — на тебе, прыгай по горячему песку вокруг костра и мешай плюющуюся кашу.

Боже мой, боже коммунарский! Как налетели, ну, свалят же котлы. Нет, опомнились, встали в очередь.

Ну вот и все. Кажется, всем хватило, и ревком сыт.

Поворчали, конечно, но дети у нас, в общем, культурные: сказали «спасибо» и пошли мыть миски.

А впереди у нас довольно неприятная процедура — мытье котлов. Тащим закоптевшие котлы к Волге и замираем удивленные. Никогда еще Волга не была такой красивой. Мы стоим растерянные и чумазые, с грязными кастрюлями в руках, и боимся войти в воду, боимся нарушить эту гармонию цвета, эту несказанную красоту. Вода перестала быть прозрачной. Волга словно наполнена холодной сталью чуть голубоватого оттенка. По вечернему небу медленно стекает огненным сгустком красное солнце. Все вокруг неподвижно и безмолвно.

Красива ты, Волга, очень красива. А все равно зовет и манит нас к себе далекий северный город. И, глядя на ночное бархатное небо с роскошными звездами, мы видим наше хмурое и туманное ленинградское небо.

ОПЕРАЦИЯ «СУ»

20 июля на ульяновском сборе Ф. Я. надумала покатать детей на «Ракете» с подводными крыльями. В ревкоме были согласные и несогласные, но серьезно возражать никто не стал.

После полуторачасового ожидания к пристани подошел обычный бескрылый пароход под номером «МО-12». Стараясь не терять бодрости, мы заняли большие каюты. Прокатились вниз по Волге, слезли у какого-то пионерлагеря, дали концерт и около двенадцати ночи вновь ступили на Ульяновскую набережную.

Уже на трамвайной остановке Ф. Я. вдруг (для верности, что ли) спросила: «У кого моя сумка?» Вопрос трижды передавался по рядам, но, увы, остался безответным.

Прутт и Колька Крыщук рванули обратно на пристань: они принадлежали к тем немногим, кто знал, что в сумке Ф. Я. — все финансовые документы и деньги на обратный проезд коммуны. Ф. Я. подошла к девочке, которой поручила сумку. Девочка сказала, что забыла сумку на пароходе...

В 8 утра собрался ревком. Решили:

1. Не паниковать.
2. Сбор продолжать.
3. Заявить в милицию о пропаже.
4. Собрать Общий сбор и объяснить положение.

На Общем сборе выяснилось, кому была поручена сумка. «Разбирать» поступок девочки не стали, то ли потому, что если уж что-то решать, то надо было решать сурово; то ли потому, что все чувствовали себя виноватыми — не могли осмотреть пароход перед уходом.

Устами Ф. Я. мы призвали сохранять спокойствие. Довели до всеобщего сведения — в сумке 200 рублей. Если она не найдется, деньги на обратную дорогу придется зарабатывать.

23, 24, 25, 26-го коммуна работала. 27-го мы уезжали.

Денег заработали много, но на семь билетов все-таки не хватило. Контролер засек и, несмотря на подробный рассказ о потере сумки, о том, на какие деньги куплены билеты, оштрафовал Ф. Я. на огромную сумму (пока на бумаге — денег-то не было. Но бумагу обещал отправить по месту работы). На другой станции пришел другой контролер и долго возмущался черствостью предыдущего. Но штраф уже был наложен.

Самое печальное началось в сентябре, когда была учреждена специальная «комиссия для проверки». Комиссия выясняла, куда девались деньги? А как, спрашивается, доказать, что деньги потеряны? Найти. О, если бы найти!..

Комиссии держали Ф. Я. в постоянном напряжении, что явно сказывалось на ее спокойствии, трудоспособности и прочих деловых качествах.

В конце концов комиссии пришли к выводу, что Ф. Я. ничего не присваивала, а наоборот, выложила безвозмездно еще и свои деньги. Но сколько было испорчено крови, нервов, рабочих дней и просто дней человеческой жизни у Ф. Я. и у тех, кто был рядом с ней...

Я не умею драться, но сжимаются кулаки, когда люди, закрыв глаза и зажав уши, не желая ничего видеть и слышать, идут против очевидной честности и самопожертвования. И все это в обрамлении лицемерных фраз:

«Фаина Яковлевна! Да вы нас не так понимаете. Ведь мы же ничего лично против вас не имеем. Мы хотим просто выяснить, как было дело...»

Пропажу сумки и всю эту историю с грустным юмором прозвали «Операция СУ».

КТО ДЕД-МОРОЗ?

Традиции столько лет, сколько и КЮФу. Каждый день рождения коммуны к концу праздника в зал вносят несколько коробок мороженого — всем мороженое, всему залу.

Это как подарки на Новый год, что ли. Такое чаще снится. Ну, кому в детстве не снятся горы любимых конфет, игрушек, мороженого? И мама говорит: «Ешь, сынок, сколько хочешь».

В этом году я принимал участие в организации дня рождения. Вспомнил:

— Ф. Я., как с мороженым?

— Обязательно сделаем, а как же.

— Значит, собирать деньги?

— Ты что, с ума сошел? Хорош подарок! Вот тебе десять рублей, двадцать... Получай.

Так я и узнал Деда-Мороза.

НЕЗНАКОМЫХ НЕТ

У Ф. Я. какие-то очень милые, близкие отношения с многими старшими коммунарами. А для таких отношений совершенно необходимы разговоры один на один. И непонятно, откуда берется время на эти разговоры. А оно берется. И каждый разговор не похож на другие.

Мы прочитали эти записки друг друга, и каждый узнал о Ф. Я. что-то, чего не знал раньше.

У Ф. Я. нет знакомых. Если кого-то не знает лично, то слышала о нем от его ближайшего друга. Знакомые Ф. Я. быстро становятся друзьями коммуны.

И еще, Ф. Я.— великолепный актер и рассказчик, что совершенно необходимо для рассказа о ее знакомых. И благодаря невероятному кругу знакомых сама Ф. Я. становится еще более интересной.

КОММУНАРСКАЯ МАМА

Когда мама узнала, что я иду на день рождения Фаины Яковлевны, она засуетилась и протянула мне коробку конфет.

— Мама, ты же знаешь, что у нас общие подарки, дарим книги.

— Ну, передай это от меня. Да, да, от меня Фаине Яковлевне.— Мама стала перевязывать коробку ленточкой.

Оказалось, что я такой не один. Вслед за мной к Ф. Я. пошла Таня Теплиц и сказала, что у нее подарок от бабушки и что это съедобное. А потом еще и еще. В общем, еще до нас Ф. Я. поздравили наши папы, мамы и бабушки.

А ведь коммуна, кроме того, что изменяет сына или дочку, приносит родителям занятость детей, разлуки, переживания.

Кругом твердят нам:

— Берегите Ф. Я.!

И мы бережем. В походе приставляем к ней двух коммунаров.

— Это для чего? Перетаскивать меня из лужи в лужу? — смеется Ф. Я.

В последний день рождения коммуны кто-то выкрикнул на линейке:

Коммуна идет

И криво, и прямо...

Все хором ответили:

Но с нами всегда

Коммунарская мама!

Глава девятая,

САМАЯ... НЕТ, НЕ САМАЯ ПОСЛЕДНЯЯ

КТО ПРЕДСКАЖЕТ СУДЬБУ?

Ужасное занятие — писать книгу! Журналистка Стэлла Гуревич, друг коммуны, мучается с нами уже второй год, «выбивает» из нас заметки, требует писать и переписывать... А мы то и дело отрываемся от листков, потому что воспоминания о прошлом вновь заставляют нас задумываться о будущем коммуны.

Порою нам бывает очень трудно, и все новые и новые проблемы встают перед нами, и сначала они кажутся неразрешимыми, кажется, все пропало. А потом, глядишь, выход найден, все как-то само собой утрясается, и — смотри! — жива коммуна, и новенькие после сборов пишут в анкетах такие же восторженные слова, какие мы, старшие, сами когда-то писали...

А мы стали строже к коммуне. Нас все время что-то не

удовлетворяет, мы ругаемся на сборах между собой и ругаем коммуны — мы требовательны к ней беспредельно.

Проблем много, но, пожалуй, самая главная — проблема старших ребят.

МАЛЫШИ ПОДАЮТ ГОЛОС

Я расскажу обо всем честно. Вот какое-нибудь дело. Собирается отряд и начинает думать. Сначала, конечно, треплются, смеются, а в результате остается полчаса — и неподготовленное дело. И тогда начинают думать старшие ребята. Они, конечно, и умнее нас, и опытнее, у них интереснее получится. А мы, младшие, сидим и смотрим, как они придумывают. В лучшем случае нас пошлют в магазин за бумагой и за красками, а то просто сидим и «думаем». Один раз мы говорили об этом, а старшие ответили: «Но нам же тоже не все равно! Мы хотим, чтобы наш отряд был лучшим».

Мы тоже хотим!

И как раз поэтому мы не думаем в полную силу. Ведь все равно старшие лучше придумают.

«БОГИ» И ЛЮДИ

Когда я была меньше, старшие коммунары казались мне чуть ли не богами, во всяком случае, «высшими существами», особенно по сравнению со взрослыми ребятами во дворе и в школе. Магун, Лосенков, Шенс, Тамара Галкова, Цивин, Прутт поражали меня своим умом, цельностью, юмором. Они все очень здорово импровизируют. Это сначала казалось очень необычным, потому что в школе часто прежде, чем что-нибудь сделать, все буквально зазубривается, а получается ерунда.

Но уже через год, через два смотришь на всех по-другому. Старшие перестают быть «богами», но совсем не потому, что ты их больше не считаешь умными. Просто когда вместе

живешь на сборе и потом часто встречаешься, все ребята становятся более близкими. Шенса, например, я раньше считала слишком веселым. Он мне всегда нравился, но быть похожей на него я не хотела. А на зимнем сборе все перевернулось. Мы с Шенсом говорили о многих вещах, и неожиданно для меня он оказался очень направленным, серьезным, ну, в общем, совсем не таким, как раньше. Сейчас у меня уже совмещается, что Шенс и первоклассный трепач, и очень умный и добрый человек, который поможет тебе, когда трудно.

Раньше, я помню, даже боялась старших. Особенно Лося. Боялась, что, когда буду с ним говорить, покажусь ему ужасно глупой и маленькой. Но это все потому, что Лось по-настоящему талантливый человек, и мне никак к нему не приблизиться. Но это, по-моему, не так уж важно.

И еще мне открылась одна вещь, совершенно для меня неожиданная. Я даже не представляла себе раньше, что наши старшие коммунары могут друг к другу как-то относиться. То есть не думала, что кто-то из них может быть с другим не в самых хороших отношениях. Меня это открытие просто вывело из нормального состояния. Человека, которого обожают новенькие, оказывается, не все старшие любят!

Потом очень трудно определить, кто из старших с кем дружит. В школе всегда ясно: ребята, которые дружат, ходят по двое или по трое. А в коммуне такого, конечно, быть не может, потому что старшие у нас в разных отрядах. И вообще такая «школьная» дружба просто нелепо выглядела бы в коммуне.

«УХОДИТЕ ИЗ КОММУНЫ!»

Предложение было такое: разделить коммуну на две части — младшую и старшую.

С тех пор доводы против разделения почти не претерпели изменений.

Первый довод. Прелесть коммуны — в ее разновозрастности. Может, именно в трогательных (без иронии) отношениях старших к младшим и младших к старшим и рождается коммунарский дух.

Второй. «Старшие хотят быть идеалом для младших» (Ф. Я.) и, стремясь к этому, раскрывают, может быть, лучшее, что в них есть.

Третий. Младшие, с радостью подражая старшим, перенимают у них коммунарский стиль жизни.

— А вы предлагаете разделить старших и младших!..

Все это, конечно, верно, но в определенных границах. Безграничная разновозрастность в условиях коммунарских отрядов оказалась вредна...

и для младших,

ибо старшие — более взрослые и опытные — часто, как мы говорим, «зажимают» младших, то есть настолько расширяют свою часть коммунарского поля деятельности, что младшим остаются две-три бороздки, да и те уже вспаханные. Например, последний зимний сбор именно благодаря старшим прошел отлично. Но, может быть, он и без старших прошел бы хорошо, и это было бы в пять раз полезнее, чем отлично — со старшими.

Итак, старшие не дают младшим расти, становиться коммунарами. А для чего же тогда коммуна?

...и для старших,

ибо, когда коммунар делает шаг в старшие, это для него действительно шаг вверх по лестнице коммунарского развития. Шагнул коммунар в старшие, побывал на двух-трех сборах, и самое время сделать новый шаг. Ведь старший-то еще не взрослый, старший растет. Но куда этот новый шаг? Уходить из коммуны?

А дело его — в коммуне, большинство друзей — в коммуне, и лучшие годы свои он прожил с коммуной, — из-за чего же уходить? И коммуна рада этому, она хочет остаться

главным воспитателем старших, по крайней мере до того, как они окончат школу.

Но, увы, коммунар, став старшим, уже не по ступеням вверх идет — он попал на огромную лестничную площадку. И шага вверх не предвидится.

Итак, топтание на месте?

Деятельность младших и цели, которые перед ними нужно ставить, не вызывали сомнений. Но какая цель будет у старших? Может быть, насыщенная интеллектуальная жизнь, обогащение знаниями с обязательной отдачей пионерам, сверстникам, взрослым?

Что будут делать старшие, до конца не ясно и до сих пор. Наверное, самое правильное — чтобы они уходили из коммуны, оканчивая школу. Коммуна должна устраивать «выпуски».

Но старшие уходить не хотят!

Вот какая беда.

«НЕ УХОДИТЕ ИЗ КОММУНЫ!»

В университете на вступительном экзамене по истории женщина-экзаменатор задала мне первый вопрос: «Коммуну не бросили?» (На отвороте пиджака у меня был приколот значок КЮФ.) «Нет, — ответил я. — А вы знаете о коммуне?» — «А вот знаю, — улыбнулась женщина. — Ну, приступайте к первому вопросу». Билет попался хороший, и через десять минут у меня была пятерка (сколько из этих пяти баллов принадлежат мне?). Возвращая экзаменационный лист, женщина немного смутилась и сказала: «А из коммуны не уходите. Хорошее дело».

По-видимому, она не слишком много знала о коммуне, иначе она не стала бы так говорить. Как же уйдешь из коммуны?

Я не могу утверждать, что именно коммуна сказала мне: «Иди и становись психологом, чтобы в меру сил послужить истине; если придется, то педагогической истине». Однако же я пошел на факультет психологии не без влияния коммуны. Она внутренне подготовила меня к этому шагу. Через два года учебы я понимаю это лучше, чем раньше.

Поэтому я хочу назвать те педагогические открытия — открытия для самого себя, — которыми я обязан коммуне. Эти открытия еще только в первых стадиях осмысления, они далеко еще не оформлены, но они имеют прямое отношение к моей будущей деятельности.

Я понял, что создатель и организатор детского коллектива не может создавать и организовывать, если он не будет частью этого коллектива, его головой и сердцем.

Я понял, что сделать, вырастить такой коллектив нельзя, если ты просто вооружен набором педагогических приемов, сколь прогрессивны бы они ни были. Все эти приемы ничто без высоких гражданских мотивов, которые побуждают к работе людей, строящих коллектив. Эти приемы ничто без гражданской ответственности, без гражданских идеалов, которыми эти люди живут и в которых видят смысл жизни коллектива.

Для тех, кто назовет эти слова излишне громкими, хочу повторить еще раз: коммуна показала мне, что воспитанием ребят могут успешно заниматься лишь те люди, которые понимают меру добровольно возложенной на себя ответственности и несут ребятам собственный, быть может, выстраданный, жизненный идеал.

Об этом идеале. Я имею в виду не просто представление о хорошем времени, к которому нужно стремиться, и соответствующих ему хороших людях, нет. Для меня такой идеал — представление об *образе жизни*, который нужен *сейчас, в наше время*.

Я понял также, что стоит за формулой «коллектив — воспитатель». Коллектив — основная форма воспитания не только потому, что наиболее экономична (охватывает очень много ребят сразу) и потому лучше и быстрее решает задачи воспитания, чем другие формы. Человек по своей природе и назначению — часть других людей, живет среди них, вместе с ними, ради них и сам для людей — то, что и люди для него, — условие существования. Воспитать человека — научить его жить среди людей и для людей. И сделать это можно опять-таки среди людей, в коллективе.

Еще я понял вот что. Характер формируется рано, иногда очень рано. Наука не установила ни точных временных границ, ни главных факторов, ни основных механизмов этого формирования. Одно только ясно: нравственный рисунок личности проступает рано. А что, если надо изменить его? Что, если маленького человека надо перевоспитывать?

Это возможно только в коллективе. Только коллектив имеет силу и возможность научить человека иным формам и иному стилю жизни.

МОИ ПЯТЬ ЛЕТ

Мне 18 лет. Свою жизнь делю на две части: «в комму-не» — с тринадцати лет, а все остальное — «до коммуны». Пожалуй, с тринадцати только и начал жить.

До коммуны у меня был один друг. И всё. Остальные — приятели; мы узнавали друг у друга по телефону, что задано на дом, советовались, как решить задачу, вместе гуляли, играли.

Они отличались от моих нынешних товарищей. Главное отличие было в том, что сверстники довольствовались мною таким, каким я был, не заставляли меня быть лучше, не требовали от меня большего, чем я давал. Поэтому мы были только приятелями. (Школа моя, кстати, тоже довольствовалась и тоже не требовала.)

А с другом мы еженедельно ссорились. Но именно он привел меня в коммуны. В первый же день вечером все собралось у костра. Вспоминали лето. У всех были добрые глаза, и называли меня с первого дня по имени — Володя.

Через две недели исполнится пять лет со дня моего открытия коммуны. Пять лет приобщения к коммунарскому братству. За это время я разглядел товарищей не только по добрым их глазам, но и по добрым по отношению ко мне делам.

ОЛЕГ ИВАНОВИЧ

На сбор в Музей Ленина в день рождения коммуны пришел со своими учениками Олег Иванович.

Мы не видели его несколько лет.

Он очень изменился. Постарел. Держится бодро. Улыбается нам.

Мы растеряны. Мы любим этого человека и не любим его. Мы знаем свою вину перед ним — и не чувствуем себя виноватыми.

Кто-то предлагает:

— Давайте пригласим Олега Ивановича в наш строй. Неудобно.

Дежурный командир думает.

— Нет, — говорит он.

Мы не спорим. Спорить — говорить и объяснять.

А говорить трудно.

ЧУТЬ-ЧУТЬ О ЦИФРАХ

Мы подсчитали: только за восемь лет мы провели тридцать шесть сборов коммуны, каждый продолжительностью в неделю или в месяц. Через коммуны прошло 600 человек, а через «Спутники» ее — более пяти тысяч. Сейчас в коммуны, кроме пионеров, 90 комсомольцев; 60 из них студенты.

Каждый второй наш студент учится в педагогическом институте или на факультете психологии. В городе работают 27 старших пионерских вожатых-коммунаров. 42 коммунара — на комсомольской работе.

В ЭТОМ ЧЕСТНОМ И ДОБРОМ МИРЕ

У меня четверо друзей. Это самые близкие мне люди. Никто не может понять меня лучше, чем они; никто не может помочь мне больше, чем они; ни к кому меня так не тянет, как к ним; ни с кем я не чувствую себя увереннее, радостнее, чем с ними.

Иногда хочется побыть втроем, вчетвером. Но как хорошо, когда вокруг тебя 10, 30, 100. И не чужих людей — они знают тебя, волнуются за тебя, приходят на помощь, улыбаются.

Коммуна дала мне 150 таких людей — 150 товарищей.

Пожалуй, самая большая заслуга коммуны в том, что она допустила нас к жизни не наблюдателями, а участниками. Она убедила нас в том, что преступно ждать взрослости, чтобы начать жить.

Мы зорче стали вглядываться во все происходящее и в людей, с которыми встречаемся, поэтому нам легче определить свое место среди этих людей.

Сперва, когда человек приходит в коммуны, он находит удивительно честный, добрый и интересный мир. Когда человек подрастет, он начинает понимать, на чем держится коммуна, в чем ее сущность. Сущность коммуны, по-моему, в том, что все мы живем ради товарищей.

И что бы с коммуной ни случилось, все равно рано или поздно она опять пойдет воспитывать мальчишек и девчонок, потому что все люди, сознательно или бессознательно, в конечном счете живут ради человека.

ТИПИЧНАЯ СИТУАЦИЯ

Фаина Яковлевна не в счет — выслана на отдых. Операция называется «Хуторок».

Зуев — в «Орленке», работает вожатым в отряде.

Майя Германовна тоже отпадает — она пишет диссертацию.

Прутт и Теплиц — в Казахстане, Кокчетавская область, совхоз «Айсаринский», строительный студенческий отряд № 7.

Ира Леонова сопровождает Ф. Я., имея тайное поручение от ревкома: обеспечить отдых Ф. Я.

Мавр — на гастролях с оркестром.

Забиран — на сборе «Спутника».

И так далее...

А сбор коммуны надо готовить.

МОБИЛИЗАЦИЯ В РЕВКОМ

Мы с Пруттом поднимаемся по лестнице. Звоним.

Сначала нам открывают, потом нас кроют за опоздание, наконец, предлагают раздеться. Полревкома хлопочет на кухне: варят кофе.

Входим в комнату Ф. Я. — две полки с книгами, стол и раскладушка, покрытая чем-то цветастым.

Леонова вносит кофе. В комнате человек пятнадцать. Восьми удаётся сесть, семеро оставшихся устраиваются вторым этажом.

Произношу патетическую речь:

— 22 января 1904 года родился Аркадий Гайдар. 22 января 1947 года родился Владимир Лосенков. Лось, мне кажется, что это символично. И потому я поднимаю свой кофе за 22 января — день рождения Гайдара и Лосенкова.

Ф. Я. вручает Володьке маленький бюст Гайдара, Забиран — книги.

Кричим «ура!» по военно-морскому и переходим к кофе. Большинство присутствующих с утра не были дома, поэтому печенье «Лакомка» и все рядом с ним находящееся, несмотря на правила хорошего тона, через пять минут уничтожены.

Появляется второй кофейник. Глубокая тарелка по второму разу наполняется печеньем. Теперь можно переходить к светскому поведению: потягивая кофе, обсуждать мировые проблемы.

Перво-наперво поговорили о сборе. Всё вроде бы хорошо, но почему не было ревкома? И Ф. Я. говорит, что так как большинство ревкомовцев постоянно с коммуной работать не могут, то надо бы нас ввести в ревком. Нас — это несколько старших коммунаров. Оказывается, нам теперь столько лет, сколько было Ире Леоновой, и Вите Малову, и М. П. Забиран, когда они пришли в коммуны в качестве «взрослых».

Выросли, значит.

А мы и не заметили.

...Только что кончился «Вечер горящих сердец». Каждый отряд рассказывал об одном из замечательных людей.

К роялю около сцены из зала идет Ира Леонова. В руках — красная кожаная папка: в такие адреса вкладывают.

Я догадываюсь, что сейчас будет.

— Решение ревкома. Ввести в состав ревкома коммуны юных фрунзенцев коммунаров Прутта Александра, Лосенкова Владимира, Кулиеву Гюльнару, Магуна Владимира, Вознесенскую Александру.

В зале — буря. В ревком вводят не новых взрослых, а старых (хотя еще и не взрослых) коммунаров, которых сде-

лала коммуна. Может быть, это итог жизни коммуны. Вернее, один из итогов.

Хватают за руки: справа — Лось, слева — Прутт. Ревком уже поет «Октябренка». И буря тоже превращается в песню. Потом опять буря. Потом расходимся — уже ревкомовцами.

До конца дня руки все время заняты. Каждый берет в свою и долго трясет — одну или обе сразу.

А у меня, я знаю, счастливое лицо. Наверно, самое счастливое в жизни.

ПОСЛЕДНЯЯ АНКЕТА

Какая черта объединяет всех коммунаров?

Целеустремленность.

Без чего бы я не смог сейчас жить?

Без коммуны, без друзей, без мечты.

Боюсь ли я смерти?

Боязнь смерти уже прошла. Теперь уже не просыпаюсь в поту и не плачу в подушку: «Меня не будет!»

Некогда думать (кроме того, по натуре — оптимист). Только иногда печально: просто физически не охватить за одну жизнь того, что хочешь, не побывать там, где хочется.

Какие у меня самые счастливые дни?

Дни, проведенные с командой в Новгороде, дни в Михайловском, 24 марта — дни рождения коммуны.

Мне очень часто бывает хорошо. Спасибо за это всему простому и доброму.

Что изменила в моей жизни коммуна?

Изменила все.

Пришел совсем другим.

Родила второе «я». Перевоплотила во второе «я».

Спасибо!

КОММУНАРСКОЕ БРАТСТВО

— Раз, два... Не уроните!.. Три, четыре, еще пять...

Я взлетаю над палатками. Меня качают впервые в жизни.

Вокруг улыбающиеся лица. Сегодня у всех коммунаров праздник.

Мы беремся за руки и змейкой бежим на огромную горбатую поляну. Все что-то кричат, а я не могу — в горле комок. Такое я только в кино видела: все рады, все поют, кричат, каждый каждому товарищ. Если бы сейчас посмотреть с самолета, был бы виден один огромный белый круг на зеленой поляне. А я частица этого круга, и если я уйду из него, он разорвется. А сейчас нас много и мы сильные...

— А где Колька? — спрашиваю у Анюты.

— Он на кухне костер поддерживает. Я звала — не идет. Надо, говорит, чтобы обед сегодня вовремя был.

К пятилетию, ко дню рождения коммуны, Б. М. Неменский подарил нам свою картину.

На огромной горбатой поляне сидят в кругу ребята. Поляна напоминает земной шар. Коммунарское братство.

Это — о нас.

Ленинград
1965—1968 гг.

ПРОСТО ПО АЛФАВИТУ

За десять лет в коммуне выработалось много традиций, форм работы, появилось много своих терминов. Вот короткая сводка их.

Вечер горящих сердец. Каждый отряд рассказывает об одном из героев — о Фрунзе, Блюхере, Кирове, Макаренко, Дзержинском. Рассказ должен быть коротким и обязательно содержать в себе малоизвестные, новые сведения.

Вечер поэзии. Такой вечер может быть подготовлен — тогда каждый отряд рассказывает о каком-нибудь одном поэте и читает его стихи, — а может быть импровизированным. Поздно вечером все садятся в круг и в тишине, без всяких объявлений и без программы, каждый, кто хочет, читает любимые стихи. Кончил один — наступает тишина, и вдруг кто-то начинает читать еще... Главное в таком вечере — тихое, задумчивое настроение, сосредоточенность.

Времена года. Это коллективное празднование дня рождения. Все ребята делятся на четыре группы — кто родился зимой, кто весной, кто летом, кто осенью. Каждая группа «защищает» свое время года: оформляет соответствующим образом свой стол, дает маленький концерт на «весенние»

или «зимние» темы, произносит шуточные «тосты» и так далее — идет соревнование в изобретательности.

Девиз. Каждый раз, когда кончается день в коммуне, дежурный командир командует: «Встать! Смирно!» Все встают. Командир говорит: «Смело и бодро вперед!» — «Победа во что бы то ни стало!» — отвечает коммуна. Это слова из приказов М. В. Фрунзе. Обычно каждый «Спутник» коммуны имеет свой девиз.

День Маяковского. В этот день по всей коммуне развешивают плакаты со словами и рисунками В. Маяковского. Стихи — сначала обычно шуточные — сопровождают ребят даже на зарядку. Затем открываются специально оформленные «салоны». В одном из них рассказывают о жизни поэта, в другом — о его лирических стихах, в третьем — о драматургии. Вечером собирается вся коммуна вместе, идет серьезный разговор о поэте и его творчестве.

Примерно так же проводили в коммуне «День Гайдара» и другие «дни».

Защита профессий. Каждый отряд «выбирает» себе профессию и рассказывает о ней по возможности красочно, с выдумкой. Жюри определяет победителя.

Защита фантастических проектов. В этот вечер отряды, как в новосибирской физматшколе, «защищают» самые невероятные проекты — например, о том, как передвинуть Солнце или выпрямить земную ось...

Кольцо песен. Объявляют тему: «Песни гражданской войны» (или революционные, или туристские, или из кинофильмов тридцатых годов и т. п.). Определяют очередность выступлений. Каждый отряд поет песню (или один куплет), затем по кругу — второй отряд, третий, четвертый, опять первый и так далее. Запас песен исчерпан. Но какой-то отряд «держался» дольше всех. Это — победитель.

Концерт-молния. Каждый отряд в течение 15 минут го-

товит три-четыре номера по уговору, например, стихотворение, песню, оригинальный жанр. Жюри определяет победителя.

Концерт-ромашка. Из бумаги делают ромашку с лепестками по числу отрядов. Каждый отряд отрывает лепесток. На обратной его стороне стоит название страны — Франция, Индия, Италия... Через 20—30 минут отряд должен дать маленький концерт на итальянские или индийские темы.

Ленинская страничка. Выбирают одну страничку из сочинений В. И. Ленина — из речи на III съезде комсомола, из статьи «Лучше меньше, да лучше», из работы «Государство и революция». Расходятся по отрядам. Там, в отряде, эту страничку читают вслух (иногда два или три раза), разбирают, выдвигают вопросы. Затем все собираются вместе и обсуждают вопросы, уточняя для себя ленинские мысли.

Общий сбор — главный орган коммуны. На Общем сборе обсуждается какое-то важное для всех дело. Если вопрос задан заранее, отряды высказывают на сборе свое общее мнение (хотя, конечно, каждый может высказать свою, особую точку зрения). Если трудный вопрос возникает в ходе сбора, отряды получают три минуты «на шум» — собраться в кучку, обсудить вопрос и изложить свое мнение Общему сбору. Иногда ведущий опрашивает всех по кругу или обращается к отдельным ребятам: «Твое мнение?» Не иметь мнения в коммуне считается неприличным... По традиции ведущий (обычно это дежурный командир коммуны, ДКК) нарядно одет. На Общем сборе, в какое время года он ни проходит, обязательно стоят цветы. Продолжается сбор не больше полутора часов.

«Огонек» — это тоже Общий сбор, но ежевечерний. На «Огоньке» все сидят в кругу, много поют, отряды преподносят «сюрпризы». В деловой части «Огонька» обсуждают работу ДКК, текущие дела по формуле: «Что было хорошо?

Что плохо? Что надо делать?» Главное на «Огоньке» — настраивание ребят. Ведущий должен умело управлять им.

Операция «РС» — то есть «Ребятам села». Одна из крупных «операций» коммуны. Ее проводят во время сборов в Ефимовском районе. Помогают оформить школы, проводят с сельскими ребятами праздники олимпиады, показывают диафильмы, организуют детские садики.

Кроме того, коммуна проводила операции «РД» — «Ребятам двора», «РЛ» — «Радость людям», операцию «Человек — человеку» и другие.

Откровенный разговор проводится только с разрешения ревкома в самых дружных отрядах. Ребята по очереди обсуждают работу и поведение каждого во время сбора.

Попутный ветерок — прощальный вечер коммуны в конце сбора. На нем обсуждают итоги сбора, оценивают его, составляют наказ следующему сбору. К «Попутному ветерку» обычно проводят анкеты. По традиции много поют, и самая последняя песня — «О попутном ветерке».

Разведка боем — отряд отправляется в разведку: где коммунарки могут приложить руки, что надо сделать? Работу, которую можно сделать тут же, выполняют немедленно.

Разговор о жизни. Ребята заранее подают в Совет дела записки с вопросами о том, что им непонятно в современной жизни в стране и за рубежом. На Общем сборе все вместе отвечают на эти вопросы, объясняют товарищам то, чего те не понимают.

Разнобой. Отряды после короткой подготовки задают друг другу вопросы на четыре-пять тем: по международному положению, о строительстве в нашей стране, о литературе, о кино, о спорте и так далее, как договорятся. Победит тот отряд, который ответит правильнее, интереснее, остроумнее.

Ревком — так в коммуне называли совет старших друзей,

штаб коммуны, потому что однажды штаб заседал в комнате, где все было покрыто красным ситцем.

Снежная фантазия — зимний праздник. Простор для выдумки: строят снежные города, устраивают «катание на тройках» (впрягаются по трое в санки, возят девочек), цыганский табор, просто куча мала на ледяной горке. И, конечно, Дед-Мороз...

Совет дела создают каждый раз, когда нужно провести какую-нибудь «операцию», или праздник, или вечер. В него входят добровольцы из отрядов. Совет вырабатывает план, обсуждает его в отрядах, затем руководит исполнением дела и отчитывается на «Огоньке».

Спутники коммуны возникли в школах. Летом это лагерь наподобие коммунарского, с коммунарскими традициями. В учебное время «Спутник» (в него обычно входит весь Совет дружины) — самая активная часть пионеров и комсомольцев школы. Состав «Спутника» все время расширяется и обновляется.

Творческие объединения работают в коммуне с первого года. «Соловьи-разбойники» — устроители всяческих военных игр, «Райкины» — мастера эстрады, «газетчики», «киношники», «ломаносовцы» (специалисты по олимпиадам). Это не кружки, это — подсобные организации коммуны.

Трудовой десант. Если нужно срочно выполнить какую-то работу далеко от лагеря коммуны, высылают «трудовой десант». Иногда десант продолжается пять-шесть дней.

Шип-шип — «шутки и пародии, шалости и проказы». Самый веселый вечер в коммуне. Чтобы попасть на вечер, надо пройти через «ворота смеха» — рассмешить неулыбчивую стражу. Все бурлит. Вечер проводят на большой территории, а если в помещении, то во всех комнатах сразу. В каждой комнате — сюрпризы и неожиданности. Все коротко, весело, затейливо. Руководит всем этим «безобразием», как всегда, Совет дела.

М. НЕЙМАРК,

кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии воспитания школьника Института психологии Академии педагогических наук СССР.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В 1968 году на Всесоюзных педагогических чтениях было три доклада о Фрунзенской коммуне. Они вызвали колоссальный интерес у педагогов и ученых и получили первую премию. Кстати, в числе докладчиков была Фаина Яковлевна Шапиро, один из организаторов коммуны и ее руководитель в последние годы. Это о ней так тепло пишут ребята на страницах книги (рассказ «Коммунарская мама»). Опыт Фрунзенской коммуны, основанной на идеях доцента Ленинградского пединститута И. П. Иванова, получил высокую оценку в научных кругах Академии педагогических наук СССР.

Однако руководителей коммуны упрекали: почему они так мало рассказывают о своей работе? Ведь до сих пор, за исключением нескольких научных публикаций, о коммуне нечего было прочитать. Теперь этот недостаток восполнен.

Книга о Фрунзенской коммуне — оригинальное описание истории детской организации, уникальной со всех точек зрения и главным образом — по ее воспитательному эффекту.

Почему опыт коммуны можно назвать уникальным?

Люди, связанные с педагогикой и педагогической наукой, привыкли считать, что, хотя дети живут в коллективе, воспитываются в коллективе, продумывают процесс воспитания, его методику и результаты взрослые. В коммуне же мы видим удивительное явление: коммунары сами создают свою коммуну и сами творят себя. Сами вырабатывают идеал коммунара и сами воспитывают себя в соответствии с этим идеалом. Они понимают этот процесс самовоспитания, осмысливают его и по ходу дела вносят поправки и в идеал, и в методику работы. В этом отличие Фрунзенской коммуны от многих детских клубов, команд, обществ и т. д.: коммунары не просто живут захватывающей, полезной для других жизнью — они с помощью старших строят свою жизнь на определенных научных принципах, по хорошо продуманной методике, составляющей строгую систему. При этом методика их никогда не застывает, не превращается в набор рецептов. Она развивается и становится методикой развития детского коллектива.

Опыт Фрунзенской коммуны обладает важным качеством всякого научного опыта: его можно повторить. Не случайно находки коммуны используют в работе многие пионерские отряды и комсомольские организации страны, порою даже и не зная, откуда эти находки пришли: патентов на педагогические открытия не бывает.

В книге явственно проступает научный анализ мотивов поведения и механизмов воздействия коллектива на личность. Коммуна ни для кого не стала долгом, она для всех — увлечение, счастье. Сначала коммунарам было просто интересно: всё делали весело, всё — вместе, все внимательны и заботливы, изобретательны и остроумны, на каждом шагу — сюрпризы. Есть где проявить себя. А потом всего этого стало мало. «Что мы даем людям? Для чего живем?» И тогда — Ефимия. С этого момента (а не сразу!) коммуна стала коммуной. Но еще была опасность превратиться в замкнутую секту, в которой на смену личному, индивидуальному

чувству исключительности могло прийти не менее опасное чувство коллективной исключительности: «Мы — коммуна. Мы не похожи на других, мы лучше, мы особенные». Могло возникнуть стремление изолироваться от жизни, замкнуться в своем коллективе, и тогда самые хорошие коммунарские дела не спасли бы коммуны от загнивания. Однако коллектив коммуны понял эту опасность. Коммуна создала «Спутники». Так она охватила огромное число ребят. И оказалось, что все пионеры стремятся к идеалу, стремятся к полезной, а не просто веселой жизни. Надо лишь научить их, что делать, как организовать и осмыслить свою жизнь. Коммунары стали воспитателями, продолжая воспитываться сами.

Книга предельно правдива. Трудности были, и их не скрывают. Драматические страницы рассказывают о конфликте с Олегом Ивановичем. Олег Иванович, создатель коммуны, несомненно выдающийся человек, и очень важно, очень показательно, что в коммуне понимают это. Тут проявилась зрелость коммунаров. Они не только отстояли коммуны, но и поняли, что она — детище Олега Ивановича, победа его принципов. Можно только пожалеть, что такой конфликт произошел, но что поделаешь? История педагогики полна таких, быть может и не совсем понятных для постороннего, столкновений, ибо практическая педагогика — это жизнь, а жизни бесконфликтной не бывает...

Книга о Фрунзенской коммуне, при очевидной внутренней правдивости ее, конечно, не могла быть абсолютно точным протокольным описанием жизни коммуны: какие-то события изложены не в той последовательности, какие-то факты представлены так, как увидели их дети; поэтому-то, и совершенно правильно, некоторые имена в книге изменены. Составитель и издательство имели на это право.

«Фрунзенская коммуна» продолжает тот ряд книг, написанных детьми, которые по совету А. М. Горького были изданы в 30-е годы: «База курносых», «Мы — из Игарки».

По образности языка, свежести чувств и мыслей, эмоциональной насыщенности эту книгу можно смело отнести к художественным произведениям.

Многоликость авторов, разнообразие взглядов, отношений и чувств придает книге не только достоверность, но и бесконечное обаяние. За каждой главкой чувствуется автор с его неповторимой личностью и неповторимым отношением к коммуне. Вместе с тем многочисленность авторов, разнообразие стилей не делают книгу раздробленной. Она удачно составлена и по своей структуре безусловно представляет собою единое целое. Невольно возникает мысль о талантливости коллектива и о том, что настоящий коллектив (я подчеркиваю — настоящий) пробуждает таланты. А может быть, и формирует их?

ОГЛАВЛЕНИЕ*

<p>Кто автор этой книги и как ее писали 5</p> <p>Глава первая, самая неясная 7</p> <p style="padding-left: 20px;"><i>Варежки синие и красные (Наташа Перфильева). Можно ли жить одному? Олег Иванович. Лариса Павловна. Фаина Яковлевна. Все трое. Цветочки (Саша Прутт). Нате, пожалуйста! (Наташа Липнер). Идеи. «Огонек». Побег? «Алтай» + «Сибирь» (Саша Прутт). Тимуровский десант (Саша Прутт). Девиз. Понемногу проясняется. На дорогу — батон (Мира Катковникова и Наташа Андреева). Районный штаб. Тайная вечеря (Володя Магун). Открытие. Получается.</i></p> <p>Глава вторая, самая взрослая 36</p> <p style="padding-left: 20px;"><i>Мостик (Витя Шейнсон). «Будь здоров, Юрик!» Ревком. Пусть поет скрипка! (Володя Цивин). Заставили (Володя Цивин). Семь страничек. Если нужно — разбуди (Кира Шангина). Приказ совета КЮФ (Володя Лосенков). Письмо отряду «Сибирь». Алик. «Нет кита». В строю.</i></p> <p>Глава третья, самая деловая 51</p> <p style="padding-left: 20px;"><i>На перепутье. А как же Крым? «Пи-ши-те!» (Саша Прутт). Чистить зубы запрещается. Рапорты дежурных командиров (Володя Магун). Первая любовь (Володя Лосенков). Десант (Лена Казакина). О часах и занозе. Много открытий (Володя Магун). Всё творчески, иначе — зачем? Мой «Урал». «Каким станет человек будущего?» (Володя Магун). Швамбратия (Аня Андрюкова и Коля Крыщук). Утренний совет. Анкета.</i></p> <p>Глава четвертая, самая драматичная 72</p> <p style="padding-left: 20px;"><i>«Кто вам разрешил?..» Самоуправление. Первые волнения (Наташа Андреева, Марик Раскин, Таня Теплиц). Разрыв.</i></p> <p>Глава пятая, самая спорная 84</p> <p style="padding-left: 20px;"><i>Что же дальше? От четырех до шести. Как цветы ночью светятся (Наташа Андреева). Опять диспут. «Из всех искусств...» (Рита Ханина). Прозаики. «Зачем человеку искусство?» Понравилось? Письмо от Незнайки (Володя Магун). Стихи в тишине (Лена Казакина). «Мир открылся очам мятежным...» (Лена Шевалдышева). Записка (Игорь Евдокимов и Володя Цивин). Борис Михайлович (Володя Цивин).</i></p>	<p>Глава шестая, самая трудная 104</p> <p style="padding-left: 20px;"><i>Даешь «Спутники»! На выручку в «Урал» (Володя Цивин). Меня поздравляют (Марик Раскин). Маманя растет (Володя Цивин). Съезд комиссаров. Из делегатского блокнота (Таня Теплиц). Сдаю досрочно. Ночь на двадцать второе (Таня Ремизова). Анкеты в «Спутниках».</i></p> <p>Глава седьмая, самая многолюдная 118</p> <p style="padding-left: 20px;"><i>Следующий шаг. Гор не воротили (Люба Тверская). «Огонек» у моря. Цепная реакция. Встречи, встречи... (Ира Киселева). В три смены. Личные письма. Последний «Огонек» (Сергея Поляков из Ульяновска). А начало?</i></p> <p>Глава восьмая, самая будничная 132</p> <p style="padding-left: 20px;"><i>Сборы, сборы... Наряды, Ташкент и курочки. Час и еще час (Володя Цивин). Иду с братом (Игорь Воеводский). Мой рыцарь (Маша Волькенштейн). Похвальное слово телефону (Саша Прутт). День рождения (Володя Цивин). Как я пыталась зачехнуть (Маша Волькенштейн). Джон выходит из колыбели. Противный Джон! (Маша Волькенштейн). После сбора. Племянник (Володя Цивин). Председатель — Наташа (Наташа Ньюсенкова). Здравствуй, Волга! (Наташа Ньюсенкова). Операция «СУ» (Володя Магун). Кто Дед-Мороз? (Коля Крыщук). Незнакомых нет (Володя Магун). Коммунарская мама (Володя Цивин).</i></p> <p>Глава девятая, самая... нет, не самая последняя 152</p> <p style="padding-left: 20px;"><i>Кто предскажет судьбу? Малыши подают голос (Нонна Хлавно). «Боги» и люди (Лена Казакина). «Уходите из коммуны!» (Володя Магун). «Не уходите из коммуны!» (Коля Крыщук). Делаю выводы (Володя Лосенков). Мои пять лет (Володя Магун). Олег Иванович. Чуть-чуть о цифрах. В этом честном и добром мире (Володя Магун, Оля Потягайло, Аня Андрюкова). Типичная ситуация. Мобилизация в ревком (Володя Магун). Последняя анкета (Володя Цивин). Коммунарское братство (Оля Потягайло).</i></p> <p>Просто по алфавиту 165</p> <p>Послесловие. Ней марк М. С. 170</p>
---	--

* В оглавлении указаны имена основных авторов. К сожалению, нет возможности перечислить всех, кто участвовал в создании книги: для этого пришлось бы привести полный список коммуны.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге присылать по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Для среднего
и старшего возраста

Ф Р У Н З Е Н С К А Я К О М М У Н А

Ответственный редактор М. В. Радзишевская.
Художественный редактор М. Д. Суховцева.
Технический редактор Л. П. Костикова. Кор-
ректоры Л. М. Агафонова и З. С. Ульянова.
Сдано в набор 13-XII 1971 г. Подписано в пе-
чати 20-III 1972 г. Формат 60×84¹/₁₆. Печ.
л. 11. Усл. печ. л. 10,26. (Уч.-изд. л. 8,21).
Тираж 100 000 экз. ТП 1972 № 875. А03266.
Цена 87 коп. на бум. № 2. Ордена Трудового
Красного Знамени издательство «Детская
литература» Комитета по печати при Совете
Министров РСФСР. Москва, Центр, М. Чер-
касский пер., 1. Отпечатано с матриц фаб-
рики «Детская книга» № 1, Москва, Кали-
нинским полиграфкомбинатом детской лите-
ратуры Росглаволиграфпрома Комитета по
печати при Совете Министров РСФСР, г. Ка-
линин, проспект 50-летия Октября, 46.
Заказ № 468